

Ольга Иванова

МОХИТО ДЛЯ ИЗГНАННИКА ТЬМЫ

ПРОЛОГ

— Красота... — Я поправила флакон в виде тыквочки, который никак не хотел становиться в ряд с остальными, то и дело выпячивая свой золотистый бочок, и отошла на шаг, удовлетворенно разглядывая результат своей работы.

Витрина с зельями выглядела безупречно. Люблю, когда все на своих местах. Порядок должен быть во всем — в работе, в голове, в жизни. С последним у меня, конечно, порой возникают трудности, но я пытаюсь это исправить.

Луч закатного солнца проскользнул через стекло витрины, игриво пробежал по разноцветным баночкам-флакончикам, красноватыми бликами отражаясь в их причудливых гранях, ласково погладил меня по щеке, попытался пощекотать глаза, но я увернулась и засмеялась.

— На сегодня, пожалуй, хватит, — сказала сама себе и направилась к двери, чтобы перевернуть табличку с надписью «открыто» на «закрыто».

— Госпожа Лия... — Скрипучий голос за спиной заставил меня вздрогнуть, а после с досадой выругаться. Мысленно, конечно.

Я медленно обернулась. Около тумбы с бытовыми зельями стоял худой длинный тип с лысым черепом и бледным лицом, на котором чернели маленькие, глубоко посаженные глазки. Джо Курт, слуга-прихвостень этого невыносимого лорда Реллингтона. Опять пожаловал, чтоб ему до конца года икалось! Как и его хозяину.

— Вообще-то, вход в лавку здесь. — Я ткнула пальцем в дверь. — И она уже закрыта.

Напоминать об этом Курту было бессмысленно: для Темных вообще не существовало ни дверей, ни стен, ни других преград. Я же просто таким образом выплеснула свое раздражение. Впрочем, Темному и на это было плевать. Он как стоял бесстрастным истуканом, так и продолжал стоять.

— Чего желаете? — поинтересовалась я елейным голоском.

— Меня прислал лорд Реллингтон.

Кто б сомневался!

— Сожалею, — преувеличенно вежливо ответила я, — но следующая порция его лекарства дойдет до готовности только послезавтра. Может, ему предложить вытяжку из хохотун-травы? Отличное средство от хандры, агрессии, нервозности... То, что надо вашему лорду в его нынешнем состоянии.

— У него для вас сообщение.

Курт вытянул руку ладонью вверх. Из нее выпрыгнул чернильно-синий мяч и завис в воздухе. Говорильник. Помню, какой у меня был шок, когда я впервые столкнулась с подобной формой переносчика информации. У мяча появился рот, и в следующую минуту меня просто оглушил рев «милейшего» лорда Реллингтона:

— Госпожа Тишшшкова, — мою непривычную для его языка и слуха фамилию он слегка коверкал, — завтра в полдень вы обязаны явиться в храм Пяти богов! Наша свадьба состоится, желаете вы этого или нет! И не вздумайте опять сбежать! Найду вас, где бы вы ни были, и притащу к алтарю хоть полумертвую! А если понадобится — из мертвых подниму!

Ох, ох, ох, сколько экспрессии! Куда же подевалась ваша аристократичная сдержанность и холодность, милорд? Но нужно признать, эта речь произвела на меня нужный эффект. Я испугалась. И поверила. Поверила, что он непременно приведет свою угрозу в действие.

Из лавки выходила на негнущихся ногах. Когда я закрывала на замок дверь, фигура Джо Курта за стеклом уже теряла свои очертания, растворяясь в воздухе. Меня же теперь не радовали ни с любовью оформленная витрина, ни закат, розовой дымкой накрывающий

улицы Талосса. Даже аромат ванили и корицы, который круглосуточно распространяла пекарня мистера Вальди, не казался таким потрясающим. И уж точно не вызывал аппетита, потому что после сообщения лорда Реллингтона он у меня пропал напрочь. Сейчас все мои мысли были лишь об одном: у меня есть только ночь, чтобы придумать, как избежать нежеланного брака с тем, кого жители этого города называют Изгнанником Тьмы. А я сама боюсь до дрожи, хоть и не показываю этого.

Вам, наверное, любопытно узнать, как я оказалась в таком удручающем положении? Тогда, пожалуй, придется начать с самого начала. А началось все... Пойдите, с чего же все началось? С того, как я приготовила не то зелье? Или когда поторопилась подписать трудовой договор с несколькими странными пунктами? Нет, все же началось это с яблок. Яблок, которые я купила рядом с метро у одной улыбчивой бабушки...

Но обо всем по порядку.

ГЛАВА 1

Итак, все началось с яблок.

Настроение было отвратительней некуда, а яблоки выглядели такими аппетитными, спелыми и наверняка сочными. Белый налив, мой любимый сорт... Я отчетливо представила, как вгрызаюсь в золотистый бок, раздаётся хруст, и рот наполняется кисло-сладким соком. Я сглотнула и решительно направилась к бабушке, которая одиноко стояла у входа в метро с ведром тех самых яблок и постоянно озиралась, наверное, в страхе, что нагрянет патруль и ее прогонят. В лучшем случае прогонят, а в худшем — сдерут приличный штраф за нелегальную торговлю. Бабуля же была маленькая, худенькая, опрятная, в цветастом платье и белом платочке — ну прямо вылитый пример того самого божьего одуванчика. Увидев меня, она прямо засветилась вся и заулыбалась щербатым ртом. И глаза такие синие-синие, молодые.

— А несколько штук продадите? — спросила я ее.

— Да бери все, деточка, — заговорила она торопливо. — Я тебе вместе с ведром отдам за полтинник.

— Боюсь, на все у меня денег не хватит, — ответила я, заглядывая в свой пустой кошелек. На душе сразу стало еще тоскливей: вот, дожилась, даже яблок купить не могу в самый сезон. — Мне бы пару штук...

— Ладно, бери так! — махнула бабуля. — Сколько тебе? Два, три? Только пакета у меня нет, я тебе в газетку заверну. — И она шустро сделала кулек, куда закинула несколько яблок, и почти насильно всунула его мне в руки.

— Возьмите хотя бы пару рублей. — Я попыталась одной рукой выловить из кошелька монетку, другая же была занята: прижимала к груди кулек.

— Не надо мне, — ответила та категорично. — Ешь на здоровье. И на удачу. Ешь.

— Да уж, удача мне не помешает. — Я благодарно улыбнулась. — Спасибо вам большое. Будьте здоровы.

— Ага, и ты будь. — Бабушка снова улыбнулась.

Отходя от нее, я все равно испытывала неловкость, будто получила эти яблоки незаслуженно. Потом же меня осенило, что где-то в сумке должна была заваляться конфетка, так, может, ею угостить старушку в ответ? Бабушки же любят сладкое. Я примостила кулек поудобнее под мышкой, запустила руку в сумку и одновременно обернулась... А бабули-то и след простыл! Куда ж она так быстро подевалась? Не могла же за две минуты продать яблоки. Я помотала головой в надежде увидеть ее силуэт в толпе, но ничего похожего на белую косынку и платье в цветочек не нашла. Вздохнула и закрыла сумку. Что ж, значит, не судьба... Все равно, еще раз большое тебе спасибо, бабушка.

Пока шла домой, все-таки не удержалась и взяла одно яблоко. Обтерла его о футболку и воплотила в жизнь недавнюю мечту: откусила большой такой ломоть с хрустом, с брызгами... Мм, вкуснотища...

У подъезда столкнулась с соседкой. Дамой из той классической категории, которым нужно знать все и про всех.

— А ты, Юлечка, чего не на работе? — спросила она, сверкая любопытными глазками.

И наступила на большую мозоль. А сверху присыпала рану солью.

— Отпуск у меня, — даже не пытаюсь быть любезной, отозвалась я и поспешила скрыться в подъезде.

Ага, отпуск... Бессрочный. Сколько таких отпусков у меня уже было? Не счесть. Каждый раз, когда я куда-нибудь устраивалась на работу, не проходило и полугода, как что-то случалось в организации и она закрывалась. После пятого-шестого раза я начала

подозревать, что дело во мне и, возможно, именно я приношу неудачу с собой. Осознав это, чего только не делала! Ходила к гадалкам, снимала порчу, ставила свечи в церкви, выполняла какие-то немислимые ритуалы на привлечение удачи, вычитанные в интернете, и даже меняла профессии — все без толку. Компании продолжали разоряться, прогибаться под конкурентов, директора сбегать с деньгами, а бухгалтеры шли под суд. Вот и с последней моей работой вышло то же самое. Популярный паб в центре города, куда я устроилась в январе барменом (очередной резкий поворот в моей профессиональной карьере), к июлю, который сейчас значился на календаре, разорился подчистую, а с сегодняшнего дня перестал существовать и на бумагах, работникам же не смогли даже выдать выходное пособие. Пообещали изыскать на него средства позже, но до того момента я уже точно положу зубы на полку. Значит, опять впереди муторные поиски работы... А с каждым разом они проходят все трудней и трудней. Как только работодатель видит мой «послужной» список, у него, как правило, начинает дергаться глаз и назревать сомнения в необходимости такого разностороннего сотрудника. И они ведь не подозревают, насколько правы! А мне даже становится жаль тех, кто решается все-таки взять меня на работу, ибо они пока не представляют, что их ждет в течение полугода. Ну а я молчу. А что прикажете делать? Кушать-то хочется. И жить тоже. Но вообще я оптимистка, поэтому все равно каждый раз надеюсь, что в новой компании с меня наконец спадет проклятие и впереди — только долгие и счастливые годы работы.

Впрочем, не так уж все плохо у меня в жизни: квартира своя есть (досталась от бабушки в наследство), родители живы, слава богу, хоть и обитают в другом городе, сама вроде не обделена здоровьем. Так что прорвемся. Жаль, конечно, что к тридцати годам еще не обзавелась семьей, детьми, но и это дело наживное. Просто, наверное, еще не пришло время. Как говорится, судьба и за печкой найдет. А пока будем рассчитывать только на себя...

В кульке оставалось еще два яблока. Я их вымыла, положила в фруктовницу, а газету собралась выбросить, но в последний момент мое внимание привлекло объявление в самом углу страницы: «Требуется компаньон/ка для пожилого человека. Официальное трудоустройство. Полный соцпакет, проживание, питание. Достойная оплата. Все подробности по телефону...» Уже само по себе объявление в газете о работе в век нынешних технологий выглядело несколько непривычно, а если учесть, что это не рекламное издание, а самое обычное, новостное, то и вовсе странно, как оно там оказалось. Я глянула на дату выхода газеты: вчерашнее число. Значит, объявление свежее. Компаньон для старика... Если я правильно понимаю, это не равно «сиделка». Скорее это тот, кто скрашивает досуг пожилого человека: гуляет с ним, разговаривает, читает книги, играет в шахматы... А я, кстати, умею в них играть. Что там еще старики любят? В принципе, работа непьющая. И если это не развод, а реально так, как написано в объявлении, то... Почему бы и нет? Добавим в свою копилку еще и должность компаньонки. Тем более это не организация, она не закроется и не разорится, если только... Старик не отойдет в мир иной через отведенный моим «везением» срок. Черт... Как же быть? Ведь я себе не прошу, если из-за меня кто-то еще и умрет.

Ладно. Пока просто позвоню и узнаю подробности. Может, мне самой их условия не понравятся? Или я их не устраю?

Трубку подняли мгновенно, будто ждали моего звонка.

— Слушаю, — раздался мужской деловой голос.

— Добрый день, — я кашлянула, от волнения прочищая горло, — я по объявлению. Компаньон для пожилого человека...

— А, да. Приезжайте.

— В смысле? — Я опешила от такой мгновенной реакции. — Мне хотелось бы узнать подробности. Возможно, и вам захочется что-то у меня спросить.

— Вот приедете — и все узнаете на месте. Записывайте адрес. Буду ждать вас до пяти. — Мне быстро продиктовали улицу, дом, номер офиса и отключились.

Вот тебе и поговорили. Хотя бы представился. Кого, например, спрашивать? И мое имя не спросил. Подозрительно даже. Я посмотрела на бумажку с адресом. А ведь это недалеко от меня, несколько остановок на автобусе, а при желании даже пешком дойти

можно. И время — три часа. Успею запросто до пяти. Может, прогуляться в ту сторону? Если не понравится что-то, развернусь и уйду. В общем, посмотрим.

До нужного места добралась просто в рекордные сроки. Казалось, удача наконец улыбнулась мне. Посудите сами: не успела подойти к остановке — тут же подъехал автобус, симпатичный мужчина уступил мне место, а на всем пути мы ни разу не остановились на красный свет. Светофор на пешеходном переходе тоже встретил меня, подмигивая зеленым глазом. И даже лифта не пришлось ждать! Его двери сами распахнулись, стоило мне оказаться в фойе офисного здания. В общем, я сама не заметила, как уже стояла около двери с нужным номером. «Агентство по трудоустройству „Параллель“» — значилось золочеными буквами на дверной табличке. Что ж, смотрится солидно. Я поправила волосы, собранные в элегантную ракушку, проверила пуговицы на блузке, сделала глубокий вдох — и постучала.

Обладатель делового голоса оказался невысоким щуплым дядечкой с залысинами и впечатляющими усами, которые своей пышностью компенсировали недостаток растительности на голове. Да, и шевелюра, и усы были рыжими.

— Я вам звонила по поводу работы, — не зная, что сказать, напомнила я.

Он кивнул и показал на кресло рядом со своим столом.

— Заполните анкету соискателя. — Передо мной тут же возник бланк и ручка. — Отвечать необходимо предельно честно.

— Да мне вроде нечего скрывать. — Я нервно усмехнулась и украдкой вытерла вспотевшие руки о юбку. — Только, возможно, вы мне сначала расскажете о работе, которую предлагаете? Какие обязанности она в себя включает? Какая оплата?

— Клиент — в прошлом профессор травоведения, сейчас имеет маленький бизнес по продаже различных лекарственных средств, — начал все тем же деловым тоном рекрутер. — Ему нужен компаньон и помощник в этом деле.

Меня должно было сразу насторожить старомодное слово «травоведение», ведь сама по основной специальности являюсь фармацевтом, но нет, отчего-то продолжила слушать, и даже с возрастающим интересом.

— Хотите сказать, у него аптека? — Я спросила это даже с некоторым замиранием в голосе: моя профессия мне очень нравилась, только вот поработать в ней долго, увы, не довелось.

— Можно сказать и так, — прозвучал ответ. — Компаньон должен помогать ему как по хозяйству, так и в лавке. Проживание круглосуточное у клиента. Питание тоже за его счет. Два выходных в месяц. Контракт заключается на год. Оплата либо целиком по истечении срока контракта, либо помесечно. — А далее мне назвали такую сумму, от которой у меня реально округлились глаза.

— Это за год? — робко уточнила я, игнорируя при этом еще одно царапнувшее слух слово «лавка».

— За месяц.

Я с шумом выдохнула, пытаюсь справиться с ошеломлением. Да я таких денег в руках никогда не держала! А всего за год можно накопить сумму на безбедную жизнь еще лет на десять, а то и пятнадцать! И это только лишь за то, чтобы помочь старику? Да еще и в моем любимом деле? Прямо мечта какая-то... И очень подозрительно.

— Как я могу быть уверена, что вы меня не обманываете? — прямо спросила я. — Поймите, все слишком... невероятно.

Рыжий презрительно фыркнул.

— Делать нам больше нечего. Да и, простите, каким образом мы вас можем обмануть? Нам от вас ничего не нужно, только ваше согласие на годовое проживание в другом месте.

— Где именно? — встрепелулась я. Не то чтобы я была против временного переезда, но все же хотелось знать подробности.

— В другом городе. Его название вам ничего не скажет, он не на слуху. Но это не очень далеко отсюда, уверяю. И в договоре все будет указано. Мы вас доставим до места и заберем обратно, на этот счет тоже волноваться не стоит.

— Слишком много плюшек. — Я все еще колебалась. — В чем подвох?

— В том, что работа не такая уж легкая, как вам могло показаться. И ее будет много, почти круглосуточно. Бенджамин Коун очень требовательный клиент.

— Бендж... — Я споткнулась на этом имени. — Кто, простите? Он иностранец?

— Да, он не местный. Вас это тревожит?

Вот это поворот...

— На каком языке с ним придется общаться? — озадачилась я. — Я знаю только английский, и то разговорный...

— Проблемы в общении у вас не будет, — снова заверил меня рыжий и поторопил: — Заполняйте анкету. Мне еще нужно послать ее на сверку клиенту. Если вы его устроите, сегодня вечером и переедете к нему.

— Сегодня? — Меня настигло очередное потрясение. — Уже?

— Да, мастеру Коуну компаньон нужен срочно. Если вы не готовы, то мы поищем другие варианты.

— Нет. — Я сама не ожидала от себя такой решимости. — Я готова.

В конце концов, мне завтра есть уже нечего, а тут такая возможность. Полный пансион. И оплата аховая! Да и работу я уже столько раз меняла, хваталась за любую возможность, зачастую прыгая в неизвестность, что мне не привыкать рисковать. А квартира... Предложу пожить подруге, она вечно мыкается по съемным квартирам с маленьким ребенком. Заодно и присмотрит за ней.

Теперь анкета...

Имя, фамилия. Отчество не надо? Ладно. Юлия Тишкова.

Возраст. Мой нелюбимый вопрос. 30 лет позавчера стукнуло.

Образование. Предыдущие места работы... Тут я, чувствую, застряну. Но рыжий ничего, терпеливо ждал, но следил за моей писаниной. Кажется, даже читать умудрялся вверх ногами. А это что за странный вопрос? Цвет волос, глаз, рост? А параметры фигуры не написать?

— Зачем это знать вашему клиенту? — Я не собиралась скрывать возмущения. — Или... Может, в обязанности компаньонки входят интимные услуги? Об этом вы так старательно умалчиваете, прикрываясь большим вознаграждением?

— Да как вы такое могли подумать? — Мой собеседник возмутился в ответ, притом вполне искренне. — Мы — уважаемая контора и клиенты у нас тоже уважаемые! А это... Небольшое пожелание данного работодателя. Видите ли... — голос рыжего понизился до доверительного шепота, — господин Коун уже не в том возрасте, чтобы заглядываться на женщин, это раз. А во-вторых, он с опаской относится к брюнеткам, считает их несколько агрессивными и своенравными, в том числе и в работе. И блондинок не очень жалуется, они ему кажутся легкомысленными и ненадежными. Вот такое странное предубеждение. Он предпочитает иметь дело со спокойными милыми шатенками, такими, как вы. — Цепкий взгляд задержался на моей безусловно гладкой прическе. — И ваши зеленые глаза тоже хорошо соотносятся с его пожеланиями. То есть вы ему однозначно понравитесь.

— А рост? Мой метр шестьдесят восемь его устроит? — уточнила я с легким сарказмом.

— Главное, не выше метра семидесяти трех, — заверил меня рекрутер.

— А возраст? Я не старовата для него?

— Нет, юные особы тоже не приветствуются. Ваш возраст идеален. Даже пяток лет можно было бы и накинуть.

Ох, а старик, похоже, с большими комплексами относительно женщин.

— А если бы на моем месте был мужчина? К нему тоже предъявлялись бы такие же требования? — задала я еще один вопрос. — У вас ведь стоит в объявлении «компаньон-компаньонка»... То есть допускались оба варианта.

— К мужчине требования были бы иные, но давайте не будем их обсуждать. Сейчас на эту должность претендуете вы, значит, требования предъявляются к вам. — Рыжий забрал у меня анкету и пробежался глазами по заполненным графам. — Фармацевт, менеджер по продажам, секретарь... Да вы просто кладезь необходимых навыков!

— Благодарю.

Хоть тут пригодилось.

Но рыжие брови рекрутера вдруг взметнулись вверх, а усы озадаченно шевельнулись.

— Бармен?

— Да. — Я натянула улыбку. — Это мое последнее место работы.

— Как у вас отношения с алкоголем? — Мужчина нахмурился.

— Сугубо деловые. Использую только в работе, в личных целях — крайне редко и в небольших количествах.

— Хорошо, теперь отправим анкету на рассмотрение клиенту.

Он вставил бланки в факс, набрал номер и, дождавшись гудка, нажал на кнопку. Возможно, я в тот момент просто моргнула и пропустила, когда аппарат проглотил анкету, но та пропала как-то слишком быстро. Мне даже радужная вспышка померещилась. Интересно, что за марка такая? Явно новинка, потому что никогда раньше не встречала такого скоростного факса. Но самое удивительное, что не прошло и минуты, как анкета выползла обратно, только теперь по диагонали ее пересекала размашистая надпись, правда, из-за почерка с избытком завитушек разобрать, что она означала, мне не удалось. Но рекрутер мне ее расшифровал, радостно сообщив:

— Я же говорил, что господин Коун одобрит вашу кандидатуру. Поздравляю, вы приняты!

Я смогла лишь кивнуть. Пожалуй, я впервые так быстро получаю работу. И нет, не хочу думать, что ей сопутствуют некоторые странности. Просто, возможно, фортуна действительно решила одарить меня своим благословением, и в компаньонках этого старика-иностранца я прохожу больше полугода.

И все-таки я не выдержала, спросила:

— Подскажите, а если произойдет что-то необратимое... Так называемый форс-мажор. Например, с моим работодателем. Все-таки он уже далеко не молод, как вы сами говорили.

— Может, для ухаживаний за женщинами господин Коун уже не молод, — усмехнулся рекрутер, — но в остальном он полон сил и энергии. И точно не собирается прощаться с этим миром в ближайшие годы, не говоря уже о шести месяцах. — И произнес он это с такой интонацией, будто знал о моем «проклятии». — Перейдем к договору...

ГЛАВА 2

Чемодан пришлось собирать впопыхах, слишком мало времени мне дали на это. Я вышла из агентства в половине шестого, а в девять за мной должны были заехать. Кроме этого, нужно было решить кучу других дел, например, осчастливить подругу, «презентовав» ей квартиру на целый год. Ну или как пойдет. Предупредить родителей, что уезжаю на некоторое время. А еще... Я все же не стерпела и провела небольшое расследование. Помнится, одна знакомая учила меня, как проверить работодателя на вшивость: забить на сайте налоговой название организации и посмотреть, есть ли она в реестре. К моему облегчению, «Параллель» существовала, притом давно. Исков никаких к ним тоже не предъявлялось, что тоже хорошо. А вот сайта у них почему-то не было. Но это смущало куда меньше. Для большего спокойствия я оставила подруге записку, где сообщала все сведения об агентстве и будущем работодателе, переписав их из договора. Да, вот такая я перестраховщица. Но когда ты за свою жизнь сменила столько рабочих мест, и не до такого дойдешь.

Кстати, о договоре. В нем был один непонятный пункт, который сразу обращал на себя внимание, но который я все же списала на странность моего будущего «начальника». Он звучал так: «Договор немедленно расторгается, если работник не сможет войти на территорию дома работодателя. В этом случае работнику будет выплачена неустойка в размере месячной зарплаты». Трудно, конечно, представить, по какой причине я не смогу зайти на территорию дома (может, там злая собака, с которой не каждый поладит?), но, главное, мне это компенсируют деньгами. А что мне еще надо? Ничего. Вот именно, поэтому я ничего и не теряю. Впрочем, меня сразу предупредили, что этот договор, в принципе, расторгается только в одностороннем порядке работодателем, за что я тоже получу денежную компенсацию. Если же старика все будет устраивать, я должна буду работать на него ровно год, и ни дня меньше. Но меня подобными драконовскими условиями не испугаешь! Я и не с таким сталкивалась. А если еще мое «проклятие шести месяцев» вступит в силу, то... Но нет, лучше я не буду об этом думать. Позитив! Настраиваемся только на позитив!

Ровно в девять я стояла у своего подъезда с чемоданом и выглядывала автомобиль, который должен был за мной приехать. Тот не заставил себя ждать, вскоре показавшись в арке дома. Ого, да он настоящий ретро! Еще и красный, блестящий, будто из музея. Это точно по мою душу?

— Госпожа Тишкова? — Из машины вышел совершенно лысый водитель, зато опять же с усами, смолянисто-черными и лихо закрученными. А еще мужчина был в строгом черном костюме, тоже несколько старомодном, и сияющей белизной рубашке.

— Да, это я, — отозвалась после секундного замешательства.

Водитель подхватил мой чемодан и положил в багажник.

Затем галантно открыл передо мной переднюю дверцу.

— Прошу.

На нас уже глазел весь двор: от припозднившихся мамаш на детской площадке до мужиков, распивающих пиво в беседке. Я уже молчу об окнах, которые без всякого стеснения распаивали одно за другим. Поэтому я поторопилась воспользоваться приглашением и нырнула в салон автомобиля. Внутри оказалось прохладно, пахло кожей и немного цитрусом. Водитель тоже занял свое место и повернул ключ зажигания. Машина заурчала и плавно покатила вперед.

— Вам жарко? Холодно? — любезно поинтересовался водитель. — Кондиционер могу настроить под вас.

— Спасибо, мне вполне комфортно, — ответила я, рассматривая приборную панель из полированного красного дерева, еще и с хромированными вставками. Красота какая...

— Музыку включить?

— Мне без разницы.

Водитель нажал на какую-то кнопку, и салон наполнил негромкий джаз.

— Пристегнитесь, пожалуйста, — попросил он после. — Скоро поедем быстрее...

— А доедем как скоро? — спросила я, застегивая ремень безопасности.

— Скоро, — неопределенно ответили мне и замолчали.

К тому времени, как мы выехали из города, уже начало смеркаться. А когда по бокам стеной потянулся лес, и вовсе стемнело. Еще и туман стал наползать. Мне стало как-то неуютно, и я поерзала на сиденье, потом начала нервно тереть краешек футболки.

— Съешьте яблоко. — Водитель протянул мне откуда-то взявшийся фрукт. — И не волнуйтесь, скоро прибудем.

Я взяла яблоко и нерешительно покрутила его в ладонях. Белый налив, снова он... Потом все же укусила раз, другой — и не заметила, как от него остался тоненький огрызок.

— Теперь не пугайтесь, — вдруг спокойно произнес водитель.

А в следующий миг у меня выбило весь дух: перед машиной возникло настоящее северное сияние. Оно вибрировало и переливалось всеми цветами радуги, казалось таким восхитительно красивым и одновременно пугающим. И не успела я даже вскрикнуть, как наш автомобиль проскочил сквозь него. Вспышка света полоснула по глазам, я зажмурилась, а когда открыла их вновь — все было прежним. Вернее, так мне показалось в первую секунду, потом же я поняла, что пейзаж вокруг изменился. Леса больше не было, его заменяли луга, небо чистое, с россыпью жемчужных звезд и ярким серпом месяца. «А ведь минуту назад была полная луна», — мелькнуло у меня. Фонарные столбы тоже стали другими, и свет отбрасывали не желтый или оранжевый, а бледно-сиреневый. Да и разметка на дороге исчезла...

— Что это было? — испуганно спросила я, оглядываясь. — Что происходит?

— Ничего особенного. — Водитель, в отличие от меня, оставался невозмутим. — Обычный переход между мирами. Мы почти приехали.

И он показал на большой щит, где большими буквами с кокетливыми завитушками было написано: «Добро пожаловать в Талосс!»

— Стоп. — Я сделала глубокий вдох. — Что. Вы. Сейчас. Сказали. О переходе между мирами. Надеюсь, это шутка.

— Я никогда не шучу, — ответил водитель таким тоном, что сомнений больше не возникло.

Я снова с шумом вдохнула и выдохнула. Так, спокойствие, только спокойствие... Всему этому должно быть объяснение. Другой мир? Ха! Что за «Секретные материалы»? А как насчет странного северного сияния? И смены пейзажа?

— У вас есть чего-нибудь выпить?

— Только вода, — покосился на меня водитель. — Поищите между сиденьями.

Нашла. Фляжку. Серебряную, с гравировкой какого-то герба. Внутри точно оказалась вода. Я сделала несколько больших глотков и откинулась на спинку сиденья. Из-за поворота вынырнул милый кирпичный домик в окружении цветущего палисадника, подсвеченного розовыми фонариками, а на аккуратном заборе вывеска: «Цветы ведуньи Флоры. При заказе слезных тюльпанов от 100 штук хохотун-трава в подарок». Хохотун-трава... Надо же такое придумать! Меня начал разбирать нервный хохот. Чтобы успокоить его, пришлось глотнуть еще воды.

— Значит, другой мир... — протянула я, пытаюсь убрать с лица улыбку умалишенной. — Вы меня похитили? Как инопланетяне?

— Я везу вас на ваше новое место работы. К господину Бенджамину Коуну. — У лысого водилы не дрогнул ни единый мускул.

— То есть... Он живет не в другом городе, а... Другом мире? Да чтоб вас! — воскликнула я в сердцах. — Вот чувствовала, чувствовала, что должен быть где-то подвох! Слишком все было идеально! Но даже не могла представить, что вы подложите мне такую свинью! Нет уж! Я не согласна на такое! Давайте-ка разворачивайтесь и возвращайте меня в мой мир!

— К сожалению, ничем помочь не могу. — Водитель пожал плечами. — Вы подписали договор, и пока не истечет его срок, не сможете вернуться. Ну или если господин Коун сам не пожелает его разорвать. В любом из этих случаев приеду я и отвезу вас домой. Не волнуйтесь, госпожа Тишкова. Вам здесь понравится.

Ну да, понравится. Особенно если наемся хохотун-травы. Или что с ней делают? Пьют? Настаивают? Курят?.. Да чтоб ее...

Нет, ну надо так вляпаться! По самые уши! И как во все это поверить, как?

«Закрытый клуб „Оскал“. Вход только для Темных» — выхватила взглядом очередную вывеску. Мы уже ехали по улицам вечернего города: невысокие, в два-три этажа дома, каменная брусчатка, сиреневые фонари, витрины каких-то магазинчиков... Скамейки, зелень, клумбы. Похож на провинциальный европейский городок с многовековой историей. В принципе, довольно симпатично. И не так уж страшно. Мимо прошла парочка: он едва ли не во фраке и цилиндре, она — в пышном укороченном платье а-ля 50-60-е годы. А за ними матрона в блузке с жабо и длинной юбке с турнюром. Да, странная тут мода... Прямо фьюжен эпох.

— И как этот мир называется? Талосс? — поинтересовалась я, пытаюсь уговорить рассудок не брыкаться, когда задаю такие вопросы.

— Мир называется Дарквайт, — охотно откликнулся водитель. — А Талосс — один из его городов. На третьем месте по значимости после Голдвайна, столицы.

Значит, я ошиблась с ярлыком провинциальности. А насчет Талосса... Кажется, это название я все же встречала в договоре, только не могла даже подумать, где именно находится этот город. Мало ли у нас в стране поселков со странными названиями? Вон я слышала про деревню Париж в какой-то Тьмутаракани, а тут всего лишь Талосс.

Автомобиль еще минут десять поплутал по узким улочкам и остановился около двухэтажного дома. Сразу бросилось в глаза отсутствие освещения во дворе, лишь из окон первого этажа лился неяркий свет. Забор был невысоким, решетчатым, с ажурными вплетениями, однако сквозь прутья торчала сорная трава и ветки разросшихся, неподстриженных кустов, что сразу придавало дому неухоженный вид.

— Мы приехали, — сообщил водитель.

Я не успела опомниться, как он выгрузил мой чемодан, помог выйти мне и напоследок вручил визитку:

— Если будет нужна моя помощь, присылайте говорильник. Успешной работы, госпожа, и хорошо устроиться на новом месте.

И уехал. Вот так взял — и уехал. А я осталась стоять одна посреди улицы. Что ж, не торчать же тут всю ночь. Меня как бы должен ждать работодатель... Так что, Юлия, вперед!

Я развернулась к дому — и чуть не вскрикнула от неожиданности. У калитки стоял мужчина — высокий, в черном костюме и шляпе, от полей которой на лицо падала тень. Откуда он появился? Я не слышала ни шагов, ни других звуков. Из воздуха, что ли, материализовался?

А если это и есть Бенджамин Коун? На старика, конечно, совсем не тянет, скорее на его сына, но мало ли...

— Простите, вы — хозяин этого дома? — спросила я осторожно. — Бенджамин Коун?

— Нет. — В низком голосе сквозило холодное возмущение и даже презрение. — Я к нему по делу. — Мужчина демонстративно отвернулся, но я успела заметить прямой

аристократический нос и волевой подбородок. И губы, сжатые в нитку.

Надо же, какой неприятный тип. Но это его проблемы... Как и у меня здесь свои дела.

Я собралась поискать какой-нибудь колокольчик или звонок, но калитка скрипнула и сама приоткрылась. Кажется, меня ждут! Или же нас обоих. Я распахнула калитку шире и вошла во двор, затем обернулась на другого гостя, который по-прежнему стоял снаружи.

— Вы не будете заходить? — уточнила я.

Но тот не удостоил меня ответа, впрочем, как и не сдвинулся с места.

— Милорд! — вдруг раздался старческий голос, и на крыльце в ореоле света из приоткрытой двери показалась сухая сгорбленная фигура в длинном домашнем халате.

А вот, кажется, и мой работодатель. Бенджамин Коун собственной персоной.

ГЛАВА 3

Бенджамин Коун, несмотря на тщедушный вид, довольно резво припустил к калитке. Узкое лицо, глубоко посаженные глаза, большая лысина, чуть прикрытая белесым пушком волос, — все, что я успела разглядеть в его внешности. А еще усы, не опять, а снова! Только у моего работодателя они свисали до подбородка, как у казаков. Похоже, здесь у местных мужчин повальная мода на усы.

На мгновение Коун задержался около меня.

— Вы та самая?

— Наверное, — отозвалась я. И все же уточнила: — Я на работу.

Старик кивнул, и все его внимание вновь переключилось на типа за забором.

— Лорд Реллингтон, почему вы сами пришли? Зачем так утруждать себя? — заискивающим тоном заговорил он, выйдя за калитку. — Прислали бы слугу, как обычно...

— Мне нужно было увидеться с вами лично, мастер. — Голос того уже звучал не так высокомерно, чуть смягчившись.

— Что случилось, милорд? — высказал искреннее беспокойство Бенджамин Коун.

— Боюсь, я вынужден просить вас увеличить дозу моего лекарства. — А это прозвучало с досадой и горечью.

— Вам стало хуже, милорд?

— Да... — И снова будто нехотя, переступая через себя. — Головные боли усилились... И глаза... Посмотрите, мне же не кажется, что глаза посветлели еще больше?

— Давайте подойдем ближе к фонарю, милорд, здесь не очень хорошо видно... — любезно предложил старик.

Они остановились под круглым уличным светильником, милорд наклонился, чтобы Коуну было удобней смотреть ему в глаза, я же с любопытством наблюдала за ними со своего места. Интересно, чем болен этот странный тип?

— Не думаю, что это стоит ваших волнений, милорд, — наконец произнес старик. — Если глаза и изменили цвет, то совсем незначительно. Никто и не заметит, уверяю...

— Надеюсь, вы правы, мастер. — Милорд выпрямился и расправил плечи. — И мне все это кажется... Так что насчет лекарства?

— Не переживайте, милорд, я непременно усилю его формулу. Следующую порцию вы получите уже в обновленном варианте, — заверил его Бенджамин Коун. — Она будет готова через три дня, раньше, увы, не могу.

Милорд кивнул.

— Я пришлю за ним Джо. Или же приду сам.

— Как вам будет угодно, милорд. — Старик поклонился.

— Темной ночи, мастер Коун. — И тип стал растворяться в воздухе, оставляя за собой черный дым.

Я потеряла глаза, полагая, что мне это привиделось. Но нет, милорд так и не материализовался обратно, вместо него под фонарем все так же плавал черный дымок, правда редая с каждой секундой.

Вот это да... Да кто ж этот милорд такой? Не человек, что ли? Или они тут все такие? Ой, мама, вот попала. Знала бы, куда бежать, уже давно уносила бы ноги, а так... Ладно, посмотрим. Мне же обещали безопасность, будем надеяться, обещание сдержат. Я же

говорила, что оптимистка, да? Вот и продолжу ею быть.

— Темной ночи, лорд Реллингтон. — Бенджамин Коун не поднял головы до тех пор, пока дым полностью не исчез. Затем быстро развернулся и устремился ко мне, поправляя на ходу пояс на своем велюровом халате цвета спелой вишни. Во всяком случае, именно таким он казался в ночном сумраке.

— Значит, это тебя мне рекомендовали в помощницы? — Старик окинул меня изучающим взглядом. — Молодая, конечно, ну ладно... Через калитку прошла без проблем?

— Да. — Меня хоть и несколько покоробил его резкий переход на «ты», но я решила, что это сейчас не самое главное, на чем следует акцентировать внимание. А вот вопрос о калитке интересен.

— Отлично, значит, с тобой угадали верно... — Старик продолжал придирчиво осматривать меня. — Одежда другая есть? У нас в брюках женщины не ходят. Платья, юбки?

— Есть... Немного, — ответила я обтекаемо, мысленно же стала прикидывать, сколько подобных сугубо женских вещиц я прихватила с собой. Кажется, один сарафан. Две юбки: на лето и на зиму. Трикотажное платье тоже вроде взяла.

— Ладно, разберемся. Пошли в дом. Что-то я замерз. — И Бенджамин Коун двинулся к крыльцу, я, гремя колесиками чемодана, — за ним. — Как там звать тебя, напомни?

— Юлия, — ответила я. — А вы Бенджамин Коун, да?

— Можешь обращаться ко мне «мастер», — разрешил он. — А я тебя буду называть Лия. Мне так проще.

Ну Лия так Лия. Хотя так мое имя еще никто не сокращал. Но звучит, кстати, неплохо.

Переступив порог дома, мы оказались в небольшой прихожей с обоями в бело-голубую полоску. Наверх вела узкая деревянная лестница, ступени которой покрывала старая протертая ковровая дорожка, видимо, некогда синего цвета. Такой же старый обветшалый коврик лежал и по центру прихожей. Еще было зеркало с толстым налетом пыли. Тут вообще когда последний раз убрали?

— Твоя спальня на втором этаже, направо от лестницы, — сообщил Коун, начиная подниматься по ступенькам. — Только не перепутай с моей, она слева. Не захаживай в нее без надобности.

Он что, уходит? А как же описание моих обязанностей? А показать дом, что тут где?

— Простите! — окликнула я его. — А когда мы обсудим наше дальнейшее... э-э-э... сотрудничество? И что мне делать сейчас?

— Сейчас? — Коун остановился и обернулся через плечо. — Иди спать. Завтра утром все обсудим. Хотя нет... Приготовь мне сперва какао. Люблю выпить чашечку перед сном. Только молока побольше. — И он пошлепал в своих тапках дальше.

— Э... Мастер Коун! — попыталась еще раз окликнуть его я, но опоздала: пока приходила в себя от его такой внезапной просьбы, он уже скрылся из виду.

— Значит, какао... — пробормотала я, оглядываясь. — Теперь осталось найти кухню.

Похоже, экскурсию по дому мне придется проводить самой себе.

Кухня, кухня... Где же ты, кухня? Я заглянула в ближайшую комнату: кажется, гостиная. И вновь все такое потрепанное: и мебель, и стены... Пыль с палец, прямо рисовать можно. Я перешла к следующей двери, за лестницей, — темно. Где тут у них свет включается? Пошарила ладонью по стене, нашла какую-то веревочку, дернула, чувствуя себя при этом какой-то Красной Шапочкой. Но угадала! Свет действительно зажегся, вот только я непроизвольно отпрянула от открывшейся мне картины. Да, это оказалась кухня, но... Что здесь творится? На фоне этой грязи пыль в остальных комнатах — просто

ерунда. Все возможные поверхности были заставлены невытой посудой и заляпаны остатками еды. Пол... К нему можно было прилипнуть! И как в этом свинарнике можно что-то найти, не говоря уже о готовке? Да и вообще как тут обстоят дела с бытовой техникой? Водопроводом? Руки-то помыть можно? К счастью, раковина отыскалась вскорости: я сумела разглядеть медный ободок крана за башней из тарелок. Конечно, сантехника здесь оставляла желать лучшего, словно я перенеслась в середину, а то и в начало прошлого века (нашего мира, разумеется), но все ж лучше, чем таскать воду из колодца. Я, брезгливо отодвинув грязную посуду, нащупала вентиль. О, и горяченькая пошла! Значит, ситуация не столь плачевна... Следующей приятной находкой стала плита, судя по трем конфоркам, газовая. Странная, на первый взгляд, конечно, но будем разбираться... Сначала найти бы кружку, кастрюльку и какао с молоком...

Постепенно у меня получилось абстрагироваться от творящегося вокруг бардака, и взгляд теперь работал как сканер, отыскивая нужные предметы. Шкафчик кухонный... В нем соль, сахар, специи и... Какао! Первый пошел! Ищем дальше... Холодильник маленький, дребезжащий, почти как у моей бабушки был в деревне! Но холодильник же! Я распахнула дверцу и восторженно выдохнула: да тут целый продуктовый магазин! И как только все поместилось в его нутре? Но одно хорошо: с голоду я здесь не умру. А вот в стеклянной бутылке, по-моему, молоко. Этикетки не было, потому я открутила железную крышечку, понюхала... Потом капнула себе на руку, слизнула: точно молоко!

Оставалось найти посуду. Наконец мне удалось извлечь из завалов маленькую кастрюльку и две чашки: решила не скромничать и сделать какао себе тоже. Так, теперь сполоснуть все это — и можно готовить напиток. Какао варить я умела по всем правилам — работая барменом, научились делать не только коктейли, но и горячие напитки.

Первым делом вскипятить молоко. Где у нас плита? Уберем ненужные кастрюли, освободим место... Стоп. А где ручки у плиты? Как ее включить-то? И ни газового баллона, ни спичек... Я растерянно покрутилась на месте, и вдруг, когда случайно поднесла посуду к плите, ближняя конфорка вспыхнула сама! Я отдернула руку с кастрюлей — пламя исчезло. Снова приблизила кастрюлю к плите — огонек загорелся! Поставила кастрюлю на конфорку — он заплясал еще веселей. Ну что тут сказать? Вау! Фотоэлементы или... Магия, чтоб ее? И внутреннее чутье подсказывало, что все-таки последнее.

Я решила пока не задумываться над этим, иначе захандрю. Взяла какао, смешала его в кружке с сахаром и стала ждать, когда закипит молоко на плите. Это произошло за считанные минуты — оперативно! Я залила сухую смесь небольшим количеством горячего молока, затем соединила ее с оставшимся молоком и еще немного поварила. По кухне стал расползаться аромат шоколада, и настроение сразу поднялось. Попробовала — то, что надо! Можно нести старику...

Интересно, он оценит мои старания или воспримет как должное?

Бенджамина Коуна я застала в постели, возлежащим на горе подушек. Краем глаза снова отметила пыль на мебели, но все же здесь было хоть как-то прибрано. Потом же мое внимание полностью переключилось на старика, а именно на его колпак. Да-да, самый настоящий ночной колпак, к тому же с кисточкой! А еще, кажется, мой начальник спал не в пижаме, а в ночной рубашке. Я едва сдержала улыбку, так забавно это выглядело.

— Спасибо, — поблагодарил Коун, забирая у меня кружку. Отхлебнул и все-таки похвалил: — Вкусно! Кофе ты так же хорошо готовишь?

— Надеюсь. — Я улыбнулась.

— Сваришь на завтрак.

— Хорошо, только сначала нужно найти для него посуду. — Я вспомнила о завалах на кухне и приуныла. — Или, возможно, у вас есть кофеварка?

— Нет у меня ничего такого, — отозвался старик, с шумом прихлебывая из чашки.

— Значит, снова придется поискать что-нибудь на кухне, — сказала я тихо и в сторону.

— Ну, иди, иди уже спать! — замахал на меня Коун. — Завтра у нас много работы в лавке. Темной тебе ночи!

— Да... И вам... Темной, — выдавила я из себя непривычное пожелание и покинула комнату.

Не знаю почему, но мне вдруг стало жаль старика. Похоже, он совсем одинок, что даже некому помочь ему прибраться в доме. Видимо, нет ни детей, ни других родственников. Вот и запустил все. И ворчливый такой тоже из-за одиночества. Старики, они ж как дети, им тоже требуется повышенное внимание и уход. А сколько таких стариков в нашем мире? Не счесть...

После подобных мыслей первым порывом было пойти в кухню и навести там хоть мало-мальски порядок, вот только сил на это уже никаких не было. Меня точно сдули, как тот мяч или шарик. Ладно, завтра что-нибудь придумаю.

В кухню я все же спустилась, но только за своим какао, которое успело уже остыть. Еще раз окинула взглядом беспорядок, вздохнула и вернулась к своему чемодану, который необходимо было еще затянуть наверх. Но справилась и с этим. В выделенную мне спальню входила с опаской: не попаду ли с порога в какую-нибудь паутину? Но все оказалось не так удручающе. Да, пыльно, потрепано, однако гор мусора нет. Немного подмести, пройтись мокрой тряпкой — и вполне можно жить. Но все это завтра, завтра... От усталости я даже не очень рассмотрела обстановку: односпальная кровать, тумбочка, шкаф, трюмо и пуфик. Цвета... Что-то бежевенькое, коричневое, немного зеленого. А еще в углу, прикрытая шторкой, обнаружилась дверца, а за ней — санузел с вполне приличным унитазом и ванной. Конечно, и тут придется хорошенько все вымыть, но, надо признать, это пока моя лучшая находка в доме! У меня даже настроение немного приподнялось и появился боевой настрой. Ничего, прорвемся!

Постельное белье было чуток сыровато, но чистое, так что в кровать я легла без неприязни. Прикрыла глаза, собираясь погрузиться в сон, как вдруг почти над ухом раздалось громкое:

— Ку-ку!

Я подскочила с тарахтящим сердцем и принялась оглядываться.

— Ку-ку, ку-ку...

Я подняла голову и выдохнула с облегчением: всего лишь часы с кукушкой, только висят прямо над кроватью. И кто додумался их туда поместить? Я подождала, пока птичка «отработает» свое время, насчитав при этом двенадцать «ку-ку», и легла обратно на подушку.

А теперь спать. Утро вечера мудренее...

ГЛАВА 4

Если вы думаете, что эту ночь я сладко спала, то глубоко заблуждаетесь. И дело вовсе не в новом месте и даже не в чужом мире. Кукушка. Эта «милая» птичка с каждым часом орала все громче, а к пяти утра я уловила в ее «ку-ку» явное ехидство. Ну а к шести я уже была на ногах, потому что дальнейшего смысла в валянии на кровати под подобное звуковое сопровождение не было никакого. Когда кукушка в очередной раз вылезла огласить время, я пригрозила ей кулаком:

— Вечером разберусь с тобой.

Механическая птица будто поняла мои слова и тут же спряталась назад в свой домик. Конечно, скорее всего, заел механизм, но мне хотелось думать, что она вняла моему предупреждению.

Ну, раз уж встала в такую рань, решила я, можно попробовать прибраться на кухне. Для этого выискала в своем гардеробе леггинсы и длинную майку, завязала волосы в хвост и, преисполненная боевого настроения, двинулась на первый этаж. При дневном освещении кухня выглядела еще плачевнее, чем вчера. Я оглядела завалы, которые предстоит разгрести, и поняла, что сначала не мешало бы выпить чашку крепкого кофе. Дело осталось за малым — найти его. И в этом дневной свет все же сыграл мне на руку: чудесным образом отыскался и кофе, уже молотый, и даже турка. С плитой сегодня я тоже общалась на «ты». Она быстро вскипятила мне воду, а я вовремя успела снять турку с огня, не дав убежать и капле напитка. Кофе получился хорошим, и пять минут я просто наслаждалась его вкусом и ароматом.

Ну а теперь за работу! Глаза боятся, а руки делают!

Вскоре я нашла тряпку и мыло. Искала соду, но ее и в помине не было. Ладно, попробуем как есть.

Начала с мытья посуды, затем перешла к шкафчикам и столу, протерла окно и холодильник... Бенджамин Коун, одетый в серый клетчатый костюм, появился на кухне в тот момент, когда я, ползая на коленках, домывала пол. Но вместо ожидаемого «спасибо» я услышала:

— Зря стараешься. Пустая трата времени.

— Вы считаете, что соблюдение элементарной гигиены — пустая трата времени? — Меня покоробили его слова.

— Я сказал лишь, что это пустая трата времени и твоих стараний. В данном конкретном случае, — невозмутимо отозвался старик, садясь за стол. — Давай лучше завтракать.

Он достал из внутреннего кармана позолоченные часы с цепочкой и добавил:

— У нас мало времени. А ты еще должна помочь мне собрать товар перед тем, как отправимся в лавку. Что у нас на завтрак?

— Мы разве обговаривали это? — Я все еще была несколько уязвлена его равнодушием относительного моего рвения в уборке. — Как и другие мои обязанности?

— Значит, обговорим сейчас. Приготовление еды входит в их круг. А еще покупка продуктов. Помощь в управлении лавкой. А когда заслужишь мое доверие, возьму еще помогать к себе в лабораторию.

— Если вы о лекарствах, то я с удовольствием вам помогу. — Я улыбнулась такой перспективе. — Я ведь фармацевт по образованию.

— Посмотрим, — сухо ответил Коун. — Для начала приготовь завтрак. Утром я обычно ем овсяную кашу, яйцо всмятку и кофе с молоком. Сама можешь есть, что хочешь.

Когда он сказал про еду, я вдруг поняла, что голодна, притом зверски. Но после двухчасовой усиленной уборки это неудивительно.

Готовить на чистой кухне — совсем другое дело! И приятней, и куда быстрее. Пока я

крутилась у плиты, Бенджамин Коун умудрился где-то найти газету и теперь сосредоточенно изучал ее. Себе я тоже сварила яйцо, еще кофе и сделала вдобавок бутерброд с сыром. Хлеб здесь, как и сыр, оказался потрясающе вкусным, что я еле сдержала порыв не съесть еще один бутерброд. Но нет, не стоит этого делать при хозяйине, еще подумает, что я много ем. Вдруг это как-то отразится на моей зарплате?

После завтрака я вымыла всю посуду, окинула удовлетворенным взглядом чистую кухню и отправилась за Коуном в его лабораторию, которая располагалась в мансарде. Первое, что бросилось в глаза, — веревки, натянутые под потолком по диагоналям, на которых висели пучки сухих трав. Длинный шкаф был заставлен всякими банками-склянками с непонятным содержимым разной консистенции. А вот на рабочем столе я наконец заметила нечто, более-менее похожее на лабораторное оборудование: колбы, мензурки, перегонные трубки, чашки петри и несколько горелок. И да, о наболевшем. Пожалуй, это было самое чистое помещение в доме.

Пока я разглядывала лабораторию, Бенджамин Коун достал большую коробку и принялся ставить в нее какие-то пузырьки, наполненные разноцветной жидкостью.

— Помоги мне, — позвал он меня несколько раздраженно. — На какой метле летаешь?

— Что мне делать? — с готовностью откликнулась я.

— Ставь зелья в ряды: вначале от несварения и икоты, потом от мигрени... Дальше для мужской силы.

— А где что? — Я растерялась, глядя на десятки пузырьков. — Как их отличить?

— Первые желтые, вторые синие. Третьи красные. Этикетки читай.

Емкости действительно оказались подписаны, и я резво стала помещать их в коробку в нужном порядке.

— Еще те банки не забудь, — показал на стол Коун. — Мазь от фурункулов. И веселящие капли. А я займусь бытовыми зельями. Так... — забормотал он уже себе под нос, открыв дверцу шкафа. — Что там у нас закончилось? «Скорость хозяйки»... «Зоркий глаз»... «Ловкие руки»... «Энерготин-24»... Прихватим пару штук. Да, еще же миссис Лавд заказывала «Швейку-линейку»...

Я наблюдала за стариком со смесью любопытства и легкой паники, с каждой минутой все больше понимая, насколько этот мир необычен и отличается от моего. Но смогу ли я к такому привыкнуть? Что ж, проживем — увидим. Все равно пока иного выхода нет.

— Теперь бери одну коробку, и понесли вниз, — скомандовал Коун.

Коробка была плотно заполнена стеклянными емкостями, и я ожидала, что едва смогу ее поднять, однако она оказалась не тяжелее блокнота. Снова магия? Но как удобно, черт побери! Вот бы так мой чемодан «облегчить». Впрочем, до момента, когда наступит эта необходимость, еще далеко.

Мы спустили коробки вниз, после чего я убежала переодеваться.

— Только платье, слышишь? — крикнул мне вслед старик. — Иначе опозоришь меня перед всем городом!

Да слышу, слышу... И про платье я помню. Значит, надену сарафан. И кофточку сверху накину. Надеюсь, в таком наряде я его не опозорю. Да я бы и сама не хотела этого, ведь меня ждет первое знакомство с городом и его жителями. А, как говорится, по одежке встречают...

Ох, что-то я даже волнуюсь!

Погода была чудесная. Тепло, но не жарко. Ясное небо, легкий ветерок и воздух такой свежий и вкусный, что кружит голову. Еще и цветочный аромат витает вокруг.

— Лия, поторопись!

Мастер уже открывал калитку, а я все еще стояла на крыльце, наслаждаясь погодой. Но, услышав оклик, поторопилась за ним. Пока шла по дорожке, не смогла не заметить, насколько заброшен здесь сад. А ведь места много, можно было бы и клумбы разбить, и даже огородик. Я никогда не отличалась тягой к земляным работам, как и не имела желания приобрести дачу, но вот тут прямо руки зачесались все облагородить. Но всему свое время. Возможно, и до сада доберемся...

— Далеко лавка? — поинтересовалась я у Коуна, вертя головой по сторонам.

Тихая зеленая улочка, маленькие симпатичные домики, многие крыши из красной черепицы, на окнах тюлевые занавески, видны горшочки с цветами. Аккуратные, окрашенные в яркие цвета заборчики. Ухоженные садовые деревья, те же клумбы, о которых я только что мечтала. В общем, полная противоположность дому моего нынешнего начальника. Даже обидно немного, что из всех жильцов этого милого городка меня отправили работать именно к Коуну.

— В двух кварталах. — Старик так бодренько шагал по каменной мостовой, что я едва за ним попевала.

«Улица Архимагическая, 12» — заметила на одном из домов. Похоже, мы тоже на ней живем. Надо запомнить.

Мы как раз свернули направо и оказались на более оживленной улице. Здесь уже был тротуар и проезжая часть, по которой изредка проносились такие же ретроавтомобили, на каком привезли меня. Встречались и двуколки, запряженные лошадьми. Мой взгляд не сразу уловил еще одну примечательную деталь: рельсы! А через минут пять нашей прогулки мимо проехал желтый трамвай! Прямо как со старинных фотографий или открыток.

Ну и люди... Как я уже заметила вчера касаясь моды, здесь будто собрались представители разных эпох, интервал можно определить от конца девятнадцатого века до середины двадцатого. То есть дамы с турнюрами и шляпками соседствовали с пин-ап-девушками, а мужчины-денди — с парнишками-стилягами. Однако, несмотря на весь этот микст, я в своем льняном сарафане все равно ощущала себя белой вороной. Это подтверждали и косые взгляды прохожих, и все более мрачающее лицо старика Коуна.

— Сейчас же отправлю тебя к модистке, — проворчал он, не выдержав. — Закажешь себе гардероб. Потом вычту из твоего жалованья.

Я возражать не стала, но все же забеспокоилась, не сильно ли это ударит по моему бюджету.

— Да, мастер, забыла поинтересоваться, — обратилась я к старику. — В каких числах вы будете выплачивать мне жалованье? Я все-таки хотела бы получать его раз в месяц. Так прописано в договоре.

— Вот через месяц и получишь. То, что останется после вычета.

Ясно, значит, придется выбирать одежду экономно.

— Скорого утречка, быстрого денечка, господин Коун! — Из магазинчика с вывеской «Лучшая выпечка от Вальди» выглянул розовощекий мужчина, естественно, с усами. Он был одет в белую поварскую форму, которая туго обтягивала его круглый животик, и поварской колпак.

— Скорого, скорого, господин Вальди. — Бенджамин Коун слегка склонил голову.

— Забегу к вам сегодня за каплями для жены!

— Забегайте, господин Вальди, как раз свежие сделал.

— Отлично, после обеда загляну.

— Это один из наших постоянных клиентов, запомни, — сказал уже мне мастер. —

Франческо Вальди, владелец пекарни. У него молодая жена и пятеро детей. Беременная шестым. У них постоянно кто-то болеет, что нам как раз на руку. — Он ухмыльнулся в усы и остановился. — А вот и наша лавка.

Первым делом я увидела витрину, за стеклом которой стояло несколько десятков всяких снадобий. Чуть выше — вывеска алыми буквами «Зелья на все случаи жизни». Смотрю, в этом городе не очень дела с креативом и оригинальными названиями.

Между тем Бенджамин Коун уже скрылся внутри лавки со своей коробкой, и я поспешила зайти следом. И чуть не охнула от изумления: здесь царил идеальный порядок! Даже полы начищены до блеска. И стекла прозрачные, без единого развода. Прямо диссонанс какой-то.

— Теперь помоги мне расставить отвары и зелья, — сказал Коун. — Потом отправишься к модистке.

— А как я ее найду? — заволновалась я.

— Найдешь. Ее мастерская за углом на Теневой улице. Модистку зовут Паула. Я дам тебе говорильник с собой.

— Говорильник? — переспросила я, решив, что ослышалась. Потом вспомнила, как водитель тоже упоминал о каком-то говорильнике. Может, это телефон? Но на деле оказалось, что функция этой штуки ближе к диктофону. А вот форма... Когда все пузырьки были расставлены по местам, старик достал из ящика под витриной мячик. Обычный такой маленький мячик, похожий на детский. Только вот Коун провел по нему пальцем, и у мяча... выросло ухо.

— Паула, милая, это мастер Коун, — прямо в него заговорил старик дружелюбным тоном. — Быстро дня тебе. Это моя новая помощница Лия. Она, как видишь, не из Дарквайта, поэтому ей нужно полностью сменить гардероб. Позаботься об этом. И, надеюсь, ты не забыла о моей скидке на каждую пятую вещь? Она еще действует до дня Черной розы. Так уж и быть, используй ее для Лии. Счет можешь прислать сразу.

Додиктовав свое послание, мастер трижды постучал по мячу, и ухо пропало, втянувшись внутрь.

— Отдашь говорильник Пауле. Она разберется, — произнес Коун и вложил мне в руки мяч. — А теперь иди. И быстрее возвращайся. Я помощницу нанимал не для того, чтобы она разгуливала по городу.

ГЛАВА 5

Мяч, именуемый «говорильником», я несла едва ли не на вытянутых руках. Во-первых, я не знала, насколько он хрупкий, во-вторых, побаивалась его. Все-таки впервые встречаю мяч, у которого есть уши. Взгляды прохожих в мою сторону старалась не замечать, сосредоточившись на дороге. За ближайшим поворотом действительно началась Теневая улица, и первое же здание порадовало ярко-розовой вывеской «Мода из комода», а ниже: «Модистка Паула Квин. Одежда на все случаи жизни». Кажется, я пришла по адресу.

Мое появление было встречено мелодичным звоном дверного колокольчика, на зов которого выглянула молодая блондинка с большими голубыми глазами и пухлыми губками.

— Доброго дня, — начала было я, но, увидев вспыхнувший в ее взгляде испуг, поспешила исправиться: — Быстрого дня, простите...

Мне и без того не был понятен посыл этого пожелания — почему день должен быть быстрым? А реакция девушки на мою оплошность и вовсе озадачила. Но вежливая улыбка блондинки меня несколько успокоила.

— Мне нужна госпожа Паула Квин, — продолжила я. — Меня прислал Бенджамин Коун. — И показала говорильник, смущенно добавив: — Только я не знаю, как он включается.

— Это я Паула Квин. — Девушка смотрела на меня с любопытством. — Не знаете, как пользоваться говорильником?

— К сожалению. — Я пожала плечами.

— Давайте сюда. — Модистка забрала говорильник и чуть подбросила его вверх. Тот завис в воздухе, а после у него появился... рот. И я почти не удивилась. Если у мяча есть уши, то почему бы не быть рту, верно? Возможно, у него есть глаза и даже сердце... Вдруг он вообще живое существо?

Ну а говорильник между тем стал озвучивать голосом мастера Коуна его же послание.

— Значит, вы иномирянка? — чересчур спокойно уточнила Паула, когда говорильник замолчал, обратно превратившись в обычный мячик. — Мастер все-таки решился на это... И откуда вы, позвольте узнать?

— Ну... — замялась я. — Наверное, с Земли... Вернее, это наша планета, а мир...

— Ясно, о такой я еще не слышала. — Паула усмехнулась и поманила меня за собой. — Идемте в мастерскую, будем снимать мерки. Вижу, одеты вы и вправду странно. Хотите сказать, это модно в вашем мире?

Сама она была одета в белую блузку с жабо и плиссированную темно-синюю юбку.

— Да, вполне, — отозвалась я, следуя за ней. — Не прямо, конечно, с подиума... Но женщины любят такой фасон.

В мастерской царил рабочий беспорядок. В хорошем смысле. Выкройки, обрезки ткани, коробочки с пуговицами, деревянные манекены. На одном из них красовалось шикарное красное платье, расшитое бисером. Явно для какого-то торжества. Паула взяла с раскроечного стола измерительную ленту и подошла ко мне.

— Раздеваться не нужно? — уточнила я.

— Нет. — Лента сама выскользнула из рук модистки и обвила мой бюст, а Паула тут же записала вышедшее число.

«Только не удивляться, ничему не удивляться», — повторяла я как мантру, пока лента-змея самостоятельно изучала мои объемы.

— И как вам в нашем мире? — спросила между тем Паула.

— Пока не поняла, — честно ответила я. — Все слишком непривычно.

— И большое ли у вас жалованье? Не поделитесь? — без стеснения поинтересовалась модистка, помечая очередную мерку. — Просто я тоже хотела бы пригласить себе помощницу из другого мира, но даже не представляю, какое назначить вознаграждение за работу.

Вопрос был несколько бестактен, но я все же назвала сумму своего месячного заработка.

— Это в кристолях? — Паула была потрясена.

— Это в нашей валюте, в рублях, — ответила я, не зная, как расценить ее реакцию. А кристоли, наверное, местные деньги.

— Ладно, — блондинка немного успокоилась, — спрошу у самого мастера. Кстати, а как вас принял его дом? Впустил? — Она вдруг заговорила шепотом, будто нас могли услышать.

Ну вот, опять эти разговоры «впустил — непустил».

— Думаю, да. Раз я все еще здесь, — ответила я и тоже понизила голос: — А в чем там проблема, не знаете? Мне никто ничего не объясняет по этому поводу.

— А этого никто точно и не знает, — отозвалась Паула все так же тихо. — Даже сам мастер. Но в дом могут зайти далеко не все. И в первую очередь Темные. Несмотря на всю их силу, никто из них не в состоянии переступить порог того дома. Мастера даже за это хотели казнить, посчитав отступником Тьмы, однако его знания и умения слишком ценны, поэтому Темные закрыли на это глаза. Ведь они сами нередко пользуются услугами мастера.

После ответа Паулы возникло еще больше вопросов, мне хотелось расспросить ее о стольких вещах, но она внезапно замолчала, будто решила, что сболтнула лишнего.

— А вы сами можете заходить в дом мастера? — все же спросила я.

— Нет. — Голос с нотками сожаления. — Меня он тоже не пускает. Я, признаться, вовсе не знакома с теми, кто бывал в доме Коуна. Вы — первая. Только слышала, что кому-то все же удавалось туда зайти. Но мастер не любит об этом говорить. Я вот думаю... Возможно, он и пригласил в компаньонки иномирянку именно в надежде, что дом ее примет. В принципе, так и вышло. — Паула улыбнулась. — Что ж... Перейдем к выбору фасонов.

Модистка усадила меня в кресло и дала стопку журналов, сама же удалилась готовить чай. Вернулась уже с двумя чашками горячего напитка и вазочкой печенья.

— Выбрали что-нибудь? — спросила меня.

— Мне нравится что-то в этом роде. — Я показала на модели, одетые в стиле 50-60-х. Все-таки не очень люблю платья в пол, да еще и на каркасах. Как-то это уж слишком далеко от моей реальности.

— Неплохо, — одобрила Паула. — Но все же полностью делать гардероб из таких фасонов я бы не рекомендовала. Надо иметь несколько более элегантных и сдержанных нарядов. Мало ли куда придется сопровождать мастера.

Мы еще долго листали журналы, пытаясь подобрать мне оптимальный гардероб. В итоге сошлись на трех платьях разных стилей, паре юбок и нескольких блузках. Дополнили это жакетом, легким плащом и шляпой. Одна радость: получилось отвертеться от турнюра. Еще Пауле удалось найти мне готовую юбку, очень похожую на ту, что была на ней самой, только фиалкового цвета, а в комплект к ней она одолжила мне одну из своих собственных блузок: бледно-розовую, с короткими рукавами-фонариками. Благо размер у нас почти совпадал. Конечно, в таком розово-фиолетовом наряде я выглядела несколько легкомысленно, но зато могла уже спокойно ходить по улицам Талосса, не боясь, что на меня начнут показывать пальцем.

— Остальной заказ будет готов завтра к вечеру, — сообщила Паула после.

— Так быстро? — переспросила я ошеломленно.

— А чего копаться? — усмехнулась модистка. — Делов-то... И да, я провожу вас, не возражаете? Хочу все-таки лично обсудить с мастером стоимость моей работы. Заодно поинтересуюсь, как ему удалось заполучить вас в помощницы.

— Ой, а это будет очень дорого? — Я, вспомнив, что покупка одежды грозит мне удержанием из зарплаты, снова заволновалась.

— Разберемся, — беспечно отмахнулась модистка. — А вот на обувь кристоли подкопите. У хорошего обувщика она недешевая.

— Понятное дело. — Я вздохнула с улыбкой. — В нашем мире хорошая обувь тоже дорогая. Вы не удивились, когда узнали, что я из другого мира, значит, были и другие? — спросила я у Паулы уже по дороге к лавке Коуна.

— Да, — просто ответила она. — У нас с каждым годом становится все популярнее нанимать на работу иномирян. Как ни странно, но они более трудолюбивые.

— И что, хотите сказать, сейчас в Талоссе есть кто-то из другого мира, как и я?

— Возможно, и есть. — Паула повела плечиками. — Но я не в курсе. Как правило, их в основном в столицу зовут. У нас был в прошлом году один парнишка, но не из вашего мира, другого. Кажется, из Кринсиса. На ферме работал. Но продлевать контракт не стал. Вернулся домой, к невесте.

Что ж, это хорошая новость. Значит, все по-честному, и меня старик точно отпустит домой. В общем, представим, что я на заработках за границей. И еще далеко не в худшем положении, скажу вам, поскольку иногда слышала такие жуткие истории от знакомых. Но бог с ними, забыли и проехали.

А мы с Паулой тем временем подошли к «Зельям на все случаи жизни». У прилавка уже собралось несколько покупателей, которых живо обслуживал мастер Коун.

— Наконец-то, — буркнул он в мою сторону, а Пауле улыбнулся. — Скорого денечка. Решила тоже ко мне заглянуть?

— Да, мастер, хотела кое о чем переговорить с вами, — ответила та.

— Посчитала, что я буду должен за заказ Лии?

— Да, расчеты я тоже принесла.

— Лия, — позвал меня старик, — становись за прилавок. Обслужишь госпожу Фирс и господина Логвуда.

Я хотела было напомнить, что пока мало разбираюсь в ассортименте, но Коун меня уже не слушал: подхватил игриво Паулу под локоток и увел ее в подсобку. Вот те на. А ведь говорили, он не любит молодых блондинок.

— Мне, милочка, от мигреней настоечку, — попросила меня дама в годах и в теле.

От мигрени... Я повернулась к полкам. Кажется, бутылочка с синей жидкостью. Да, точно.

— Пожалуйста. — Я протянула пузырек даме.

— Благодарю. — Та кивнула, отчего перья на ее розовой шляпе дружно закачались. — Два кристоля, верно?

Я снова оглянулась на витрину, чтобы удостовериться в правильности цены.

— Верно, — сказала затем, забирая две серебряные монетки, которые дама положила на прилавок.

Наблюдая, как она пытается засунуть пузатый флакон в маленькую сумочку, я вдруг подумала, что не мешало бы иметь упаковку к зельям, например, пакетик с ручками.

Надо будет мастеру подкинуть идею.

— Что вас интересует? — обратилась я уже к следующему покупателю. — Господин Логвуд, так?

— «Зоркий глаз» мне. — Тот шмыгнул носом и поправил очки на узкой переносице. Он был вместе с невыразительной худой женщиной в бледно-зеленом платье. Судя по тому, как она оценивающе изучала меня, это была его супруга.

— «Зоркий глаз», значит... — тихо повторила я, оглядывая полки.

Кажется, бытовые зелья мастер ставил на центральную тумбу. Я подошла к одной и принялась изучать этикетки, как вдруг ощутила за спиной странный ветерок, будто включили кондиционер. Сквозняк, что ли? Кто-то вошел, а я не слышала? Но дверь ведь закрыта. Я бросила взгляд на Логвуда и его спутницу, которые, глядя куда-то мне за спину, внезапно побледнели, а в следующий миг и вовсе сложились в поклоне. Но тут я и сама услышала сзади чье-то дыхание, резко развернулась и чуть не задела мужчину, появившегося неведь откуда. Брюнет лет тридцати, среднего роста, жилистый, но не худой, одет в черный элегантный костюм с атласными лацканами. Но больше всего притягивали к себе его глаза, темно-карие, с надменным прищуром. Они изучали меня жестко и цинично, почти раздевая взглядом.

— Лорд Паттисон, — из подсобки торопливо вышел мастер и тоже поклонился с подобострастием.

— Милорд, — прошептала Паула, приседая в глубоком реверансе. В отличие от остальных она не выглядела чересчур напуганной, скорее взволнованной.

Ну а гость продолжал сверлить взглядом меня, я же от растерянности словно окаменела, не в силах ни рта открыть, ни сдвинуться с места. За меня это сделал мой начальник. Он подошел ко мне и ощутимо хлопнул по спине, вынуждая склониться.

— Милорд, — обратился он потом к брюнету, — простите великодушно мою помощницу, не наказывайте ее. Она не из Дарквайта, только вчера прибыла, еще не знает, как следует себя вести в вашем присутствии.

— Помощница? Не из Дарквайта? — тягуче произнес тот и обошел меня по кругу. — Как звать?

— Лия, милорд, — опять ответил за меня Коун. — Это еще и моя вина. Я не успел объяснить ей всех правил.

— Лия... — протянул очередной милорд. — Что ж... Прощу ее на первый раз. И вас, мастер, тоже. О, Паула, и ты тут, — заметил он модистку, скользнув по ней равнодушным взглядом.

— Да, милорд. — И она улыбнулась искренне и даже радостно.

— Выпрямись, — велел ей лорд Паттисон. И махнул остальным. — И вы тоже.

Паула расправила плечи и снова улыбнулась, но брюнет уже не смотрел на нее, расхаживая по лавке.

— Моя бабка второй день хандрит... — сказал он, потирая тонкие усики. — Уже надоела всем в доме. Ей бы ваших капель, мастер. Помните, вы как-то рекомендовали? Только не веселящих, от них она хохочет как безумная. Лучше уж тогда пусть ноет...

— Сожалею, милорд, но от хандры могу рекомендовать только эти, — отозвался Коун, снимая с полки флакончик. — Просто уменьшите дозу. И ни в коем случае не мешайте с алкоголем. Он усиливает эффект капель в десяток раз. Тогда ваша бабка не перестанет смеяться, пока не кончится действие лекарства. А для поднятия настроения достаточно три-четыре капли на чашку чая.

— Ладно. — Лорд забрал капли с видом, словно делал одолжение Коуну. — Сколько?

— Три кристоля, милорд.

— Держите. — Тот подбросил монету чуть крупнее, чем давала мне мадам в розовой шляпе, и мастер поймал ее на лету.

— Благодарю, милорд. — Коун снова изобразил поклон.

Тот осчастливил его коротким кивком, потом еще раз пристально посмотрел на меня и ухмыльнулся. После чего его стал окутывать черный дым, точь-в-точь как вчерашнего гостя мастера лорда Реллингтона, кажется. Все как по команде согнулись пополам и не разогнулись, пока дым окончательно не рассеялся.

— Ик! — вдруг раздалось в тишине. — Ик! Ох, извините. — Это оказалась спутница господина в очках. — Это я слишком перенервничала.

— А у меня руки трясутся, — показал ее муж.

— Тогда возьмите еще настой от икоты и капли «Дрожи нет», — тут же сориентировался Бенджамин Коун.

Я же наконец нашла злополучный флакон с «Зорким глазом» и подала его покупателю.

— Я тоже пойду. — Паула теперь выглядела какой-то печальной. — Благодарю, мастер, за совет. А вы, Лия, приходите завтра за своим заказом к шести вечера. Постараюсь все успеть.

— Спасибо. — Я проводила ее до двери, заодно попрощалась с четой покупателей, вышедших следом.

Вернулась к Бенджамину Коуну и спросила прямо:

— Кто это был, мастер? Может, расскажете мне, чтобы в следующий раз я опять не попала впросак? А то вы выдернуть меня из моего мира выдернули, а в курс происходящего в вашем мире даже не удосужились ввести.

Мастер нахмурился.

— Вечером, Лия. Поговорим обо всем вечером. Дома. Здесь не место для подобных разговоров.

ГЛАВА 6

Остаток моего первого рабочего дня в лавке прошел уже без приключений. В обед к нам заглянул тот самый пекарь Вальди, принес пакет ароматных булочек с корицей, правда, успел поспорить с Коуном насчет скидки на лекарство для жены, но дело решилось миром. Домой на Архимагическую улицу возвращались тоже пешком. Я было предложила проехать на трамвае, но старик сказал, что это дорого.

— Да, мастер, а сколько в ваших деньгах составляет мое жалованье? — Этот вопрос пришелся кстати. — И кто мне их обменяет на мою валюту, когда закончится срок договора?

— Твое жалованье составляет сто двадцать кристолей в месяц, — признался Коун. — Поменяют их в агентстве по трудоустройству, когда будут забирать тебя домой.

Сто двадцать кристолей? Я принялась вспоминать местные цены, которые успела увидеть. Во-первых, сами лекарства Коуна стоят от двух до десяти кристолей, а есть и дороже. Булочки пекаря Вальди... Я видела в его витрине ценник — что-то вроде пяти триксов, это здешние копейки. Хорошие туфли, Паула говорила, стоят от ста пятидесяти кристолей. А это больше моей зарплаты! Сколько ж я тогда на них буду копить? И во сколько мне обойдется новый гардероб?! Похоже, на мне знатно наварили... Теперь я понимаю, почему и Паула рвется взять себе работника из другого мира. Да это дешевая рабочая сила, черт побери! Вот так... Боюсь, это еще не все подводные камни, которые откроются мне в процессе моей чудной работы. Что, Юля, мечтала накопить на безбедную жизнь? Смотри, как бы еще должна не оказалась.

— Мастер, а что с моим гардеробом? — спросила я напряженно. — Может, мне стоит от него отказаться? А то буду отрабатывать его весь год. И вообще... Можно было этот пункт прописать в договоре. Или во время приема на работу уточнить, что у вас тут мода другая. По-хорошему это нарушение контракта со стороны работодателя, вам не кажется?

Коун недовольно покосился на меня и поджал губы.

— Ладно, — выдавил потом. — Разделим эти затраты пополам. Паула еще и скидку хорошую сделала, так что обойдется почти даром. С тебя сто кристолей и с меня столько же. Буду высчитывать по десять кристолей в месяц.

Значит, двести кристолей? Что ж... Я еще уточню завтра у Паулы насчет скидок и «почти даром». Ну а десять кристолей в месяц, пожалуй, не сильно ударят по бюджету. Может, и прорвемся.

— Сейчас приготовишь ужин, потом поможешь мне в лаборатории, — сказал Коун, заходя в дом. — А я сразу туда пойду, нужно срочный заказ сделать.

— Хорошо. — Я тотчас направилась в кухню. Но так и застыла на ее пороге, схватившись за сердце. — Что это? — прошептала, оглядывая вернувшуюся копоть, жир и грязь, будто утром я не драила кухню два часа. — Как это возможно? Откуда?.. Кто это сделал?

— А я говорил, что зря стараешься, — вздохнул подошедший старик. — В этом доме бесполезно убирать, вся грязь все равно возвращается на место.

— Но почему? Здесь живет какой-то дух? — спросила и сама испугалась своего предположения. — Или домовой?

— Какой домовой? — фыркнул насмешливо Коун. — Да и духов никаких нет. Это все дом. С определенных пор он стал слишком капризным.

— С определенных пор? — зацепилась я за эту фразу. — Значит, когда-то было по-другому?

Ну не верю, что Коун всю жизнь прожил в таком бардаке! Или, чего хуже, купил этот дом таким.

— Слишком много вопросов, Лия! — осадил меня тут же мастер. — Тебе нужно знать

лишь одно: что бы ты ни пыталась изменить в этом доме или в саду, все вернется на свои места. Поэтому не трать свою энергию попусту.

— А что насчет гостей? Почему дом меня пустил, а других не пускает? — все равно спросила я.

Но старик пригвоздил меня взглядом.

— Займись ужином, Лия.

— А я не могу готовить и есть в таких антисанитарных условиях. — Я посмотрела на него с вызовом и для решимости даже переплела руки на груди. — И вам не советую.

— Идем со мной, — произнес Коун уже как-то устало. — Дам тебе чистящую пыльцу. Распылишь ее, и на время в кухне станет чисто.

Ах, значит, и так было можно?

Чудесная пыльца находилась в сосуде с пульверизатором в виде резиновой груши. Несколько нажатий — и кухня погрузилась в бирюзовый туман. Когда же он сошел, все вокруг вновь сверкало чистотой. Вот это совсем другое дело! Надо будет и в спальне перед сном вот так «прибраться». Интересно, эта пыльца дорогая? Я бы потом несколько флакончиков прикупила домой. Удобная ведь штука! Прямо мечта хозяйки! Надо будет узнать цену.

После ужина мы с мастером вернулись в его лабораторию. На рабочем столе среди прочих мензурок стоял сосуд, наполненный зеленой жидкостью с пузырьками, как газировка.

— Не трогай. — Коун тут же забрал его и поместил в шкаф. — Это для лорда Реллингтона.

Трогать я и не собиралась, но суетливое беспокойство старика меня заинтересовало.

— Это тот мужчина, который ждал вас вчера у калитки? — любопытствовала я как бы между прочим. — Он чем-то болен?

— Да, — короткий ответ, отрезающий все последующие вопросы.

Но я все равно не унималась, ибо мне уже надоели все эти недомолвки:

— А он такой же, как и тот лорд, что приходил сегодня в лавку? Вы обещали мне рассказать. И объяснить, как себя следует вести.

— И лорд Реллингтон, и лорд Паттисон — Темные, — ответил Коун уже более спокойно. — Темные — это высшие существа, которые правят этим миром, запомни. Их нужно уважать и бояться. По сравнению с ними ты — букашка, не стоящая внимания.

Вот, значит, как... Правящие этим миром. А я, букашка, которая должна знать свое место. Прекрасный расклад.

— А вы? Кто вы, мастер Коун? — спросила я тогда.

— Я маг, обычный маг. — Он развел руками.

— Значит, остальные жители Дарквайта — маги?

— Нет, что ты. — Коун усмехнулся. — Иначе моя лавка не пользовалась бы таким успехом. Большая часть жителей Дарквайта — такие же, как и ты, простые люди, лишенные магии. Да и среди магов есть более сильные и те, кто имеет лишь зачатки силы. Вот Паула, хоть и магиня, но слабенькая, обладает в основном лишь бытовой магией. А Вальди и вовсе печет свои булочки только ручками. В нем нет и толики дара.

— Получается, Темных нужно опасаться? — заключила я.

— Лучше попросту не попадаться им на глаза. А если уж придется общаться, например, в лавке, то прояви максимум уважения. Иначе прихлопнут, как...

— Букашку, — закончила за него я.

Теперь понятно, почему так все лебезят и заискивают перед этими Темными. Да уж, чем дальше в лес... Что ж, придется впредь быть осторожней.

— То есть они могут убить за простую оплошность? — все же уточнила я. — А ведь меня от таких рисках не предупреждали.

— Убить не убьют, но наказать могут. Ладно, Лия давай наконец поработаем. — Коун с сердитым видом положил на стол толстую книгу и открыл ее на середине. — Сейчас я буду называть ингредиенты, а ты мне их подавать. Трава корестянка. Третий пучок от дальнего угла...

Я направилась в конец комнаты за травой, но вдруг мой взгляд случайно упал за окно. Там, в тени кустов, внезапно возникло некое серебристое свечение, идущее будто от земли.

— Чего застыла? — одернул меня Коун. — Давай быстрее.

Я торопливо проследовала дальше, когда же на обратном пути снова глянула в окно, света уже не было. Показалось?

Когда я возвращалась в свою комнату, у меня перед глазами стояли одни травы, травы, травы... А еще хвостики каких-то ящериц и сушеные внутренности неизвестных мне существ, благо мелких, что я даже с трудом различала, какой там орган от меня требовали. Первые минуты это было прямо брр, но потом ничего, привыкла.

Я, конечно, мечтала сразу завалиться спать, но меня, только открыла дверь, ждало наглое:

— Ку-ку.

Вот же зараза! А я о ней почти забыла. Нет, сегодня я однозначно собираюсь поспать, а значит, надо ставить вопрос с кукушкой ребром. Я залезла на кровать с ногами, чтобы быть повыше к часам, и начала их изучать. Интересно, что там за механизм? Можно ли как-то его отключить или вывести из строя? Я попыталась открыть окошко, из которого вылезает птичка, — не получилось, только ноготь сломала. А может, заклеить его скотчем? У меня как раз есть небольшой в сумке, ношу всегда с собой на всякий случай. Вдруг кукушка не сможет выбраться и успокоится? Но чтобы это проверить, придется подождать начало следующего часа. Ладно. Тогда пока приму душ и... Да, наведу порядок с помощью чудо-пыльцы!

После применения этого удивительного средства я помылась в чистой ванне и с удовольствием растянулась на такой же чистой постели. Часы показывали без десяти одиннадцать, значит, можно было готовиться к сопротивлению пернатой. Как и собиралась, заклеила окошко часов крест-накрест скотчем и стала ждать результата. Ровно в одиннадцать окошко попробовали открыть изнутри, но первая попытка оказалась неудачной. Я уже почти торжествовала, как вдруг деревянная преграда была пробита насквозь клювом. Скотч от такого напора оторвался сам, и теперь уже птичка с ликующим «ку-ку!» вырвалась на свободу.

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку...

Я начала закипать. В порыве схватила эту проклятую кукушку и крепко сжала в ладони, желая ее хоть так заткнуть. Но та внезапно затрепыхалась, точно живая, забилась испуганно и даже перестала орать. А потом я ощутила под пальцами стук ее сердца... И отдернула руку. Так что, она и вправду живая? Мне сразу стало как-то не по себе: обижать живое существо — это точно не по мне. Какое бы вредное и доставучее оно не было. Кукушка тем временем шмыгнула внутрь своего домика, на меня же накатила новый приступ вины. Раз моя новая соседка живая, наверное, стоит с ней подружиться.

Решение, как это сделать, пришло быстро. Я спустилась в кухню, где грязь постепенно отвоевывала свои прежние позиции, нашла в шкафчике немного риса, прихватила кусочек хлеба и печенье. Что-то из этого точно должно понравиться птичке.

— Выходи, — постучала я осторожно по домику часов. — Мириться будем.

Та осторожно выглянула наружу, а я ей тут же поднесла на блюдечке все, что приготовила.

— Ешь давай, — проговорила уже беззлобно. — Только обещай, что дашь мне ночью поспать. Завтра кукуй себе хоть весь день, но ночью мне надо выспаться. Ты же, наверное, сама знаешь, какой вредный у тебя хозяин.

Кукушка склонила голову набок, посмотрела на меня одним глазом, потом быстро-быстро склевала весь рис с тарелки, прихватила печенье и исчезла в часах. Но через секунду снова вылезла — за хлебушком. Я усмехнулась: запасливая птичка.

— Если будешь себя хорошо вести, — сказала я уже громче, — завтра еще чего-нибудь вкусного принесу.

Но из нутра часов в ответ послышалось лишь шуршание. Что ж, воспримем это молчание как согласие. Я выключила свет и забралась под одеяло. Кукушка еще какое-то время шебуршала в своем домике, а потом затихла. И в полночь тоже не выпрыгнула со своим истощенным «ку-ку». Кажется, мне все-таки удалось установить перемирие. С этой жизнеутверждающей мыслью я и заснула.

Следующее утро уже не было таким беспокойным, как прежде. Я спокойно навела чистоту с помощью пыльцы, приготовила завтрак. Надела новый наряд, уже не переживая, что привлеку в нем ненужное внимание. Волосы тоже уложила так, как принято в этом мире. И до лавки мы добрались без приключений, торговля зельями тоже шла как по накатанной. В общем, мне казалось, жизнь налаживалась. Но ровно до того момента, когда вечером я отправилась за своим оставшимся гардеробом к Пауле. Нет, встреча с ней тоже прошла хорошо. Мы перекинулись несколькими словечками, модистка даже угостила меня шоколадом, я забрала свертки с новой одеждой, коих оказалось как-то многовато, и выплыла с ними на улицу.

Он снова вырос, будто из-под земли, а я на него налетела. И нет, это был не вчерашний лорд Паттисон, а загадочный клиент мастера — Реллингтон. В прошлый раз я, конечно, плохо его рассмотрела, но сейчас узнала почему-то сразу. Может, по подбородку или носу, или посадке головы... В общем, не знаю. Узнала и все неким шестым чувством. И даже успела разглядеть светлую щетину на том самом подбородке, и очерченную линию губ, чуть изогнутых в недовольстве. Пока собирала свертки, выпавшие у меня из рук на тротуар. Помочь мне милорд не спешил, но я после рассказов о Темных и не ждала этого. Он просто смотрел с высоты своего роста, как я копошусь у его лаковых узконосых туфель, точно та самая букашка, и молчал. И я тоже молчала, хотя, наверное, должна была извиниться. Ведь это же Темный. Перед ними нужно извиняться, даже если не виноват. Об этом же говорил мастер?

Оставался последний сверток, отлетевший дальше всех. Я нагнулась за ним, но он вдруг подскочил вверх, зависнув в воздухе. Я подняла глаза и мысленно выругалась. Лорд Паттисон. И он тоже тут как тут. Вот за что мне все это?

Итак, я оказалась практически зажата между двух Темных. Но самое интересное, они будто забыли обо мне, потому что смотрели только друг на друга.

— Марк Годвин Реллингтон, — протянул брюнет с заметным сарказмом. — Не верю своим глазам. Изгой решил показаться на людях?

— Люк Самуэль Паттисон, — в том же тоне отозвался второй. — Не верю своим ушам. Неужели бастард осмелился блеснуть умом и красноречием?

Лицо Паттисона на миг свело судорогой, но он быстро вернул себе самообладание.

— Знаешь, в чем наше различие, Реллингтон? Высшая Тьма отвернулась от тебя, но приняла меня. Мы поменялись местами, понимаешь? Ты теперь никто, а для меня открыты двери даже в королевский дворец. Уверен, в этом году ты даже не получишь от короля приглашение на праздник Черной розы. Потому что ты изгой.

— Если праздник будет испорчен твоим присутствием, то я и сам на него не явлюсь, даже если король пришлет за мной свой экипаж, — ответил Реллингтон.

Я стояла к нему спиной, поэтому не видела выражения лица, по интонации голоса

прекрасно передавали его презрение и ненависть к Паттисону.

— Ты считаешь, это возможно? — Тот громко захохотал.

А я решила на свой страх и риск напомнить о себе. Вначале кашлянула, а после проговорила как можно учтивей, даже глаза потупила:

— Прошу прощения, милорды, за дерзость, но позвольте мне уйти. И... Можно я заберу свою вещь? — Я осторожно показала на сверток, так и висевший в воздухе.

— Забирай, — великодушно разрешил Паттисон, и тот сам упал мне в руки. — Могу помочь донести.

— Не стоит утруждать себя, милорд. — От страха мой голос слегка дрогнул. — Я сама справлюсь.

Тут я заметила в окне мастерской Паулу, наблюдающую за нами, хотела взглядом попросить ее о помощи, но она вдруг резко задвинула штору. А за мгновение до этого в ее глазах я уловила злость.

— Извините, милорды, но мне надо идти, — прошептала я.

И припустила. Не знаю, зачем так поступила, но ноги сами несли меня прочь. Правда, далеко я не убежала. Сразу за поворотом меня снова ждал Паттисон, вокруг которого ореолом плавал черный дым.

— Ты уверена, что не хочешь, чтобы я помог? — Его тон был на удивление миролюбивым.

Мне это придало храбрости.

— А если не хочу, то что? Накажете?

— А ты любишь, когда тебя наказывают? — Он скабречно улыбнулся. — Я бы с удовольствием тебя наказал. В своей спальне.

— Милорд! Что-то стряслось? — По направлению к нам шагал, прихрамывая, мастер Коун. И это был первый раз, когда я была счастлива его видеть. — Может, я помогу вам? Моя помощница еще не до конца разбирается с ассортиментом.

— Нет, мастер, все в порядке, мы просто обменялись с вашей помощницей приветствиями, — отозвался Паттисон и украдкой мне подмигнул.

— Как ваша бабка, милорд? — Мастер, поравнявшись с нами, поклонился. — Капли помогают?

— Ей уже лучше, — коротко кивнул Темный и стал испаряться.

— Темнейшего вечера, милорд! — снова поклонился Коун. А когда тот растаял в воздухе, бросил уже мне: — Чего стоишь? Пошли. Лавку закрывать надо.

ГЛАВА 7

Третий день моего пребывания в Талоссе оказался выходным, чему нельзя было не порадоваться. Он походил на наше воскресенье: большинство учреждений и магазинов не работали, люди отдыхали кто как мог, но главное, утром все непременно посещали местный храм. Бенджамин Коун тоже засобирался туда с самого утра и заодно вынудил пойти и меня.

— Но я ведь не вашей веры, — попыталась возразить я. — Возможно, это не очень прилично и этично.

— Ты — моя компаньонка и должна сопровождать меня везде, — напомнил мастер категоричным тоном.

Каких-то особых требований к внешнему виду для похода в храм не было, но яркие цвета не приветствовались. Потому я ограничилась новым темно-зеленым платьем прямого покроя до щиколотки, перехватив его на талии черным лаковым пояском. С обувью особо выбирать не приходилось, ибо одной местного производства еще не обзавелась, зато черные классические лодочки я в своем гардеробе отыскала. К месту пришлась и шляпка, на покупке которой настояла Паула. Я своим видом осталась довольна, Коун, кажется, тоже. Окинул меня одобрительным взглядом и за всю дорогу до храма не обронил ни одного плохого слова в мой адрес.

Храм Пяти богов, как его здесь величали, находился в самом центре Талосса, чуть выше по холму от главной площади и городской ратуши. В его архитектуре заметно прослеживались готические мотивы: изящная красота с налетом давящей мрачности. Народу в храм шло много, Коун постоянно с кем-то здоровался и кланялся. В зале храма располагались два ряда длинных скамеек, почти как в католическом соборе. Икон и свечей не было, зато на месте, где должен быть алтарь, находилась невероятно большая статуя, вернее, композиция из пяти: трое мужчин и две женщины стояли полукругом спинами друг к другу. Одна пара разнополых фигур была высечена из белого мрамора и будто нарочно повернута лицом к стене, зато двое других, из черного камня, взирали на присутствующих грозными взглядами. Пятый же мужчина — из серого мрамора — располагался между этими нарами, и прихожане могли разглядеть лишь его профиль. Выглядело все это как-то дисгармонично, словно статуи должны были стоять в ином порядке или положении.

Мы с мастером заняли места на одной из скамеек, недалеко от нас села Паула. В первом ряду я заметала пекаря Вальди в окружении всей своей многочисленной семьи. Когда все прихожане расселись, вышел священник в черном балахоне. Поклонился и начал нараспев читать некие молитвы, из которых понятно было лишь одно: в них восхвалялась Тьма и ее порождения, звучали призывы поклоняться ей и только ей. Странно все как-то... Во всех религиях нашего мира призывают стремиться к свету, здесь же все происходило наоборот. Да и вообще само понятие «свет» словно отсутствовало. Но так ведь не может быть, верно? Если существует Тьма, значит, должен быть и его антагонист Свет. Тогда где он в этом мире?

В общем, осадочек после службы остался какой-то неприятный. А тут еще у выхода из храма мы с Коуном вновь наткнулись на лорда Реллингтона. Но странное дело, люди вокруг хоть и кланялись ему, но как-то суетливо, а во взглядах наравне с благоговением и страхом сквозило любопытство. Сам же Реллингтон, как всегда, ни на кого не обращал внимания, с ледяным спокойствием ждал, пока все пройдут мимо. Некоторое оживление проявил лишь при виде мастера. Но старик уже и сам спешил к нему.

— Милорд, какая встреча, — приветствовал он его, и, уже понизив голос: — Как ваше самочувствие?

— По-прежнему, — сдержанно ответил тот.

— Сегодня вечером можете заходить за лекарством, милорд.

Реллингтон кивнул и поправил шляпу, надвигая ее еще ниже на лоб.

Но, как я успела вывести закономерность, если внезапно встречаешь одного Темного лорда, непременно где-то рядом найдется и другой. И Паттисон не заставил себя ждать,

явился честному народу из своего дымка в тот самый момент, когда мы спускались по лестнице. И пока прихожане, как домино, складывались в поклоне, его внимание вновь привлек Реллингтон, еще не успевший к этому моменту испариться.

— Теперь наш лорд Реллингтон посещает храм по утрам вместе с простым людом? — Губы Паттисона растянулись в ухмылке. — Или же вас уже не пускают на закрытую вечернюю службу, а, милорд?

— Похоже, это тебя до сих пор не пускают на закрытую службу, Паттисон, — парировал Реллингтон без единой эмоции на лице. — Иначе с какой стати ты околачиваешься здесь же в это время? Почему не дождался вечера, когда в храме соберутся свои?

— А разве я пришел в храм? — Ухмылка Паттисона стала наглее. — Мне захотелось кое-кого повидать. — И вдруг он в упор посмотрел на меня. — Вы еще не соскучились по мне, госпожа Лия из другого мира?

Я потеряла дар речи и, похоже, покраснела. На меня уставились все, кто еще оставался во дворе храма, я же готова была провалиться сквозь землю. Нет, если бы я сейчас пребывала в своем мире, то уже давно и спокойно отшла бы этого самоуверенного лорда с его пошлыми подкатами, однако в данных реалиях это могло закончиться плачевно не только для меня, но, возможно, и для мастера. Во всяком случае, я еще не настолько осмелела, чтобы открыто высказывать протест местной элите. А вот перед другими было неудобно.

Краем глаза я заметила, как скривился лорд Реллингтон и стал растворяться в клубах черного дыма, явно не намереваясь продолжать общение с Паттисоном. И в этот миг я даже ему позавидовала: вот бы мне так уметь исчезать! Тоже не отказалась бы сейчас скрыться от этого зазнавшегося Паттисона.

— Сбежал, — самодовольно заключил тот, глядя, как испаряются остатки дыма лорда Реллингтона. И вновь повернулся ко мне. — Я не услышал ответа на свой вопрос.

— Прошу прощения, но мне некогда скучать, милорд, — отозвалась я спокойно, но кто б знал, каких усилий мне это стоило! — Я работаю с утра до позднего вечера.

— Мастер, — Темный посмотрел на Коуна с веселым упреком, — что ж вы так эксплуатируете госпожу Лию? Надо давать ей больше свободного времени. Иначе она испортит свою красоту.

— Вы правы, милорд, как всегда, — закивал старик. — Я пересмотрю рабочие часы Лии.

— Пересмотрите, мастер, пересмотрите. А я, возможно, скоро сделаю вам предложение, от которого вы наверняка не откажетесь. — И Паттисон — слава тебе господи! — стал «уходить».

Похоже, пронесло и на этот раз.

— Вы серьезно собираетесь пересмотреть часы моей работы, мастер? — как бы между делом уточнила я за ужином.

Весь день у меня из головы не выходила встреча с Паттисоном и особенно его странная фраза о возможном интересном предложении Коуну. Уж как-то подозрительно последовала она за замечанием о моей загруженности.

— А ты считаешь себя чересчур загруженной? — услышала встречный вопрос.

— Скорее нет, чем да, — подумав, ответила честно. В конце концов, пока я все равно не знаю, на что тратить свое свободное время в этом мире. — Но лишний час в день для собственных нужд не помешал бы. И выходные мне были положены по договору.

— Раз положены, значит, будут, — равнодушно пожал плечами старик. — Сегодня вон ты тоже особо не перетрудилась.

— А что имел в виду лорд Паттисон, говоря о некоем заманчивом предложении? Надеюсь, оно не касается меня? — Я все-таки озвучила свой страх.

Старик ответил не сразу, чем почти подтвердил мои опасения.

— Возможно, он захочет выкупить твой договор, — ответил он наконец.

— То есть он захочет выкупить меня? — Я нервно усмехнулась. — И вы согласитесь на это? Да и... Что за абсурд? Подобных условий при заключении контракта не было!

— Твоя беда, что ты заинтересовала Темного, — с досадой ответил Коун. — Вот поэтому я просил подобрать мне в компаньонки невзрачную женщину! Нет же, нашли такую, что приглянулась первому встречному Темному! Теперь придется думать, как избавиться от Паттисона без ущерба для жизни и бизнеса.

— Я правильно понимаю: вы не примете его предложение? — Во мне затеплилась надежда.

— Ты не представляешь, какой геморрой искать себе помощницу, — ворчливо отозвался старик. — А ты вроде как подошла мне. Поэтому не очень хотелось бы отдавать тебя кому-то, пусть и Темному.

Обещание мастера немного взбодрило меня и развеяло удручающие мысли. Даже появилось желание прогуляться, подышать свежим воздухом хотя бы в садике при доме. Мне ведь пока еще не довелось его исследовать.

Сад был настолько заброшен, что местами походил на джунгли. Яблони и груши одичали, а их плоды измельчали. Трава высокая — косить и косить. Кусты у забора разрослись так, что ветки торчали на улицу. Да уж, чтобы привести тут все в порядок, потребуется не одна неделя. В одном из дальних углов участка я нашла нечто наподобие сарайчика, где хранился садовый инвентарь, но пришлось с сожалением пройти мимо. Какой в них смысл, если, со слов Коуна, и в саду порядок надолго не задержится?

На город опускались сумерки, в саду заметно стемнело, и я собралась было отправиться обратно в дом, как вдруг заметила серебристое свечение, то самое и на том же месте, где видела его раньше из окна мансарды. Я подошла ближе убедиться, что это не галлюцинация. Нет, глаза меня не обманывали: сквозь корневище куста бузины пробивалось нечто похожее на свет, в котором, как светлячки, кружили серебристые пылинки. И его источник явно находился под землей. А что, если он неглубоко? Я вспомнила о тяпке, которую видела в сарае, и рискнула попробовать немного покопать в этом месте. Сходила за инструментом и принялась разрывать землю, где интенсивность свечения была особенно сильной. Почва поддавалась с трудом, а вскоре стали попадаться камни, и я уже почти решилась покончить с этим бессмысленным занятием, но внезапно увидела у ворот знакомую фигуру. Лорд Реллингтон. И мое внимание вместе с мыслями ненадолго переключилось на него. Почему Паттисон твердит, что он изгой? Почему насмеяется над ним и пытается задеть? Интересно, это как-то связано с болезнью Реллингтона, от которой он пытается излечиться с помощью зелья мастера?

Между тем из дома вышел Бенджамин Коун и поспешил к лорду. В этот раз я не слышала, о чем они говорили, да и общение их прошло быстро. Я лишь поняла по жестам мастера, что он объясняет Темному, как пить новое лекарство. Вот странное дело, мастер заявляет, что он простой маг, но к нему ходят лечиться сильные мира сего. Сами не могут этого сделать? Загадки, сплошные загадки, и с каждым днем их появляется все больше и больше.

Я вернулась к своему занятию, решив копнуть напоследок еще разочек. Копнула. И в тот же миг из-под камня на свободу вырвалась струя воды. Родник? Вот это да! Он весело запрыгал по камням, которые я успела выкопать, уверенно набирая силу. Я протянула к нему ладони ковшиком, набрала холодной прозрачной воды, сначала отхлебнула — чистейшая, ключевая, как в горах, — потом не удержалась и умыла лицо. Сразу вспомнилось детство, когда мы с родителями ездили в Карпаты и ходили пешком в горы, где нашли почти такой же дикий родничок с потрясающе вкусной водой.

— Лия? Что ты делаешь там, в темноте? — Из окна лаборатории выглянул Коун.

— Мастер! Смотрите, что я нашла! — поделилась с ним своим восторгом. — Это родник! Вы знали, что у вас в саду есть родник?

Я не видела, как изменилось лицо старика, услышала лишь его взволнованный голос:

— Нет, не может быть... Не может быть... — И он исчез в окне.

А через несколько минут уже появился в саду. Бежал ко мне, едва не роняя свои тапки.

— Где? Где он?

Коун опустился перед родником на колени и протянул к нему дрожащие руки.

— Ты нашла его, Лия... Ты нашла его!

Надо же, даже не думала, что эта находка вызовет в нем такую бурную радость.

— Он так важен для вас? — спросила я с полуулыбкой.

— Важен? — Коун счастливо засмеялся и плеснул себе водой на лицо. — Да ты хоть знаешь, что нашла? Это же источник молодости!

ГЛАВА 8

Я не верила себе: моя кожа... Она стала такой мягкой и свежей. А морщинки, морщинки около глаз, раньше они были, пусть и небольшие, но сейчас исчезли! Не было и темных кругов, и припухлостей, которые я привыкла видеть у себя по утрам. И контур губ будто четче стал. А щеки приобрели девичью округлость. Все эти чудесные преобразования отразило мне утром зеркало в моей спальне. Неужели вода из источника, который я нашла накануне, действительно молодильная? Вчера, несмотря на бешеную радость Коуна, мне во все верилось с трудом, сегодня же я смогла убедиться в этом воочию. Я и вправду стала моложе! Лет на десять, не меньше. Да я будто вернулась на первый курс института! С ума сойти... Невероятно... Потрясающе...

А тело? Я быстро зашторила окна, повернула замок на двери и... Разделась догола. Мама мия! Нет, конечно, моя фигура и без того была вполне приличной и довольно подтянутой, но годы, как ни крути, не украшали ее, зато сейчас... А я уже и забыла, что ягодички могут быть такими упругими даже без усиленных тренировок, и ни единой ямочки или растяжки! Я повернулась к зеркалу боком и с восторгом провела рукой по плоскому животу. Ну и грудь — отдельная песня: «подскачила вверх», «налилась соками». Я распустила волосы и встряхнула ими. Они тоже будто ожили, заблестели и, кажется, стали чуточку длиннее.

Я впервые не могла налюбоваться собой. Раньше мне в этом мешал вагон комплексов и природная стыдливость, сейчас же эмоции просто переполняли.

— Ку-ку, — сонно объявила моя новая подруга о начале очередного часа. Больше надоедать мне не стала и скрылась в домике.

Я же, увидев, что главная стрелка остановилась на восьми, поторопилась одеться: скоро проснется Коун, а мне еще завтрак приготовить надо. Я быстро спустилась в кухню, пошпикала чистящей пыльцой и принялась делать омлет.

Мастер появился минут через пять: я услышала его бодрые шаги и мотив некой веселой песенки, которую он напевал себе под нос. Последнее было особенно удивительным, отчего я даже обернулась на него через плечо — и в следующий миг выронила лопатку из рук. Коун помолодел лет на двадцать точно. Теперь это был мужчина пусть в годах, но все еще привлекательный для женщин: плечи распрямились, волосы потемнели и приобрели объем, да и сам Коун будто стал выше и нарастил мышечную массу. Сколько вчера он выпил омолаживающей воды?

— Мастер, это вы? — вырвалось у меня.

— Ты тоже отлично выглядишь, Лия, — отозвался он и... Игриво мне подмигнул.

— И как долго сохранится эффект? — Я потрогала свое лицо.

— Пока обычное течение времени не возьмет свое. Если ты сейчас стала выглядеть на двадцать, то станешь выглядеть, как прежде, только лет через десять, — ответил Коун, витая где-то в своих счастливых мыслях.

— А если я выпью еще из того родника, то и помолодею больше? Стану подростком, потом ребенком? — озадачилась я.

— Нет, ни ребенком, ни подростком не станешь, вода из родника останавливает свое действие, когда организм достигает начальных границ половозрелости, то есть уже сформирован во всех отношениях.

Вот завернул. Но, в принципе, понятно. Грубо говоря, я не стану моложе своих восемнадцати. Хорошо бы остаться такой, как сейчас, меня это вполне устраивает. Вот только надеюсь, что мозги не «помолодеют» вместе с телом. Становиться той наивной и стеснительной глупышкой, какой я была в девичестве, как-то не очень хотелось. А вот молодое тело плюс жизненный опыт — просто идеал. Но все же лучше воздержусь пить и дальше из того родника.

— Мастер, а как так вышло, что родник пропал? — Я разложила завтрак по тарелкам и села напротив Коуна. — И вообще, откуда у вас этот родник в саду?

— Он был у нашей семьи всегда, — сказал Коун. Но как-то быстро... слишком быстро, будто готовил ответ. — А после некоторых обстоятельств много лет назад исчез. Я долго искал его, но не мог найти, тогда начал думать, что он пересох или ушел под землю. И вот вчера он отыскался! Ты его нашла, Лия! Думаю, тебе положено вознаграждение. Двадцать кристолов.

Ого... Конечно сумма по местным меркам небольшая, но все равно приятно. Отложу на туфли.

— Спасибо. — Я улыбнулась и подлила Коуну кофе.

Но в следующую минуту моя радость резко померкла, ибо Коун заявил:

— Сегодня в лавке поработаешь одна. Скажешь всем, что я приболел. Не могу же я появиться в таком виде. Еще прознают про родник. А этого нельзя допустить.

— Но... — растерялась я. — А если я не справлюсь одна?

— Справишься, — безапелляционно ответил мастер.

— А как же вы дальше будете?

— Придумаю что-нибудь. — И вновь эта непривычная беспечность в голосе.

Отправляться одной в лавку было волнительно, тем более с собой пришлось тащить очередную коробку с пополнением ассортимента. Но ничего, дошла, и даже без происшествий. В лавке день тоже протек быстро и легко: покупателей было немного, спрашивали зелья, которые я уже успела выучить, и в целом все прошло на позитиве. В обед забежал пекарь Вальди, угостил меня булочкой с марципаном. Но главное счастье: ко мне сегодня не заглянул никто из Темных. Я все время опасалась встретить Паттисона, боялась, что без мастера не смогу дать ему достойный отпор, но — аллилуйя! — этого не случилось.

В дом мастера возвращалась, окрыленная своей маленькой победой: я справилась, смогла весь день торговать в лавке одна и ни разу не ошиблась! Но там меня ждал уже не солидный зрелый господин, а мужчина чуть за сорок.

— Вы снова пили из родника, мастер? — спросила я, сдерживая удивление.

— Да, — спокойно отозвался тот, рассматривая себя в зеркале холла. — И раз уж ты заговорила об этом, сходи набери оттуда еще кувшинчик.

— Вы уверены, мастер? — Я уже сомневалась в его разуме.

— Да. — Он посмотрел на меня с раздражением. — Еще есть вопросы? Нет? Тогда иди выполняй.

Родник весело бил из-под земли, а вокруг него за ночь выросла целая полянка цветов: ромашки, лютики, незабудки. Это было так мило и красиво, что я несколько минут просто сидела около родничка и с улыбкой перебирала пальцами травинки и головки цветов. Потом насобирала камушков и обложила ими источник, сделав что-то вроде бортика. Внезапно боковым взглядом я уловила движение за забором. Резко повернула голову: на меня сквозь дырку в заборе смотрел голубой глаз. Но увидев, что его заметили, тут же исчез. Я подскочила на ноги, выглянула через забор и успела рассмотреть белобрысого мальчишку, улетающего со всех ног. Я недоуменно пожала плечами и присела обратно к роднику. Набрала воды, как просил мастер, и вернулась в дом. Коуна нашла в его комнате, примеряющим красный галстук-бабочку.

— Я вот что решил, — сказал он, приглаживая волосы. — Съезжу-ка я в столицу, давно там не был. Отдохну, развлекусь. Посмотрю, как мир изменился, пока я прозябал в Талоссе.

— Мы поедем в Голдвайн? — Я как-то сразу вспомнила название главного города Дарквайта.

— Я поеду в Голдвайн, — с нажимом ответил Коун. — А ты останешься здесь.

В первую минуту я ничего не могла вымолвить, настолько была потрясена услышанным заявлением.

— Вы собираетесь оставить меня одну? — выдавила наконец. — Или разорвете контракт и отпустите домой?

— Нет, ты останешься здесь и присмотришь за всем. По-моему, ты уже неплохо освоилась.

— Но зелья... Кто их будет делать? — Мне все еще казалось, что это шутка мастера.

— Ты. Уверен, у тебя получится. Ты же аптекарь.

— Но я не маг! — воскликнула я в отчаянии. — Ладно, настои от обычных болячек и травы помогут. Но как насчет всех этих ваших волшебных штучек типа «Зоркого глаза» или пылицы для уборки?

— О, в этом нет ничего сложного. У меня есть книга с рецептами всех зелий. Будешь следовать точно инструкции — все у тебя получится, — заверил Коун.

Он продолжал крутиться у зеркала, то приглаживая волосы, то зачесывая их набок.

— Но я не маг, — повторила я без всякой надежды.

— А тебе и не надо быть магом. — Коун посмотрел на меня снисходительно. — Главное — рецепты. Ладно... — Он вздохнул, будто решившись на что-то. — Хорошо... Я делаю тебя своим временным партнером по бизнесу, пока не вернусь. Тридцать процентов всей прибыли будет идти тебе.

— Сорок, — тут же выпалила я, сама не ведая, что творю.

— Тридцать пять, — нехотя ответил Коун.

— Хорошо, тридцать пять, — согласилась я. — Но плюс к этому вы выплатите мне вперед все обещанное по контракту жалованье. Это будет моей гарантией.

— Договорились... — вздохнул мастер. — Только даже не пробуй покинуть Дарквайт, он все равно тебя не выпустит, пока не истечет срок контракта.

— Я уже поняла. — Я тоже не сдержала вздоха. — Только... Что мне делать с Темными? Проблема с Паттисоном не решена. Вдруг он продолжит меня преследовать?

— Преследовать, может, и продолжит, но принудить быть с ним не сможет. Меня ведь не будет, чтобы поторговаться за тебя. Да и теперь ты мой партнер, и с этим ему тоже придется считаться. И последнее. Запомни, — теперь Коун смотрел на меня как никогда серьезно, — ни один Темный не сможет переступить порог этого дома. Так что считай его своей крепостью.

Эти слова прозвучали убедительно, пусть и странно, но я поверила. И уже почти смирилась с очередным выражением в моей жизни. Лишь уточнила:

— И надолго вы в Голдвайн?

— Месяц, два, три... Как пойдет. Я буду присылать тебе почтовые говорильники. Ты тоже будешь их мне слать с подробными отчетами о делах в лавке. Адрес сообщу, когда обустроюсь.

Месяц? А то и три? С ума сойти! И все это время я буду здесь одна? Боже, на что я подписалась? Если бы у меня был другой выход...

— А как быть с этим Темным, который приходит к вам? — вспомнила я. — Лорд... Реллингтон.

— Ах да. Еще же этот Реллингтон, — с досадой произнес Коун. — Пойдем в лабораторию, дам тебе указания на его счет.

Уже в мансарде он подвел меня к шкафу, который всегда держал на замке и к которому

никогда не подпускал меня, распахнул дверцы и показал четыре одинаковых пузырька, наполненные зеленой жидкостью.

— Снадобье для лорда Реллингтона готовится пятьдесят часов, — начал объяснять Коун. — Вот здесь, считай, запас на ближайшие две недели. Только каждое из них сейчас находится в разной степени готовности. Это, — он показал на крайнюю справа бутылочку, — можно отдать ему при следующей встрече. Далее — второе в ряду, затем третье и последнее. Реллингтон приходит за ним раз в три дня.

— А что делать, когда запас закончится?

— Сделать новое. И начинать нужно не позднее чем за десять дней, чтобы успело дозреть. — Коун достал свой талмуд с рецептами и открыл его на середине. — Вот график его приготовления, не задерживай его ни на день. Раньше делать можно, позже — ни в коем случае. Вот обновленный рецепт. Будь внимательна с дозировкой. Ингредиенты пока все у меня есть. Когда они закончатся, вот тут, на последней странице, есть адреса всех моих поставщиков. Свяжешься с ними и купишь все, что необходимо. Будешь делать зелье каждые пятьдесят часов, и проблем с Реллингтоном не возникнет. Он щедрый клиент. Вот, кстати, цена его зелья.

Я глянула на строчку, в которую ткнул пальцем мастер, и мои брови медленно поползли вверх.

— Триста пятьдесят кристолов?

— И ни кристолом меньше, — кивнул Коун и захлопнул книгу. — Наша прибыль с каждого пузырька двести кристолов.

Ого. И получается, семьдесят из них пойдут мне? А это неплохо, скажу я вам... Совсем неплохо. Интересно, какой доход с остальных зелий?

— А где ваша бухгалтерская книга? — поинтересовалась я.

Коун открыл следующую дверцу шкафа.

— Здесь все документы. Разберешься с ними потом сама. Часть еще есть в лавке. Про них тоже не забудь.

— А что говорить вашим клиентам, соседям? Куда вы пропали?

— Скажи, что уехал в столицу по срочным делам семейного характера. Да, к завтрашнему утру напишу на тебя доверенность. И составлю партнерское соглашение. Но в нем будет один пункт: все договоренности обнуляются, если ты кому расскажешь о моем преображении. Это должно остаться в тайне, понятно?

— Куда уж понятней, — пробормотала я, тушуясь под его угрожающим взглядом.

На первый этаж я спускалась в некоторой прострации. Мне все еще не верилось, что это происходит наяву. Конечно, предложение о партнерстве было весьма выгодным, тут и сомневаться нечего, но получится ли у меня справиться со всей этой ношей? Я в этом мире еще даже недели не прожила, а меня уже бросают на произвол судьбы. И мастер... У него словно крышу снесло от вернувшейся молодости. Как можно вот так все оставить и сбежать? У него бес в ребро, а мне расхлебывать. Хорошо, что потребовала жалованье выплатить, а то мало ли... Так спокойней.

Я не заметила, как оказалась в кухне. Налила в чайник воды, поставила на плиту: захотелось выпить перед сном чаю, возможно, он поможет мне немного успокоиться. Вернувшийся бардак вызвал еще большее раздражение. Я взяла тряпку и в порыве опять принялась драить все вокруг вручную. Да, можно было воспользоваться пыльцой, но сейчас во мне бурлили накопившиеся эмоции, а физическая работа — лучший способ выплеснуть их и не уйти в депрессию.

На едва ощутимый фруктовый аромат, возникший во время уборки, я бы, наверное, и не обратила внимания, если бы не почувствовала его вновь, когда начала пить чай. Но фруктов в доме не было, это точно, как и различных ароматизаторов. Не было и мощных средств, которые могли так пахнуть, я вообще мыла кухню только водой. Вода? Я еще раз

понюхала чай. Затем подошла к крану и пустила воду. Запах стал чуть выразительней. Значит, это вода? Я помочила руку, затем осторожно лизнула — вкус вроде тот же. Здесь вообще вода хорошая, чистая, можно пить сырую. Да и мастер, видела, использует ее иногда для приготовления зелий. Я было подумала, что это открывшийся родник как-то повлиял и на водопровод, но сам-то он не имел такого аромата. Точнее, ключевая вода вовсе ничем не пахла, да и вкус был несколько иной. Я хотела еще заглянуть к мастеру, спросить у него, в чем может быть дело, но, подойдя к его спальне, услышала раскатистый храп. Пришлось мучиться сомнениями до рассвета.

А утром я на время забыла об этой проблеме, поскольку оно было полностью посвящено отъезду мастера. За ночь Коун помолодел еще на десяток лет и носился по дому шустрее меня. И даже умудрялся кокетничать, например, заявил, пробегая мимо:

— Эх, Лия, я бы приударил за тобой, но, увы, принципиально не завожу отношения с работниками и деловыми партнерами.

«Ну и слава богу», — подумала я. Не хватало мне еще ухаживаний Коуна.

Ровно в девять за мастером приехал автомобиль. Молодой водитель, пока грузил его чемоданы, тоже строил мне глазки, но я старательно делала вид, что не замечаю этого.

— С меня сувенир из Голдвайна, — было последнее, что я услышала от Бенджамина Коуна. — Надеюсь, ты меня не подведешь, Лия. — И он исчез в салоне машины.

И только глядя вслед отъезжающему автомобилю, я окончательно осознала, что уже ничего назад повернуть не получится. Теперь моя дальнейшая жизнь в этом мире зависит только от меня самой. Я осталась один на один с Дарквайтом и должна выжить в нем во что бы то ни стало.

ГЛАВА 9

Ну что ж, хандрить времени нет, пора браться за работу. Только вначале выпить чашку кофе для бодрости, а то у меня из-за всей этой утренней суеты сегодня даже маковой росинки во рту не было.

Я вернулась в дом, опустевший без хозяина, уже привычно взяла из шкафчика кофе, сахар... И только когда ставила на плиту турку, осознала, что в кухне... чисто. То есть все было ровно так, как я вчера здесь оставила. Чертовщина какая-то... Вернее, наоборот. Хотя причина уже не столь важна, главное, результат: кухня за ночь не превратилась в помойку! Я не удержалась и, пока закипала вода, пробежалась по другим комнатам первого этажа. Но нет, там было по-прежнему пыльно. Впрочем, я ведь и не убиралась в них. Надо будет вечером попробовать.

Кофе пила уже в приподнятом настроении, потом стала рассматривать бумаги, которые оставил мне Коун, и самое важное — пересчитала деньги. Тут надо отдать должное мастеру: не обманул, отдал все до копейки. Вернее, до трикса. Кстати, и часть моего долга за одежду он тоже мне списал. Так что нет худа без добра. Несколько кристолов я положила в свой кошелек, остальные спрятала на дно чемодана. Конечно, мастер обещал, что дом никого не пустит, но мало ли... Вон уже и чистоту на кухне оставил. Вдруг решит и перед незваными гостями двери распахнуть? Нет, лучше перестраховаться. Или вовсе разузнать, есть ли тут у них банки.

К привычному времени открытия лавки я конечно же опоздала. У ее дверей меня ждали уже двое покупателей, и, судя по их недовольным лицам, они, оказавшись в моем мире, точно потребовали бы книгу жалоб. Счастье, здесь такой традиции не имелось, но извиниться все же пришлось.

— Прошу прощения за задержку. Были неотложные дела. В качестве компенсации за ожидание я сделаю вам пятипроцентную скидку на ваши покупки.

За полгода работы продавцом мебели я вывела одно главное правило: в любой конфликтной ситуации с клиентом улыбаемся и машем, точнее, делаем небольшую скидку. В девяти из десяти случаев проблема решается на ура, и все расходятся довольные. Ну а если клиент попался рогатый и продолжает бодаться, угощаем кофе и... чуток повышаем скидку! Этот прием еще ни разу не подводил. Не подвел и сейчас. Оба товарища сразу повеселели и даже прихватили еще по одному зелью (со скидкой же!). В общем, расстались почти друзьями, а я к тому же и в прибыли.

А вот по поводу кофе или других каких приятных плюшек для постоянных клиентов надо подумать.

— Так-так-так... Госпожа Лия из другого мира... — От этого голоса у меня по спине сразу пробежал холодок.

— Лорд Паттисон. — Я натянула вежливую улыбку и повернулась к Темному, который стоял, вальяжно облокотившись о прилавок. — Скорого дня. Что вам предложить? Снова бабушка захандрила?

— Нет, бабка уже скачет по дому как коза, — отозвался он тоном, который не оставлял сомнений: к своей старшей родственнице лорд не испытывал никаких теплых чувств. — Где старик Коун?

— Так я за него, — ответила я, из последних сил удерживая улыбку. Только сейчас вспомнила, что забыла поклониться, но было уже поздно. Да и Паттисон вроде не заметил. — Какие у вас вопросы к нему?

— Нет, Лия, ты не так поняла. — Паттисон хмыкнул. — Мне нужен именно Коун. Потому что говорить с ним я хочу о тебе. Когда он будет?

— Понятия не имею. — Я пожала плечами и выдала заготовку: — Мастер Коун уехал в Голдвайн по семейным делам. Когда вернется — неизвестно. Лавку он оставил на меня, своего партнера.

Не думала, что будет так приятно видеть растерянность и недоумение на этом холемом

лице.

— Партнера? — уточнил он, недоверчиво ухмыляясь.

— Ну да. — Вот и настал час моего торжества!

Я с превеликим удовольствием разложила перед ним все бумаги и с неменьшим наслаждением стала наблюдать, как вновь меняется выражение лица Паттисона от удивления до досады и разочарования.

— Как видите, мастер полностью доверил мне все свои дела. Теперь по всем вопросам вы можете обращаться ко мне, милорд. Помогу чем смогу. — И вновь наилюбезнейшая улыбка.

Но в ответ улыбки не получила.

— Я подумаю, чем именно вы можете мне помочь, госпожа Лия, — прозвучало как угроза. И Темный начал растворяться в воздухе, оставляя за собой струи черного дыма.

Но лишь когда он полностью исчез, я позволила себе выдохнуть. Кажется, мастер был прав: планы Паттисона мы нарушили. Только не придумает ли этот гад что-либо еще? Нет, поклонники — это неплохо, но не когда они по местным меркам уровня «бог», еще и со скверным характером.

Как там у классика? «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»? Вот, кажется, это как раз мой случай.

Встреча с Паттисоном слегка выбила меня из колеи, и еще несколько ближайших часов я вздрагивала от каждого шороха за спиной. Потом же как-то увлеклась работой и к вечеру уже почти не вспоминала о Темном. Даже задержалась в лавке после закрытия, изучала бухгалтерию. По пути домой пробежалась по продуктовым магазинчикам, ознакомилась с местным ассортиментом, ценами и прикупила кое-что из еды про запас. Еще минут пятнадцать провела у витрины обувной лавки, присмотрела себе несколько пар симпатичных туфель. Когда решусь на их покупку, позову с собой Паулу. Мне ее советы очень пригодятся.

А дома, точнее, в саду меня ждал сюрприз: старая высохшая яблоня зацвела.

Цветущая яблоня посреди лета, когда в других садах уже зрели плоды? Ну разве это не чудо? Наверное, это родник, около которого она как раз росла, оживил ее, вдохнул новые силы. Интересно, успеют ли завязаться и созреть яблоки до холодов? Слышала, зимы здесь бывают суровыми.

Я еще немного полюбовалась яблоневым цветом и направилась в дом. Вспомнила, что теперь и ночевать придется одной, и мне стало как-то неудобно. Я, конечно, привыкла к одиночеству, но одно дело, когда спишь в маленькой квартире, где сверху, снизу и через стенку от тебя соседи, а другое — в пустом двухэтажном доме, а до ближайшей живой души не меньше сотни метров.

«С другой стороны, живут же одинокие люди в деревнях или коттеджных поселках, и ничего. Нормально живут, — попыталась я успокоить себя. — Не жалуются. Дело привычки. И я привыкну».

Подбадривая себя подобными мыслями, я отправилась готовить себе ужин. Кухня продолжала радовать чистотой, а вот в другие комнаты, которые я утром обработала волшебной пылью, почему-то вернулся беспорядок. Странно. Возможно, дело в том, что кухню я убирала сама?

Был еще один момент, о котором я вспомнила только за ужином. Вода, точнее, ее фруктовый запах. Он нигде не исчез, разве что стал менее выражен. Впрочем, за сутки со мной тоже ничего страшного не произошло: я не помолодела и не состарилась, не подурнела и не покрылась пятнами, чувствовала себя хорошо, то есть как обычно. Наверное, стоит просто не обращать на эти странности внимания, во всяком случае, пока. Если уж на то пошло, то это далеко не самая удивительная странность в этом мире. Есть куда важнее загадки. Ну и проблемы, как же без них? Например, не мешало бы провести ревизию в лаборатории. Этим я и занялась, когда покончила с ужином.

Просидела в мансарде почти до ночи, пересчитала травы и прочие ингредиенты, составила список того, что может мне понадобится в скором времени. Изучением книги рецептов зелий решила заняться завтра, заодно, может, попробую что-нибудь сотворить сама. Перед сном еще убралась в своей комнате (тоже сама!) и покормила кукушку, теперь единственное существо, с кем можно было поговорить в доме, пусть и слыша в ответ лишь «ку-ку». А чтобы лучше и крепче спалось, воспользовалась успокоительным настоем, который нашелся в запасах мастера.

Утром моя догадка подтвердилась: отчего-то дом перестал «грязнить» комнаты, которые я убирала сама. Хотелось бы знать, с чем это связано и отчего такие перемены, но сия тайна пока для меня оставалась покрытой мраком.

Сегодня я решила рискнуть и проехаться до лавки на трамвае. Поездка в нем стоила дороговато, пятьдесят триксов, но разок прокатиться все же можно было, тем более в трамвае я, не считая рыжего водителя и краснощекой кондукторши, была одна. До открытия «Зелий на все случаи жизни» оставалось немного времени, и я заглянула к господину Вальди. Во-первых, купила себе на обед несколько пирожков, во-вторых, поинтересовалась, где он берет бумажные пакеты для своих булок. Пекарь с радостью поделился со мной контактами маленькой фабрики и даже пообещал взять меня с собой, когда на следующей неделе поедет туда заказывать новую партию.

— Как-то вы еще больше похорошели, госпожа Лия, — отвесил он мне комплимент на прощанье. — Еще вчера заметил. Прямо глаз не отвести.

— Наверное, вам кажется, господин Вальди. Или же на меня так влияют ваши потрясающие булочки, — отшутилась я, показывая на пакет с выпечкой. — Но за приятные слова спасибо.

Вот и первый человек, кто заметил мое преображение. Хорошо, если оно и у других не вызовет ничего, кроме удивления и восхищения. А если начнут что-то подозревать?

Подходящая для этого легенда возникла скоро сама собой. Точнее, ее мне, сама того не подозревая, подсказала покупательница, та самая пышнотелая госпожа Фирс, с которой я успела познакомиться еще в свой первый рабочий день.

— Отлично выглядите, милочка, — сказала она мне заговорщицки. — Прямо помолодели. Признайтесь честно, это некое новое средство мастера Коуна? Лосьон? Или же настой для приема внутрь?

— Крем, — тоже понизив голос, ответила я. — Говорю это только вам и по секрету. Ибо средство пока экспериментальное. Я как раз и испытываю его на себе.

— И как скоро он поступит в продажу? — Глаза госпожи Фирс прямо загорелись в предвкушении.

— Как только, так сразу. Это решает мастер. И выпуск этого крема точно будет ограничен. Но так уж и быть, специально для вас приберегу одну баночку, — пообещала я.

Та быстро-быстро закивала и произнесла с придыханием:

— Вы уж приберегите, Лия. А я непременно придумаю, как вас отблагодарить, будьте уверены.

Этот день тоже пролетел быстро. Клиентов было много, порой даже не хватало времени присесть и дать ногам отдохнуть, зато выручка порадовала. Назад я тоже поехала на трамвае. Понимаю, дорого, но сегодня я слишком устала, чтобы экономить. Поужинав, я поднялась в мансарду и, как планировала, засела за книгу с рецептами. Зелья от обычных человеческих болячек оказались не такими уж мудреными по составу, а особенность их действия заключалась, скорее всего, в травках, которые в них входили и большинство из которых я никогда не встречала в нашем мире. Тем не менее принцип и процесс приготовления этих зелий-настоев я поняла. Сложнее было с бытовыми зельями, куда уже входили такие ингредиенты, как сухой ястребиный глаз, зуб какого-то тляра, язык змеи, чешуя неизвестных рыб и прочие «прелести». Еще некий загадочный «бриллиантовый порошок» и «радужная роса».

То, что у меня гости, я поняла неким шестым чувством, будто дверной звонок зазвучал у меня в голове. Я бросила взгляд на окно, откуда была видна часть улицы и калитка, и сердце в страхе сделало кульбит: лорд Реллингтон. А я ведь совсем забыла, что сегодня «его» день! Бросилась к заветному шкафу, схватила крайний пузырек и поспешила вниз. Ноги почему-то дрожали, а во рту стало сухо, и зуб на зуб не попадал. Я с опозданием вспомнила, что уже успела переодеться в свой домашний костюм, уверенная, что никого сегодня больше не увижу, но возвращаться, чтобы сменить его, не стала. Лучше потороплюсь отдать зелье.

Реллингтон стоял, как всегда, спиной к фонарю, отчего лицо его было затемнено и едва различимо. Зато я, наоборот, оказалась перед ним, как под софитами, во всей красе: с растрепанным хвостиком на макушке, без косметики и, главное, в брюках. Ну и черт с ним!

— Милорд. — На этот раз я не забыла поклониться, как учил мастер. — Вот ваше лекарство.

Темный, увидев меня, сделал шаг назад и спросил недоверчиво:

— Где Коун?

— А вы еще не в курсе, милорд? Он уехал в Голдвайн по неотложным делам и оставил меня вместо себя, — торопливо ответила я. — Не волнуйтесь, с вашим лекарством все будет в порядке, вы будете получать его и впредь в срок.

Реллингтон больше ничего не произнес. Забрал у меня свой пузырек, а взамен протянул мешочек с монетами. Его прохладные пальцы на миг коснулись моих, и между ними будто прошел разряд тока. Нет, не фигурально, как в любовных романах, а именно электрический разряд, как, например, зимой «стреляет» наэлектризованный свитер. Реллингтон, кажется, тоже это ощутил, потому что тут же отдернул руку. Отступил в тень — и стал дымом.

ГЛАВА 10

Я, все еще пребывая в задумчивости, повернула к калитке, но успела сделать лишь шаг. Раздался тихий свист, словно воздух разрезали кнутом, и меня в мгновение ока оплели какие-то веревки. Я попыталась скинуть их, но чем больше дергалась, тем сильнее они сжимались вокруг моего тела. Первой мыслью было, что это дело рук Паттисона: утащит меня куда-нибудь в свое темное логово, и поминай как звали. Но в следующий миг от забора отделилась женская фигура, в которой я узнала молодую модистку.

— Паула? — вырвалось у меня изумленно.

— Сейчас ты за все ответишь! — воскликнула она на надрыбе, и я поняла, что девица не в себе.

— За что? — Мое недоумение было более чем искренним.

— А ты не понимаешь будто. — Модистка подошла совсем близко, и сразу стали заметны и ее красные припухшие глаза, и обкусанные губы, и дрожащий в негодовании подбородок. — Явилась сюда из другого мира, ходишь, глазки всем строишь, мужчин наших соблазняешь. В своем мире мало, да? Так вот проваливай обратно!

— Я, может, и хотела бы вернуться к себе, да не могу, у меня контракт, — первым делом ответила я. — И совсем не понимаю, кого я тут за неделю успела соблазнить? Мастера? Или, возможно, господина Вальди? Даже не смешно, честное слово. Я и знать пока толком никого не знаю у вас тут.

— Ну конечно. — Паула горько усмехнулась. — Не строй из себя невинную девицу. А у кого это для лорда Паттисона прямо медом намазано, а? Не у вас ли в лавке? Он даже в храм пришел, чтобы увидеться с тобой! — Она судорожно всхлинула и... разрыдалась громко, с завыванием.

О-о-о... Кажется, теперь все ясно. А девчонка-то влюблена в Паттисона! И как ее угораздило?

— Да сдался мне твой лорд, — вздохнула я. — Глаза б мои его не видели.

— Он точно тебе не сдался? — Очередной жалостливый всхлип.

Господи, какая она еще молоденькая все-таки... Наивная, глупенькая девочка. Доверчивая. И, главное, не видит, какому негодяю отдала свое сердце. Прямо как я в молодости.

— Точно. — Я посмотрела на нее почти с материнским сочувствием. — Сними с меня эти веревки, а?

— Это измерительная лента. — Паула шмыгнула носом, и путы, удерживающие меня, упали на землю.

И вправду лента... Та самая, которой снимали с меня мерки. Оказывается, опасная штука!

— А теперь идем поговорим, милая. — Я обняла девушку за плечи. — Расскажешь мне все, поплачешь на плече, легче станет...

Я повела ее к дому, но вдруг она резко остановилась.

— Что такое? — не поняла я.

— Так дом ведь, — Паула стала вытирать слезы со щек, — не пускает.

— И ты это чувствуешь? — заинтересовалась я.

Она кивнула.

— Будто стена. — Девушка вытянула руку и словно уперлась в нечто невидимое ладонью. — Все, дальше не могу...

Значит вот оно как выглядит. Я же спокойно проходила туда-сюда через обозначенную черту, не ощущая никаких преград.

— Ладно, жди меня здесь. Пойду переоденусь. Прогуляемся потом. Или в гости пригласишь? — Я усмехнулась.

— Конечно, приглашу. — Она тоже наконец улыбнулась.

— Договорились! Тогда я быстро!

Я забежала в дом, сменила домашнюю одежду на более приличную, привела в порядок волосы и не забыла прихватить сумочку и деньги. Кукушка, которой я не успела уделить должного внимания, проводила меня укоризненным взглядом и спряталась в домике. Обиделась.

Паула к моему возвращению уже почти успокоилась, лишь иногда шмыгала носом.

— Далеко твой дом? — спросила я, когда мы двинулись по улице в сторону центра.

— Там же, где и мастерская, — отозвалась модистка.

— Одна живешь? Или с родителями?

— Одна. Мама умерла, а отец уехал в столицу. Я же осталась здесь продолжать мамино дело. Она тоже была модисткой.

Так девочка еще и одинока...

— А подружки есть?

Паула отрицательно помотала головой.

— Некогда заводить друзей. Только клиенты.

Да уж, совсем грустно. Немудрено тогда, что она так втрескалась в этого Паттисона. И даже некому совет ей дать.

— А давай устроим девичник! — предложила я.

— Девичник? — Паула посмотрела на меня с сомнением.

— Ну да! Купим чего-нибудь вкусного, будем веселиться и болтать обо всем подряд. Я могу сделать коктейль. Любишь?

— Не знаю. — Девушка пожала плечами. — Я никогда не пила.

— Даже безалкогольный?

Паула кивнула. Так. Спаивать девчонку, конечно, тетя Юля не будет, но интересное что-нибудь придумает. И все же нам обеим не помешает немного расслабиться. Какой там самый простенький слабоалкогольный коктейль? Пина колада, дайкири, мохито... Последний особенно мною любим. Но найдется ли тут содовая?

По пути нам посчастливилось наткнуться на работающий магазинчик с фруктами, а вот с алкоголем возникли проблемы. Но где наша не пропадала? И в ближайшем пабе мне удалось раздобыть бутылку ликера. Ром, нужный для мохито, как и содовую, я тоже там усмотрела, но все же решила остановиться на не столь крепком алкоголе. Решено! Сегодня в меню нашего девичника будет коктейль «Космополитен». Он, конечно, навевал ассоциации с любимым многими девушками сериалом «Секс в большом городе», но, будем надеяться, нас с Паулой он так далеко не заведет.

Жила Паула на втором этаже своей мастерской: маленькая комната, кровать за шторкой, скромная кухонька. Но все аккуратненькое, ухоженное и обставлено со вкусом. Пока я делала коктейли, хозяйка нарезала фрукты, насыпала в креманку орешки и выискала где-то большую коробку шоколадных конфет.

— Вижу, ты сладкоежка, — заметила я.

— Еще какая, — улыбнулась Паула.

— Я тоже, — доверительно призналась я и выхватила одну конфетку из коробки.

Коктейль тоже уже был готов. Я разлила его по бокалам и протянула один девушке.

— А теперь рассказывай, как тебя угораздило влюбиться в Паттисона?

Паула смутилась и опустила глаза, потом сделала большой глоток коктейля и тихо сказала:

— Сама не знаю. Его младшая сестра иногда заказывает у меня платья, и это великая честь для меня. А он часто сопровождает ее.

— И что тебя в нем привлекло?

«Заносчивость? Высокомерие? Самолюбование?» — мысленно закончила я, но вслух, естественно, ничего подобного не сказала.

— У него такой взгляд... — мечтательно проговорила Паула. — Прямо пронизывает. И улыбка...

— Паттисон умеет улыбаться? — От удивления вопрос вырвался сам собой.

Не ухмыляться или кривить рот, а улыбаться?

— Конечно! — Паула даже будто бы оскорбилась. — Да, он делает это редко. Но зато когда улыбается... У меня прям мурашки по коже бегут, — на выдохе закончила она.

— Мурашки — это, конечно, хорошо, — задумчиво отозвалась я. — Но иногда не к месту.

— А еще он никогда мне плохого слова не сказал, не оскорбил.

Ну да, прямо герой.

— И чаевые оставлял.

Надо же.

— И имя мое знает.

Да, я заметила, что с памятью у лорда все в порядке.

— И ты решила, что у тебя есть шанс? — спросила я прямо.

— Возможно, — ответила она совсем тихо.

Да, первая любовь, она такая... Часто слепая и безрассудная.

— Постой, а Темным можно жениться на обычных девушках? — вдруг спросила я.

— Не то чтобы можно... — расстроено замялась Паула. — Но случаи бывали... Да и не такая уж я обычная! — с запалом добавила она. — Я все-таки маг, пусть и не самый сильный! И разве любовь, настоящая, не сможет преодолеть все преграды и предрассудки?

«Увы», — хотелось ответить мне, но и это озвучивать не стала. Паула сейчас слишком взвинчена и ранима, чтобы адекватно воспринимать прозу жизни. Да и кому это под силу в таком состоянии? Разве что прожженному цинику или сухарю-рационалисту. А так... Всем хочется мечтать, верить в лучшее, желать романтики... А когда еще и влюблен! Нет, тут поможет только время. Или другой объект для воздыхания. Как говорится, клин клином.

— А Темные способны любить? — задала я встречный вопрос.

И снова Паула растерялась, глаза испуганно забегали, налились слезами, но она все равно выдавила из себя:

— Думаю, могут.

— Хорошо. И что ты собираешься делать дальше? — Я облокотилась на стол, подперла щеку ладонью. — Ждать, когда Паттисон обратит на тебя внимание? Или, может, стоит рассмотреть другие кандидатуры? У тебя есть какой-нибудь поклонник из простых парней, не из этих лордов? Возможно, кто-то добивается твоего внимания, пока ты сохнешь по Паттисону?

— Мне никто не нужен, кроме него! — Паула упрямо поджала губы и поставила перед собой пустой бокал. — И можно еще коктейля?

— Понравился? — Я усмехнулась, забирая стакан.

— Очень. Он вкусный, — похвалила девушка. — Мне даже легче стало на душе... И оттого, что призналась тебе во всем, тоже.

Я снова улыбнулась: все бармены немного психотерапевты.

— Скажи, а почему Паттисон постоянно задирается с Реллингтоном? — Я решила немного сменить тему и еще больше разговорить Паулу. — Это, случайно, не из-за его болезни?

— А ты не знаешь? — Глаза ее удивленно округлились.

— Откуда? — Я пожала плечами. — Я вообще в вашем мире еще как слепой котенок. Мне почти никто ничего не рассказывает, вот и тыкаюсь сама носом, осваиваю его наугад. Особенно меня волнуют Темные. Мастер совсем не хотел распространяться о них. Сказал только, что надо опасаться, и все.

— И он прав. — Паула нахмурилась. — Темные выше всех нас на несколько ступеней. Они порождение самой Тьмы. Именно Тьма дала им силу и власть над Дарквайтом.

— У вас нет стран и мир един, я правильно понимаю? И вся верхушка власти состоит из Темных, так? — рассуждала я, делая очередную порцию коктейля.

— Да. — Модистка кивнула, с интересом наблюдая за моими действиями.

— И они все богаты и влиятельны? Или же и у них тоже есть иерархия?

— Есть более влиятельные семьи, есть менее. Но даже самые низшие Темные — уважаемые и почитаемые. Вот Реллингтоны, например, очень древний род.

— Но почему тогда лорда Реллингтона все будто сторонятся?

— Потому что, говорят, его изгнала Тьма, — прозвучало как-то зловеще.

Мне же стало любопытней еще больше.

— Что это значит?

— Он совершил некий поступок, который пришелся не по нраву Тьме. После этого он заболел. А еще, — Паула заговорила тише, словно нас могли услышать, — у него стали светлеть глаза!

Я сразу вспомнила, как Реллингтон просил мастера посмотреть, насколько изменился цвет его глаз.

— И о чем это говорит? — поинтересовалась я у Паулы.

— У Темных не бывает светлых глаз! Только черные, карие и темно-синие. А тут начали светлеть. И все посчитали это знаком, что Тьма покидает его.

— А что, если это так? Что случится, если Тьма полностью его покинет? Он умрет?

— Не знаю... Но, наверное, ему будет очень плохо.

— А Темные вообще смертные?

— Да, но живут дольше, много дольше, чем даже маги.

— А что у вас со Светом? — Я внимательно посмотрела на Паулу.

— То есть? — Она словно испугалась этого вопроса.

— В вашем мире есть только Темные. Но где-то же должен быть и Свет.

— Его давно нет в Дарквайте, очень давно. Настолько, что даже старики не все помнят о тех временах, — почти скороговоркой произнесла Паула. — И, пожалуйста, больше никогда не заговаривай об этом. Это запрещено.

Даже так? От такого заявления на мгновение пробрал озноб. И вроде как подозревала нечто подобное, но все равно стало не по себе. Теперь местные пожелания «скорейшего утра» и «быстрого дня» наконец начинали обретать смысл. Похоже, даже светлое время суток вызывает у жителей Дарквайта определенный дискомфорт. Если только это самое неприятие всего светлого не навязано именно Темными.

— А почему Реллингтон назвал Паттисона бастардом? — Всплыл в памяти момент недавнего разговора между Темными. — Как такое могло случиться? Он действительно незаконнорожденный?

— Такое случается иногда... — Паула покраснела. — Если девушка-маг родит ребенка от Темного, то с большой вероятностью он тоже будет Темным. И лорд Паттисон... Он такой вот случайный ребенок. Но отец его признал, дал свое имя.

— Но на матери его не женился?

— У отца лорда Паттисона уже была невеста из Темных, и он женился на ней. Но это все слухи, никто не знает, как оно было на самом деле.

— Тем не менее это все равно значит, что Темные все-таки не женятся на тех, кто не их круга? — заключила я пусть и несколько жестко. — Остальные же для них лишь развлечение. — Мне еще вспомнилось, как Паттисон хотел выкупить мой контракт, и меня внутренне передернуло. — И ты тоже хочешь стать игрушкой этого лорда? Ты действительно желаешь себе такой участи?

— Если он полюбит меня, все будет по-другому, — убежденно ответила Паула. — Мне только нужно придумать, как обратить на себя его внимание.

Я сокрушенно качнула головой и поставила перед ней новый бокал с напитком. Паула с удовольствием сделала несколько глотков и поглядела на меня уже осоловело. Быстро же девочка опьянела. Следующую порцию ей точно делаю без ликера.

— Тебе нужно продавать такие коктейли вместе со своими зельями. — Она постучала ноготком по стеклу бокала и пьяненько хихикнула. — Назови «Лекарство для души». Думаю, мастер Коун одобрит.

— Почему бы и нет? — Я тоже усмехнулась. — А вдруг разбогатею к его возвращению?

Но вдруг взгляд Паулы прояснился, и она выпрямилась на стуле.

— Я придумала! — От возбуждения она ударила ладонью по столешнице. — Придумала, как сделать лорда Паттисона своим!

— И как же? — Ее горящие глаза мне очень не нравились.

— Ты приготовишь для меня любовное зелье!

ГЛАВА 11

Спустя дни и даже недели я неоднократно спрашивала себя, почему все-таки поддалась на уговоры Паулы и ввязалась в эту авантюру? Возможно, дело в алкоголе, слегка затуманившем разум и отключившем инстинкт самосохранения. Или же в обыкновенной жалости, помноженной на женскую солидарность. А может, просто не верила, что любовное зелье действительно сможет помочь страдающей Пауле, но хоть ненадолго утешит ее сердце. И если бы я знала, чем мне все это обернется... Но Аннущка, как говорится, уже разлила масло, и изменить теперь ничего было нельзя.

Однако в то утро, проснувшись в доме Паулы, я еще не подозревала, куда заведет меня моя уступчивость.

Местный ликер все же оказался не лучшего качества и подкинул проблем в виде головной боли, еще и во рту образовалась пустыня Сахара. Но омолодившийся организм быстро справился с незапланированным похмельем: достаточно было чашки крепкого кофе и умывания ледяной водой. А вот Паула, которую я, жертвуя собой, защитила от опьянения, выглядела куда бодрее и жизнерадостней меня и прямо порхала по кухне, готовя завтрак.

— Что-то мы вчера засиделись с тобой, сегодня я еле живая, — сказала я, опускаясь на стул. — Как бы не опоздать к открытию лавки. Но домой уж точно не успею забежать.

— Ничего страшного. Лучше ешь. — Паула поставила передо мной тарелку с ароматным супчиком. Она смотрела на меня с восхищением и благодарностью, и это немного смущало. — Спасибо тебе, Лия.

— За что? — Я усмехнулась.

— За то, что дала выговориться. И за то, что согласилась помочь.

— Ты все еще не передумала? Приворот — не лучшее решение твоей проблемы. — Пожалуй, это был единственный раз, когда я попыталась воззвать к голосу ее разума, и уже на трезвую голову.

— Лучшее, Лия, лучшее! — с жаром заверила меня Паула. — И единственное. Это зелье просто поможет обратить внимание лорда на меня, а дальше уже я справлюсь сама.

— А если Паттисон что-то заподозрит?

— Не заподозрит! А если и так, то ответственность будет только на мне! Ты вообще тут ни при чем, просто сделала зелье по заказу клиента. А кому оно предназначалось, тебя не касается, понимаешь? Между прочим, мастер Коун ни за что бы не отказался от такого заказа!

— А рецепт этого зелья точно есть у мастера?

— Должен быть. Он же делал его прошлой весной Саре Фолк, учительнице из школы Харрисона.

— И как результаты? — Мне стало интересно.

— Уже почти год как замужем за директором, а осенью должна разродиться, — с торжествующей улыбкой поделилась Паула.

— А директор тот в курсе, что его приворожили?

— Ты что? — Глаза модистки округлились. — Никто, выпивший этого зелья, никогда не поверит, что его чувства вспыхнули из-за приворота. А про Фолк мне по секрету одна клиентка рассказала, ее подруга. Да и видела бы ты ту Сару! — Паула скривила рожицу. — Ей только зелье и помогло бы выйти замуж, а тут аж за директора! А еще ее видели незадолго до замужества, как она крутилась около дома мастера и встречалась с ним в потемках. Так что все сходится: мастер Коун сделал для нее это зелье.

Я бы не сказала, что все так очевидно, поэтому еще придется проверить, есть ли в книге Коуна нужный рецепт. И, честно признаться, лучше бы его там не было.

— Ладно, я попробую. Только результат не гарантирую, — предупредила я. — И прежде потренируюсь на других зельях. Вдруг у меня вообще ничего не выйдет?

— Конечно-конечно, я подожду! — Паула приложила руки к груди. — И заплачу сколько надо. Только сделай!

До своего нынешнего дома я, как и предполагала, добралась только к вечеру. Этот рабочий день, к счастью, тоже прошел без инцидентов и, главное, без встречи с Темными. Первым делом я приняла душ и переоделась, затем, прихватив бутерброды и чай, отправилась в лабораторию. Книга с рецептами так и лежала открытой, как я ее оставила. Я принялась внимательно перелистывать страницы в поисках любовного зелья. И нашла его на самой последней странице. А ингредиентов сколько! Боюсь, у меня всех может и не быть. Манипуляций тоже много: вскипятить, выпарить, прокалить, еще раз вскипятить, потом настоять в течение пяти суток. И в каждый из этих дней добавлять еще по одному ингредиенту. Да уж, Паула задала мне работы. Единственный плюс, если это дело выгорит, то Паттисон, возможно, отстанет от меня и переключит свое внимание на модистку. Так, а вот и расчет себестоимости. Сто пятьдесят кристолей, дешевле никак. Что ж, Пауле придется раскошелиться на свою любовь. Остается надеяться, ей это окупится сторицей.

Разобравшись с теорией, я решила перейти к практике и попробовать что-нибудь приготовить самой. Например, самое простенькое зелье от икоты: болотный стручок, бородатый мох, капля пчелиного яда. Вскипятить, отфильтровать, дать остыть. Должна получиться желтая тягучая субстанция с терпким запахом и кислым вкусом.

Моей радости не было предела, когда следующим утром я нашла приготовленное зелье именно таким. Даже сравнила его с остатками того лекарства, что делал еще мастер. Получилось! У меня все получилось! Осталось отнести все это в лавку с прочими зельями и настояями. Однако весь товар неожиданно не поместился в одну коробку, и передо мной встала задача: как это все переправить в магазин? Две я точно не донесу за раз. Похоже, придется возвращаться. Я снесла обе коробки на крыльцо, чтобы потом не идти наверх, подхватила одну и направилась к калитке. И уже по ту сторону внезапно столкнулась с мальчонкой, тем самым, голубоглазым, который подсматривал за мной через дырку в заборе.

— Хотите, я вам помогу, госпожа? — оgoroшил он меня.

— Не откажусь. — Я улыбнулась, решив не отказываться от такого заманчивого предложения. — Тогда держи эту коробку, а я схожу за другой.

— Оставайтесь здесь, я сам схожу! — Мальчик тоже улыбнулся и... преспокойно забежал во двор.

Это что ж получается? Дом его впустил? Как и меня? Возможно, мы чем-то похожи?

Я подождала, пока мальчик вернется с коробкой, и спросила осторожно:

— Ты без препятствий вошел в калитку?

— Ага. — Он кивнул. — Куда нести?

— В лавку «Зелья на все случаи жизни». Знаешь такую?

— На площади Аспида, да?

— Именно. — Я улыбнулась, решив, что разберусь с «особенностью» нового знакомого позже. — Не тяжело нести?

— Нет, она же как пушинка, — ответил мальчик, поудобнее пристраивая коробку в руках. — Только большая.

Размер тары действительно был ее единственным недостатком, именно поэтому я не справилась бы в одиночку с двумя сразу.

— Как тебя зовут? — поинтересовалась я у мальчишки.

— Рей.

— Очень приятно, Рей. А меня — Юля, но можешь звать Лией. И, пожалуйста, без «госпожи», ладно? Я даже не против, если будешь обращаться ко мне на «ты».

— Ладно, — улыбка мальчика стала шире, — Лия...

— Вот и отлично. — Я тоже заулыбалась и продолжила знакомство: — А ты где живешь? Тоже на Архимагической улице?

Рей отрицательно мотнул головой.

— В соседнем квартале. У реки Готты, за мостом.

Оказывается, здесь и река есть. Пожалуй, стоит в следующий выходной погулять по городу, а то дальше «Зелий» и салона Паулы пока никуда не довелось сходить.

— А здесь что делаешь?

— Гуляю... Тут интересней. И красивее.

Видимо, район, в котором живет мальчик, не очень благополучный. Да и одет Рей совсем скромно, хоть и чисто. Вон даже заплатки на коленках и локтях стоят.

— Семья большая? Мама кем работает? — задала я следующий вопрос.

— Нет у меня мамы. — Он шмыгнул носом. — Я с бабушкой живу. А она у меня вяжет... Носки, шарфы, свитеры... Потом мы с ней их на ярмарке продаем.

Вот так дела. Бедный мальчишка. Похоже, они с бабушкой еле концы с концами сводят.

— А ты сегодня свободный? Как смотришь на то, чтобы помочь мне в лавке? — предложила я нарочито бодро. — Вечером получишь вознаграждение.

— Я свободный! — тут же радостно откликнулся Рей. — До самой ночи!

— Вот и прекрасно. — Я весело подмигнула ему. — Мне как раз не помешают лишние руки.

Уже в лавке я поручила Рею протереть полки, сама же занялась оформлением витрин. Потихоньку стали подтягиваться покупатели, а где-то через час после открытия заглянула Паула.

— Ну как? Смотрела рецепт? — первым делом поинтересовалась она шепотом.

— Рецепт есть, но нужно еще прикупить кое-какие ингредиенты, — ответила я, поглядывая на парочку приятельниц, которые случайно столкнулись у меня в лавке и уже минут двадцать упоенно болтали, забыв о покупках.

— Что я тебе расскажу... — донеслись до меня слова одной из них, полной брюнетки, утопающей в розовых кружевах своего объемного платья. — Брат моего мужа Боб вернулся из Проустана, говорит, у западного моря птицы будто взбесились. Бросаются на людей, залетают в дома, портят огороды и поля. Приезжал отряд чистильщиков, насилу справились. Еще Боб сказал, что император туда даже направил Темных из своей службы безопасности разбираться.

Вторая, рыжеволосая и длинноногая, испуганно прикрывала рот и качала головой.

— А еще там земля дрожит по ночам и раскаляется докрасна, — продолжала стращать первая. — Говорят, даже Темные не понимают, в чем дело.

— Хватит распускать сплетни! — Голос, полный холодной стали, прозвучал тихо, но заставил всех вмиг замолчать и присесть в поклоне. И лишь лицо Паулы на мгновение озарилось улыбкой, но она тут же поборолась себя и как можно ниже склонила голову.

— Милорд, — я же просто вымучила из себя эти слова, — рада вновь видеть вас в нашей лавке.

Паттисон — а это был конечно же он — бросил еще один недовольный взгляд на болтливых дамочек и предостерег:

— Ваш длинный язык может сослужить вам дурную службу. Еще одна подобная выдумка — и окажетесь в Гремучем Котловане и вы, и ваши семейки. А Боб в первую очередь.

— Не гневайтесь, милорд, простите нас, — хором взмолились обе в полнейшем ужасе, брюнетка покрылась алыми пятнами, а рыжая, наоборот, побелела, отчего веснушки на ее носу и щеках стали еще ярче.

Паттисон отмахнулся от них и повернулся ко мне.

— Госпожа Лия...

— Да, милорд.

— Мне нужна еще одна порция того зелья, которое в прошлый раз продал мне мастер. Бабка опять... — Но его прервал грохот, донесшийся из подсобки.

— Паула, будь добра, — показала я девушке на бутылочку с нужным лекарством, — возьми вот это зелье и рассчитайся с милордом. А я проверю, что там стряслось. Прошу прощения, милорд.

Паула от моей просьбы просто расцвела и сразу бросилась ее выполнять, а вот Паттисона такой поворот застал врасплох, но я успела скрыться раньше, чем он опомнился и попытался меня задержать.

В подсобке я увидела смущенного Рея, собирающего с пола бутылочки с зельями.

— Не волнуйся, ничего не разбилось и не разлилось, — торопливо произнес он. — И прости, я случайно задел коробку.

— А что ты тут делаешь? — поинтересовалась и стала помогать ему. — Мне казалось, ты был в зале.

— Я случайно сюда зашел, — прошептал Рей, густо краснея. А потом спросил: — Он уже ушел?

— Кто? Паттисон? — догадалась я. — Ты хотел спрятаться от него?

— Не люблю Темных, — буркнул он, пряча глаза.

Все понятно, испугался Темного, но гордость не дает в этом признаться.

— А кто их любит? — Я шутливым тоном попыталась разрядить обстановку. — Я тоже их вот совсем не жалую. А этого лорда особенно.

— Так он ушел?

— Не знаю. Пойду гляну. А ты можешь оставаться здесь, только будь поаккуратней.

У прилавка я застала только одну Паулу, витающую в облаках. Даже подружки-сплетницы сбежали. А вот это, к слову, досадно! Они ведь так и не купили у меня никакого зелья.

— Он мне опять улыбнулся, представляешь? — с придыханием похвасталась модистка. — И сказал: «Спасибо, Паула».

— Значит, я не зря попросила тебя помочь, — усмехнулась я. И позвала мальчика: — Рей, выходи! Все ушли.

— А это кто? — Паула только сейчас заметила присутствие мальчишки.

— Это мой новый помощник Рей, — представила его я, обнимая за плечи.

Паула рассеянно улыбнулась и тут же потеряла к нему интерес, вернувшись к своей идее фикс:

— Так что ты там говорила про мое зелье? Когда пойдём за нужными ингредиентами?

ГЛАВА 12

Вечером я не спешила расставаться с новым другом и пригласила его на ужин. Решила, что и ребенка покормлю, и самой нескучно будет есть. А заодно проверю, пустит ли его дом опять. Вдруг утром это была случайность? Но нет, Рей и теперь прошел в калитку без всяких проблем, как и переступил порог прихожей. Меня, конечно, ужасно разбирало любопытство, почему это произошло, но спрашивать у самого мальчика не стала: вдруг он не в курсе избирательности этого дома и не подозревает о своей уникальности?

Рей с аппетитом съел всю рисовую кашу, которую я ему сварила, закусил ее бутербродом с ветчиной и выпил кружку чая с конфетами. А перед уходом я вручила ему пакет с булочками для бабушки и дала обещанную плату за работу: один кристоль. Монетке Рей был особенно рад и пообещал, что завтра тоже придет мне помогать в лавке. На том и расстались.

Я же после его ухода направилась в лабораторию: нужно было составить список ингредиентов, которых не хватало для судьбоносного зелья Паулы. Она пообещала завтра сама сбежать в те самые «Цветы ведуньи Флоры», которые мне попались на глаза еще в вечер моего приезда в Талосс. Оказывается, все травы и корни мастер Коун закупал именно у нее. Там же можно было приобрести некий «коготь ворожеи» и «крылья лунного мотылька», необходимые для любовного зелья. Заодно передам через Паулу большой заказ других ингредиентов на будущее. Надеюсь, у этой Флоры есть услуга доставки для оптовых клиентов. Но в любом случае Паула пообещала договориться, мне же от этого только польза.

А утром явился почтальон с говорильником от мастера Коуна. Дом его конечно же не впустил, поэтому он минут пять стучал в калитку, пока я не услышала и не вышла ему навстречу.

— Если желаете, пока я здесь, можете отправить ответ, — хоть и не очень любезно, но все же предложил он.

Идея неплохая, только знать бы еще, как это сделать. Но мне на помощь пришел Рей, который тоже как раз подбежал к калитке. Я попросила почтальона немного подождать, а сама с Реем удалилась в дом.

— Чтобы прослушать сообщение, нужно подкинуть говорильник вверх, — стал учить меня мальчик.

А ведь точно, Паула, кажется, делала именно так, когда я первый раз пришла к ней с посланием от мастера.

«Лия, я уже в Голдвайне, — из образовавшегося у мячика рта зазвучал голос Бенджамина Коуна. — Мой адрес: Графитная улица, дом семнадцать, комната триста двенадцать. Запомни его и никому не говори. Надеюсь, у тебя все в порядке и с лавкой ты справляешься. Мне говорильник присылай только в крайнем случае, не хочу, чтобы мне тут докучали».

Ну что ж, «крайнего случая» пока не произошло, значит, ответ посылать не буду. Но адрес, безусловно, запомню.

Я все же попросила Рея показать, как записывать сообщения, чтобы не попасть впросак в следующий раз, когда мне это действительно понадобится, после чего отнесла говорильник обратно почтальону.

Паула, подгоняемая своей великой целью, сделала все в кратчайшие сроки: и ингредиенты купила, и заказ сделала, договорившись с ведуньей Флорой о поставке на будущей неделе. И уже в обед была в моей лавке.

— Когда начнешь делать? — отдавая мне покупки, Паула аж пританцовывала от нетерпения.

— Завтра выходной, вот и займусь, — пообещала я. — Там слишком трудоемкий процесс приготовления, может занять не один час.

Неделя в Дарквайте, как и в нашем мире, состояла из семи дней. Впрочем, и календарь здесь отличался от нашего лишь названиями месяцев, да и те чем-то отдаленно напоминали славянские, только в форме прилагательных: снежный, ледяной, цветущий, дождливый. Вот июль, например, был просто «жаркий». Так и говорили: «Второго жаркого». А дни недели и вовсе были с «нашими» названиями, за исключением субботы и воскресенья. Они у них значились как «солнцедень» и «лунодень», и последний считался выходным.

Вот как раз приближающийся лунодень я и решила посвятить приготовлению любовного зелья для Паулы. А накануне вечером устроила уборку, чтобы ничто не отвлекало меня в ответственный час. Однако так ушла с головой в работу по дому, что опять чуть не пропустила приход лорда Реллингтона за своим лекарством. Он как всегда был мрачен и немногословен, я же, как ни пыталась получше разглядеть его лицо, особенно глаза, не смогла этого сделать: Темный надвинул шляпу почти до переносицы, и мне снова только и осталось, что «любоваться» его подбородком с короткой светлой щетиной и едва заметными усиками над губой. Ну и кончиком его идеального во всех отношениях носа. Так же в этот раз мы оба, памятуя о прошлом разряде тока, старательно пытались не коснуться друг друга. И ничего, пронесло...

Теперь вновь можно было расслабиться и не думать о встрече с ним в ближайшие два вечера.

Уборку я закончила около полуночи, зато дом теперь был вычищен от и до.

— И только попробуй завтра загрязниться, — в шутку пригрозила я ему и смахнула последнюю пылинку с зеркала. — Нужно уважать труд других. Я забочусь о тебе, а ты позаботься обо мне, договорились?

Дом, конечно, не ответил, но следующим утром все так же блистал чистотой. Вот и умница.

Ну а мне нужно было собраться с духом и начать готовить любовное зелье. Как говорится, глаза боятся, а руки делают. Так что, Юля, вперед, нас ждут двести кристолей и надежда навсегда избавиться от Паттисона.

Я очень волновалась, когда готовила зелье для Паулы, даже руки слегка дрожали. Боялась что-то упустить, забыть, напутать. Каждую секунду заглядывала в рецепт. Под конец даже звездочки перед глазами плясали от перенапряжения. Но я все же сделала его. До полной готовности еще, конечно, нужно подождать до пятницы, но на вид оно вроде как надо. Изумрудное, с легким хвойным запахом. Теперь поставлю его в темное место, например, в шкаф под замок. Тут точно будет надежно и безопасно. Когда закрывала дверцу, случайно задела взглядом зелья для Реллингтона. Осталось только два пузырька. Надо бы и его запасами как-то заняться. Но не сегодня, уже не сегодня.

Остаток выходного дня я провела в свое удовольствие. Немного погуляла по саду, с радостью отмечая, что цветов и зелени в нем стало больше, навестила потом источник, который все больше набирал силы, подышала ароматом отцветающей яблони. Когда совсем стемнело, вернулась в дом и сделала себе мохито! Я уже давно мечтала об этом, еще с девичника у Паулы, даже ром с лимоном успела купить (лайма, к сожалению, не нашла), но они все ждали своего часа. Думаю, сегодня я заслужила побаловать себя чем-то вкусненьким. Напиться я, конечно, не напилась, но спать ложилась в хорошем настроении. А ночью мне даже приснилось, что я взамен лекарства угощаю Реллингтона мохито, а он его с удовольствием пьет. Сон дурацкий, признаю, но, вспоминая его, мне почему-то было весело. И когда во вторник Реллингтон зашел за новой порцией лекарства, меня так и подмывало в шутку предложить ему освежающего коктейльчика. Может, выпил бы — и улыбнулся хотя бы. Или же Темные и улыбка — вещи несовместимые? Впрочем, Паула же утверждала, что Паттисон ей улыбался. Но что влюбленным ни покажется?

Ох эта Паула! С каждым днем она становилась все нетерпеливей и бесконечно спрашивала, как там поживает ее зелье.

— Может, готово? — раз за разом интересовалась она.

— Всему свое время, — отвечала ей я. — Как только будет готово, сразу тебе принесу.

— А ты хоть придумала, как угощать им будешь своего лорда? — спросила уже я ее в среду.

— Да, я подолью ему зелье в чай, — шепотом ответила Паула. — Когда он в следующий раз придет ко мне со своей сводной сестрой. Как раз у нее примерка в солнцедень. Думаю, он тоже явится. И от чая точно не откажется. Он его любит.

— Не забудь только посмотреть ему прямо в глаза, когда будешь подносить свой чай, — напомнила я. — Зрительный контакт не меньше десяти секунд. Без этого условия может ничего не получиться. Оно в рецепте стоит с тремя восклицательными знаками.

— Не забуду, — заверила Паула, прижимая руку к сердцу. — Что-нибудь обязательно придумаю.

И в этом я не сомневалась: целеустремленности и упорству молодой модистки можно было только позавидовать.

Четверг у меня тоже вышел насыщенным, но продуктивным. Пекарь Вальди наконец отправился за упаковками и взял меня с собой. Ради такого дела пришлось даже закрыть на несколько часов лавку. Машина у Вальди оказалась маленькая и бесконечно чихающая дымом. Прямо как «запорожец» одного моего соседа-пенсионера: когда он выезжал из двора, так грохотал и дымил, что можно было смело объявлять ЧП и надевать противогаз. Тем не менее доехали мы до нужного места благополучно. Хозяин «упаковочной» мини-фабрики господин Пирс был очень любезен и охотно согласился со мной сотрудничать. Принял пробный заказ, еще и скидку сделал. А в пятницу утром сам лично привез его. И... Отведя меня в сторонку, попросил приготовить для него зелье от облысения. Услуга за услугу, так сказать. Я восприняла подобное спокойно: это бизнес, детка! Впрочем, от шевелюры у господина Пирса и вправду остались одни воспоминания. И их совсем не мешало бы освежить и добавить объема. Что ж, придется вновь обратиться за помощью к книге мастера.

Зато я обзавелась симпатичными бумажными упаковками для зелий, еще и с логотипом, как на вывеске лавки. Покупатели нововведение оценили в тот же день, и все без исключения покидали магазинчик с улыбками и... нашими фирменными пакетиками. Им — приятный бонус в обслуживании, а мне — дополнительная реклама.

В пятницу я уже сама спешила домой, чтобы посмотреть, как там зелье Паулы. Достала его, проверила на консистенцию, цвет — вроде все, как в инструкции. Аллилуйя! Хочется верить, что я сделала все правильно и совсем скоро мы увидим результат моих трудов. Так что, Паттисон, держись!

Я упаковала зелье в новый пакетик, чтобы не афишировать содержимое. Потом вспомнила, что совсем скоро должен заявиться Реллингтон, и тоже достала его лекарство из шкафа. Черт, последнее. Как же быстро пролетело время! А я так и не приготовила новую порцию. Надо сегодня срочно этим заняться, иначе жди неприятностей.

Зелье для Реллингтона я тоже упаковала. А что? Пусть знает наших! Да и он сам VIP-клиент как-никак. Оставив лекарство Темного на столе, я спустилась в кухню. Пока его жду, успею перекусить.

Но не тут-то было! Я только откусила от своего большого бутерброда, как в свете фонаря у калитки появился он. Я это отчетливо узрела в окно. Какого черта его принесло раньше обычного? Ругнувшись, я вернула бутерброд на тарелку и, дожидывая на ходу, помчалась снова вверх. И почему я сразу не прихватила это проклятое зелье с собой в кухню? Но хорошая мысль всегда приходит опосля. Я схватила пакетик со стола и, перепрыгивая через ступеньки, понеслась вниз. Уже у калитки перевела немного дыхание и сбавила шаг.

— Темного вечера, милорд, — с поклоном поздоровалась я и сразу протянула ему пакет с зельем.

А он вдруг тоже склонился ко мне, почти к самому лицу, я же от неожиданности замерла

и перестала дышать.

— Какого цвета у меня глаза? — тихо спросил Реллингтон.

И тут я встретилась с ним взглядом.

— К... ка... рие, — шепотом ответила я.

— А точнее? — Его дыхание почти касалось моего лица. — Они как черный кофе? Или... коньяк?

— Скорее... Коньяк... — признала я.

Реллингтон будто завис на миг, продолжая удерживать мой взгляд. Его брови озабоченно сошлись на переносице, а лоб разрезала морщина.

— Но это не точно, — поспешила добавить я. — Возможно, при другом освещении...

Реллингтон не отзывался, а наши гляделки затягивались, и я занервничала.

— Ваше лекарство, милорд, — напомнила я. И только сейчас заметила, что пакет мы держим оба: я сверху за ручки, а Реллингтон снизу, у основания.

— Да. — Теперь он словно вынырнул из своих мыслей. Сглотнул, отвел глаза и забрал пакет, заменив его на мешочек денег. Потом надвинул шляпу на лоб и стал исчезать.

Когда его и след простыл, я с шумом выдохнула. Ну и напугал, окаянный! Цвет глаз, видишь ли, скажи ему какой. Ну уж точно намного светлее, чем черные очи Паттисона. Но именно это, кажется, Реллингтона и беспокоило, притом очень сильно.

И все же... Почему глаза лорда светлеют? И что вообще у него за болячка такая таинственная? Эх, жаль, что некому удовлетворить мое любопытство. Загадки, загадки...

А мне, кстати, нравятся глаза цвета коньяка.

Столь неожиданное «общение» с Реллингтоном подтолкнуло меня к тому, что весь оставшийся вечер, забыв об усталости, я готовила ему новую порцию лекарства. От греха подальше.

А утром я уже несла любовное зелье для Паулы. Сама она ждала меня у лавки, меря шагами брусчатку вдоль витрины.

— Это оно? — Ее глаза вспыхнули, а руки потянулись к пакету.

— Не на улице же, — с упреком удержала ее я.

А отворив лавку, не спешила менять табличку на «открыто».

— Никто не должен видеть это, — напомнила я и отдала ей зелье. — Держи уже...

— О, не верю прямо... Я хочу на него посмотреть. — Паула дрожащими руками достала сосуд с зельем и со счастливой улыбкой поднесла его к глазам.

А у меня при виде этого зелья сердце пропустило удар. Потом по позвоночнику пополз липкий холодок страха. Флакон был другой формы. И оттенок зеленого тоже иной. А еще характерные пузырьки, как в газировке...

— Дай сюда. — Я вырвала у нее зелье и тут же откупорила пробку.

Принюхалась. И тут же зажмурилась, теряя остатки последней надежды. Аромат даже отдаленно не походил на хвою. Зато прямо разил желчью саламандры, которую я вчера щедро добавляла в лекарство Реллингтона.

Вывод ужасен: я перепутала зелья.

ГЛАВА 13

— Нет. Нет. Нет. Этого не может быть. — Я в панике заметалась по лавке. — Что делать? Что делать?

— Лия, что случилось? — Паула тоже выглядела испуганной.

— Нет, но он же должен был заметить. Вкус... Запах... Они отличаются. — Я была настолько погружена в свои мысли, что едва слышала ее. — А если бы заметил, то уже пришел бы ко мне, чтобы сделать из меня лепешку. Верно?

— О ком ты, Лия? — Паула преградила мне дорогу.

— Да о Реллингтоне! — в отчаянии выкрикнула я. — О ком еще?

— Но при чем тут мое зелье? — вкрадчиво уточнила модистка, пытаясь отнять у меня флакон.

— При том, что твое зелье у него! А это, — я тряхнула бутылочкой, — его лекарство!

— Нет, только не говори... — Паула отшатнулась и посмотрела на меня так, будто я совершила самое большое предательство в своей жизни.

— Именно, — трагичным шепотом покаялась я. — Я перепутала их.

— И что мне теперь делать? — Паула переняла мой тон. Ее губы обиженно задрожали, а глаза увлажнились.

— Что теперь делать мне?! — отозвалась я в сердцах.

— Но как ты могла? Как? — Паула тоже схватилась за голову.

— Не знаю, сама не знаю... — Я обессиленно облокотилась о прилавок и закрыла лицо. — Наваждение какое-то.

А Паула все талдычила свое:

— И что? У тебя ни капельки не осталось моего зелья?

— Нет! — не выдержав, рявкнула я. Но потом чуть сбавила обороты. — Ты что, не понимаешь? Я продала Темному не его зелье. Думаешь, он меня за это расцелует? Или все же по стенке размажет? В прямом и переносном смысле. И хорошо еще, что я вовремя заметила и твой Паттисон не выпил лекарство Реллингтона. Вдруг это как-то проявилось бы на нем?

— Ну да, и правда... — пролепетала модистка.

— А вдруг Реллингтон тоже еще не выпил зелье? — вновь зародилась во мне робкая надежда. — Раз не приходит разбираться со мной, значит, есть шанс. Тогда мне надо предупредить его. И отдать ему правильное зелье, а то, другое, забрать.

— Ты хочешь пойти к Реллингтону? — В глазах Паулы вновь отразился страх.

— А что мне еще делать? — Я хлопнула себя по бокам. — Пойду к нему с повинной. Вдруг все обойдется малой кровью? Ты знаешь, где он живет?

— Где все Темные живут. На другом берегу Готты. Его особняк стоит немного в стороне на холме, с другими трудно спутать, — ответила Паула. — Но ты уверена, что тебе это надо?

— Уверена, — коротко кивнула я и вернула зелье в пакет. — Лучше так, чем дрожать в страхе, когда все вскрыется. За свои ошибки нужно отвечать. Я дойду пешком до особняка Реллингтона?

— Вряд ли. До моста лучше доехать на трамвае, а там уже пешком. Или же заказать машину.

Нет, машину ждать не буду. Подъеду на трамвае, а там на своих двоих. Хоть с мыслями в дороге соберусь.

— Хочешь, я пойду с тобой? — предложила Паула, но, судя по интонации, — скорее для приличия.

— Нет, не надо, спасибо, сама справлюсь, — ответила я, а она будто выдохнула с облегчением.

На выходе из лавки я столкнулась с Реем.

— Извини, я опоздал, — виновато сообщил он.

— Ничего, милый, мне самой сейчас надо ненадолго уйти, — сказала я, закрывая лавку на ключ. — Ты погуляй пока поблизости. А если увидишь наших покупателей, предупреди, что я совсем скоро вернусь.

— Хорошо. — Рей, как всегда, со всей серьезностью отнесся к моему заданию, даже лоб наморщил.

— Удачи! — пожелала мне вслед Паула.

— Спасибо! — бросила ей через плечо и, завидев трамвай, ускорила шаг.

Весь путь до моста я мысленно строила диалоги с Реллингтоном. Подбирала слова, интонации, даже взгляды. Но с каждым разом все больше впадала в отчаяние, ведь я и предположить не могла, как он среагирует и какая кара последует за моим признанием.

— Конечная остановка, — объявил водитель, тормозя у моста.

Я впервые оказалась на набережной Таллоса, однако сейчас мне было не до ее красот и достопримечательностей. Вот если решу свои проблемы и останусь жива, тогда непременно прогуляюсь здесь.

Река Готта была не очень широкой, поэтому по мосту идти пришлось недолго, а вот на другой стороне я несколько растерялась. От вида роскошных особняков, раскинувшихся передо мной, захватило дух, а от их количества разбежались глаза. Я и подумать не могла, что в Таллосе живет так много Темных. Впрочем, и встречаться мне доводилось только с Реллингтоном и Паттисоном. Еще Паула как-то упоминала сводную сестру последнего. На этом мой круг знакомых Темных заканчивался.

Дом Реллингтона действительно стоял будто обособленно от остальных и сразу бросался в глаза мрачностью и солидностью, в точности отражая характер своего хозяина. Чем ближе я подходила к нему, тем сильнее билось мое сердце. У чугунных ворот, украшенных каким-то гербом, я еще несколько минут собиралась с духом, чтобы позвонить в колокольчик. Потом все же дернула — и затаила дыхание.

«А вдруг его нет дома?» — мелькнула мысль. И я ей даже трусливо обрадовалась. Но в следующий миг на крыльце показался некий мужчина и поспешил ко мне. Лысый, худой, с непропорционально длинными конечностями — это точно был не Реллингтон.

— Что угодно, госпожа? — поинтересовался он чопорно.

— Это особняк лорда Реллингтона, верно? — на всякий случай уточнила я и, получив в ответ кивок, продолжила: — Он дома?

Вновь кивок.

— Я... Я компаньонка мастера Бенджамина Коуна, его помощница и партнер. — Сама не знаю, зачем выдала все свои «регалии». Наверное, от волнения. — Пришла по поводу лекарства милорда. — И снова зачем-то показала злосчастный пакет с зельем. — Мне нужно сказать милорду насчет него кое-что важное.

Лысый с полминуты молчал, ощупывая меня колючими маленькими глазками, но после все же смилостивился:

— Проходите. — И распахнул передо мной ворота.

Я шла по дорожке к дому и не замечала ничего вокруг. Только спину и лысину идущего впереди слуги Реллингтона. Почему-то я решила, что именно такую должность занимает этот неприятный тип. А когда он открыл передо мной дверь особняка, думала, у меня подогнуты колени. Если небольшое помещение у входа в доме мастера я без всяких сомнений называла привычным словом «прихожая», то у Реллингтона, без преувеличения, это был настоящий холл с высоченными потолками, огромной хрустальной люстрой и широкой лестницей, покрытой синей ковровой дорожкой. Пока я с открытым ртом глазела на все это великолепие, лысый куда-то ушел, но быстро вернулся. Вернее, как и его хозяин ранее, соткался из черного дыма. Неужели тоже Темный?

— Милорд ждет вас в библиотеке, — огласил он. — Следуйте за мной.

Библиотека оказалась на втором этаже. Стеллажи, стеллажи, стеллажи — все, что успел в моем взвинченном состоянии ухватить взгляд. Сам Реллингтон сидел, развалившись, в черном кожаном кресле с книгой в руках и при моем появлении даже не двинулся с места. Только вперился в меня напряженным вопрошающим взглядом.

— Скорого дня, милорд. — Я неуклюже поклонилась.

— Джо сказал, у вас какое-то дело по поводу моего лекарства, — сухо отозвался тот.

Значит, лысого зовут Джо.

— Да... — Я кашлянула, прочищая горло. — Только для начала скажите, милорд, вы уже выпили зелье, что взяли у меня вчера?

— Выпил. — Как удар колокола.

Мир слегка качнулся перед глазами, но я заставила себя вновь собраться.

— Все? — еще зачем-то спросила я.

— Там одна порция.

— И вы разве ничего не почувствовали необычного, когда пили? Вкус, запах...

— Да, — Реллингтон нахмурил лоб, — был какой-то странный привкус. Но я... — Тут он занервничал и на мгновение отвел глаза. — Я неважно себя чувствовал и спешил его выпить. А в чем дело? — Теперь лорд снова смотрел на меня и, судя по прищуре, начал о чем-то догадываться. — С зельем что-то не то?

— Нет... Вернее, да, — на выдохе призналась я. — Это было не ваше зелье, а другого клиента. Я в спешке их перепутала. Вот ваше лекарство. — Я пристроила пакет с зельем на маленький столик, похожий на кофейный. — Простите меня, милорд. — Мой голос дрогнул. — Я не знаю, как искупить свою вину. Готова вернуть вам плату за эту порцию, если это как-то сможет искупить мою ошибку.

— И что за зелье выпил вчера я? — Реллингтон подался вперед и угрожающе сузил глаза. — И не смейте лукавить. Вам же будет хуже. Надеюсь, это было что-то простенькое. От фурункулов или же от подагры.

Я молчала, не в силах даже разлепить губ. Признание застряло в горле, а в животе все скрутило от страха.

— Ну же? — Реллингтон повысил голос, а вокруг него стало собираться нечто черное, напоминающее тот дым, в котором он обычно исчезал. Только сейчас лорд явно никуда не собирался, а чернота, что сгущалась над ним, говорила лишь о закипающей в нем ярости.

— Я жду, — повторил он таким тоном, что теперь признание вырвалось само.

— Это было любовное зелье! — выпалила я. И приготовилась к худшему.

— Что? — Реллингтон стал медленно подниматься. Его глаза потемнели и стали почти черными. Прямо как он мечтал. Только сейчас его заботило другое: я и зелье. — Вы.

Меня. Приворожили. Я правильно понял?

— Нет! — ужаснулась я и невольно сделала шаг назад. — Я не привораживала вас! Это зелье предназначалось другому, я же объяснила. И вообще для приворота недостаточно его выпить, надо еще соблюсти ряд условий, например, посмотреть...

И тут в памяти всплыл момент, где мы с Реллингтоном безотрывно смотрим друг другу в глаза. И никак не десять секунд, а дольше, много дольше. Как раз когда я отдавала ему зелье.

— Нет... Нет... Но это же несерьезно, — зашептала я, борясь с подступающей истерикой.

— Несерьезно?! — оглушил меня рык разъяренного Реллингтона. — Тогда какого демона вы снялись мне всю ночь? Отчего сегодня все утро вы нагло вторгаетесь в мои мысли? Почему я не могу вас сейчас растерзать, хотя именно этого вы и заслуживаете за свой проступок?

Теперь я и вовсе не нашлась, что ответить. Растерялась вконец и просто перестала соображать. Оперлась о столик, чтобы хоть как-то удержаться на ногах, и прикрыла глаза.

— Наконец все встало на свои места! — бушевал между тем Реллингтон, а тьма над ним полыхала все сильнее и сильнее. — Я уже начал думать, что схожу с ума! И что лекарство мне снова перестало помогать! А это все ваше зелье!

— Тише! — крикнула я. И тотчас сама испугалась своей смелости.

Но Реллингтон внезапно послушался, замолчал и обернулся, похоже тоже пребывая в шоке от моей наглости.

— Тише, — повторила я уже без прежней отваги почти шепотом. — Мы что-нибудь придумаем. Все исправим. На любой яд найдется противоядие, а на приворотное зелье — отворотное.

— Надеюсь, его рецепт у вас есть, — сквозь зубы процедил Реллингтон.

— Боюсь, что нет, — ответила я. — Но я немедленно пойду на почту и pošлю говорильник мастеру Коуну. Попрошу его рассказать, как отменить действие этого зелья.

— Я дам вам свой говорильник, — произнес на это Реллингтон не терпящим возражений тоном. — Джо отнесет его Коуну. А вы до его возвращения останетесь здесь, в моем доме. Я хочу лично услышать ответ Коуна.

— Но мастер сейчас в столице, — напомнила я, ужаснувшись такой перспективе.

— И что?

— Это может занять несколько дней.

— У Джо это займет меньше, поверьте. — У Темного в руках возник говорильник, и он протянул его мне. — Поторопитесь. Это в ваших же интересах.

ГЛАВА 14

Напряжение, повисшее в библиотеке, было почти осязаемым. Его можно было собирать в баночку, а потом дарить ярым оптимистам вместо лимона. Во всяком случае, думаю, в Дарквайте это вполне осуществимо и, возможно, даже пользовалось бы спросом.

Джо ушел (читай испарился) с говорильником около получаса назад, а мы с Реллингтоном по-прежнему пребывали в его библиотеке. Радушным хозяином лорда точно нельзя было назвать: он не предложил перейти в гостиную, не угостил кофе, я даже стул сама нашла, чтобы присесть на время ожидания. Нет, все вполне понятно, я заварила кашу, да еще какую, поэтому требовать к себе благосклонности пострадавшего было бы наивно и глупо, но все же есть какие-то правила приличия. Хотя бы не вынуждать девушку стоять, пока сам сидишь в мягком креслице. Впрочем, что взять с Темных?

— Как вы себя чувствуете, милорд? — Я все же решила завести разговор первой на свой страх и риск. — Вчера вы не приняли свое лекарство и не спешите это сделать сейчас.

Реллингтон на миг ушел в себя, будто прислушивался к своим ощущениям, потом молча поднялся и забрал со столика пузырек с зельем.

— Надеюсь, это не очередная обманка. — Он бросил на меня уничижительный взгляд и выдернул пробку. Принюхался с подозрением.

— Да ваше это зелье. Его еще мастер готовил, — отозвалась я с легкой обидой. Зачем уж меня добивать? И без того тошно.

Реллингтон тогда в несколько глотков опустошил пузырек и отставил его в сторону. Затем подошел к окну и повернулся ко мне спиной.

— Кому предназначалось то зелье? — вдруг спросил он.

— Не знаю, — быстро соврала я. — Да если бы и знала, то не сказала бы. Мастер учил не разглашать тайны клиентов. Как, например, вашу.

Спина Реллингтона напряглась, а плечи развернулись, но мой выпад он проглотил.

— Милорд. — В библиотеку, низко склонив голову, вошла молодая смуглая брюнетка в форме горничной. — Прошу извинить за беспокойство. Но Тод интересуется, к какому часу накрывать обед? И на сколько персон. — Она стрельнула глазами в мою сторону.

— Я пока не знаю. Скажу позже. — Реллингтон даже не обернулся. — А персона, как всегда, одна. Я.

— Как скажете, милорд. — Горничная присела в реверансе, хотя тот и не мог этого видеть. — Все будет сделано, как велите.

Уходя, она еще раз окинула меня любопытным оценивающим взглядом и не отвела его, даже когда я нарочно посмотрела на нее в ответ. Странная какая-то... И наглая.

Но стоило горничной скрыться с моих глаз, как я тотчас забыла о ней, а мыслями вернулась к насущной проблеме. Ситуация, конечно, катастрофическая. Неужели я на самом деле приворожила Реллингтона? По правде говоря, все еще не могу в это поверить. В своей жизни я никогда не сталкивалась с подобным и даже не слышала, чтобы такое случилось с кем-то из моих близких или знакомых. Всякие слухи, сплетни и желтая пресса не в счет. А тут сама, не желая того... Нет, ну разве это может быть правдой? Вот этот жуткий Темный испытывает ко мне какие-то чувства, пусть и искусственные? Как он там говорил? Я ему снилась? Интересно — как? А что, если сон был эротического содержания? О-хо-хо... Смешно и неудобно. А еще немного приятно, что греха таить. Если отбросить морализм и стыдливость, уверена, любой женщине польстило бы, что некий привлекательный мужчина видит ее в таких снах. А Реллингтон, будем объективны, очень даже привлекательный. И если бы он был не Темным и встретился мне где-нибудь в моем мире...

Стоп. Что-то мои мысли свернули куда-то не туда. Будто меня тоже напоили тем

злосчастливым зельем. Я ущипнула себя за запястье, чтобы прийти в себя. Чуть какая-то лезет в голову и совсем не к месту. Тут молиться надо, чтобы я вышла из этой переделки живой и невредимой, а не размышлять об эффекте любовного зелья. Еще и лавка закрыта. И, по всей видимости, сегодня уже не откроется. Хоть бы Рей догадался уйти домой, а не ждал меня дотемна. Он же упрямый такой. И Паула... Неудобно, конечно, вышло, но вдруг так для нее будет лучше? Да и опасная это была затея — играть с чувствами и разумом Паттисона. Вон стоит только взглянуть на Реллингтона — и уже озноб пробирает. Так что, возможно, судьба таким образом защитила Паулу от незавидного будущего. А меня наказала. Знать бы только за что.

На черные дымовые завихрения в центре комнаты первым среагировал Реллингтон. Обернулся резко и застыл в ожидании. Я тоже подскочила с места, нетерпеливо наблюдая, как из дыма появляются очертания слуги лорда. А он и вправду быстро возвратился, каких-то несколько часов... Только принес ли он сообщение от мастера?

— Ответ от Бенджамина Коуна, — объявил Джо тотчас и продемонстрировал говорильник.

— Давай сюда. — Реллингтон выхватил мяч и, не медля ни секунды, подбросил его вверх.

Тот сразу заговорил взволнованным голосом мастера: «Милорд, мне невероятно жаль, что вы стали жертвой глупости моей помощницы и попали в столь щекотливую ситуацию. Примите мои самые горячие извинения. Однако я вынужден просить у вас еще большее прощение, поскольку не знаю, как отменить действие этого зелья. Его рецепт я получил у ведуньи Генриетты Фригг, она живет в Восточном районе на Черноземной улице, двадцать девять. Генриетта точно поможет вам в этой деликатной проблеме».

Очередную волну извинений мастера Реллингтон уже не слушал. Заставил говорильник замолкнуть и пронзил меня своим гневным взглядом.

— Мы отправляемся к этой Фригг немедленно. Джо, приготовь машину.

«А я думала, что Темные только сквозь пространство перемещаются», — так и подмывало съязвить, когда я садилась в черный кабриолет. Но благоразумно промолчала. Возможно, автомобиль как средство передвижения был выбран Реллингтоном специально для меня: я-то не могу становиться дымком и пугать порядочных людей своим внезапным появлением. Лорд занял место спереди, его слуга — за рулем, ну а меня в одиночестве усадили сзади.

Ехали быстро, с ветерком. Мои волосы под конец совсем растрепались, и я, нарушив рамки приличия, просто распустила их. Реллингтону, похоже, это не понравилось, ибо он то и дело зыркал на меня в зеркало заднего вида.

Из машины я выходила практически с гнездом на голове: волосы сбились и спутались, придавая мне вид городской сумасшедшей. Я кое-как расчесала и пригладила их пальцами, но до «мисс совершенство» все равно было далеко. Ну и черт с ними! Может, Реллингтон, глянув на меня такую, отворожится сам собой?

Смирившись со своим внешним видом, я обратила взгляд на дом, у которого мы остановились. Да он по запущенности может легко посоревноваться с домом Коуна, каким тот был в самом начале! Только что-то мне подсказывало, что причина этой запущенности вовсе не магическая, а вполне себе прозаическая: налаживание быта — не самая сильная сторона Генриетты Фригг.

Внутри же все оказалось еще хуже: мрачно, сыро, пыльно. Стены комнаты, где нашлась хозяйка, были сплошь увешаны метелками трав, связками корешков и засушенных плодов, шкафы заполнены старыми потрепанными книгами, окна в копоти. Сама хозяйка сидела в кресле-качалке с дымящейся трубкой в зубах. Вид у Генриетты Фригг был неожиданный: худощавая, но явно рослая, седые вьющиеся волосы свободно спадают на плечи, синяя клетчатая рубашка мужского покроя заправлена за пояс плотной черной юбки, из-под подола которой видны носки грубых ботинок. При нашем появлении она не засуетилась и не подскочила на ноги, не стала отвечать Реллингтону поклоном, а

только смирила его заинтересованным взглядом и, достав изо рта трубку, произнесла хриплым басовитым голосом:

— Чем обязана такой чести? Сам лорд из Темных решил заглянуть ко мне?

Я думала, Реллингтон сейчас разотрет ее в порошок, но нет, даже с места не сдвинулся, только ноздри раздулись от возмущения да желваки на щеках заходили. Наверное, решил пощадить, пока она не выдаст секрет отворота.

— Ваш адрес дал нам Бенджамин Коун, — ответил он сквозь зубы. — Нужно снять приворот, вызванный любовным зельем, рецепт которого мастер получил от вас.

— Получил от меня? Ха! — Генриетта с ухмылкой затянулась трубкой и выпустила струйку дыма. — Это он вам такое сказал?

— Да, — отозвалась теперь я, поглядывая на Реллингтона, и тот подтвердил мои слова коротким кивком.

— Я не давала рецепт любовного зелья Коуну, — хохотнула ведунья. — Этот проходимец сам украл его у меня, а теперь хочет, чтобы я помогла отменить его действие?

— Нет, не совсем так. — Я пока пропустила мимо ушей, что Фригг назвала Коуна проходимцем. — Мастер тут ни при чем. Это я делала зелье, но оно досталось не тому, кому предназначалось. И теперь...

— А ты кто такая? — перебила меня Генриетта. — Не пойму. Вроде не ведьма и не магичка.

— Я компаньонка мастера Коуна, его помощница. Я из другого мира, — торопливо ответила я.

— А где сам проходимец Коун?

— Уехал в столицу. Но это сейчас не важно, — быстро добавила я. — Просто скажите, вы мне можете? Я заплачу, сколько потребуется.

— Заплатит она, — снова хмыкнула Генриетта. — А зелье-то кто выпил, уж не милорд ли? — Она посмотрела сначала на Реллингтона, потом на меня.

Я опустила глаза в пол. И тут же об этом пожалела: почти у моих ног сидел большой черный паук. Взвизгнув, я чисто инстинктивно вцепилась в руку Реллингтона и попыталась укрыться за его спиной. Уже в следующую секунду я осознала свою оплошность и отшатнулась от Темного.

— Простите, милорд, — прошептала в испуге. — Я не хотела... Просто очень боюсь пауков.

Но он даже не посмотрел на меня. Подождал, пока паук подползет к нему ближе, и хладнокровно наступил на него своим ботинком. Ведунья тоже никак не среагировала на этот инцидент, зато повторила свой вызывающий вопрос:

— Так это вы выпили зелье, милорд?

— Да, — ответил тот, как выплюнул. — И мне нужно срочно отменить его действие. Как. Это. Сделать. Полагаю, вы осознаете, что ждет вас за отказ помочь Темному.

— Да уж знаю я вашего брата, — усмехнулась Фригг без тени страха.

— Тогда я жду. Как снять этот приворот?

Но беспечный ответ ведуньи поверг нас обоих в шок:

— А никак.

— То есть? — Голос Реллингтона угрожающе понизился.

— Это зелье уже само по себе отворотное, — сообщила она, все так же ухмыляясь и

наслаждаясь нашим замешательством.

— Как это понять? — спросила я озадаченно. — Объясните, пожалуйста. Каким образом приворотное зелье может быть одновременно отворотным?

— А вот так. — Фригг все-таки поднялась и подошла к столу, где стояла табакерка. — Его придумала моя бабка, когда ее первого мужа увела другая магичка с помощью любовного зелья. В чем заключался подвох? — Она стала методично набивать трубку. — А в том, что действие этого зелья заканчивалось ровно после первой брачной ночи. Опоевший им прозревал и в ужасе сбегал от своей молодой женушки, и та оставалась с носом. Но самое забавное, что, как правило, ни одна из этих девиц никому не жаловалась на этот «побочный эффект», стыдилась огласки. Поэтому зелье продолжало пользоваться успехом, а брошенных после первой брачной ночи жен становилось все больше.

— Но мне рассказывали, что зелье помогло одной девушке и она уже год как счастлива замужем и ждет ребенка, — вспомнила я историю Паулы.

— Ну, — Генриетта пожала плечами, — либо она использовала другое зелье, либо... Ее чувства и без зелья оказались взаимными, а зелье лишь приблизило момент воссоединения с возлюбленным.

— Хватит демагогии, — раздраженно вклинился Реллингтон. — Что делать мне, чтобы снять этот приворот? Вы можете сказать конкретно?

— А разве и так непонятно, милорд? — Трубка ведуньи снова задымилась. — Вам нужно жениться на той, кто вас приворожила, и провести с ней одну ночь. Всего-то. И утром проснетесь как новенький.

ГЛАВА 15

Этот театр абсурда все никак не желал заканчиваться. И «рецепт», который мы получили от ведуньи Генриетты, оказался таким же диким и абсурдным. В первую минуту я была убеждена, что Реллингтон не согласится с подобным экстравагантным решением нашей проблемы, начнет рвать и метать, но он каким-то невероятным образом поборол свой гнев и только уточнил:

— Соитие без свадебной церемонии не подойдет?

Услышав такое предположение, я уже сама вспыхнула от возмущения. Это он хочет уложить меня в постель вот так, без всякой «предыстории», хотя бы и в виде свадьбы? Или, возможно, решит взять силой? А это уже слишком, скажу я вам!

— Нет, — отрезала Генриетта с едва уловимым злорадством. — Только законный брак и только его консумация.

И потом добавила еще нечто более ужасающее:

— Убийство тоже не решит проблему. Если милорд надумает лишить жизни ту, что вас приворожила, приворот останется на вас до скончания времен. Вы будете любить ее вечно и сильно страдать. Но неужели вам так отвратительна виновница? — Она украдкой бросила взгляд на меня. — Да и вы в нынешнем состоянии должны возжелеть ее любую: хоть кривую, хоть косую. Так что все у вас выйдет, милорд, уверяю... Она тоже не будет против, раз решила на приворот.

Тут я хотела вставить свои пять копеек и напомнить, что виновница совсем не желала привораживать, но потом прикусила язык, поняв, что тем самым точно выдам себя с головой. А мне не очень хотелось, чтобы Фригг, зная уже от меня, кто сварил это зелье, не догадалась, что я собственноручно и использовала его по назначению.

Реллингтон коротко кивнул куда-то в сторону, развернулся на пятках и, бросив мне: «Мы уходим», — направился к выходу.

— Спасибо. — Я все же поблагодарила ведунью от нас двоих и поспешила за ним.

На дверном косяке я вновь заприметила паука, но вскрик на этот раз сдержала, только промчалась мимо с закрытыми глазами.

— Милорд, вы же не собираетесь следовать совету этой ведуньи? — нагнала я Реллингтона у машины. — Может, поищем другие варианты?

— Собираюсь. И завтра в полдень жду вас в храме Пяти богов, — ошарашил он меня своей категоричностью.

— Постойте, но у меня тоже есть чувства! И я не хочу выходить за вас замуж и тем более ложиться с вами в постель! — выкрикнула я на эмоциях.

— Меня это не волнует. — Реллингтон окинул меня тяжелым взглядом, на миг задержав его на моей груди.

— А разве Темным можно жениться на простых женщинах даже без толики магии, а? — решила я зайти с другой стороны. — Что скажут ваши знакомые, друзья, да и остальные Темные? Не повредит ли это вашей репутации?

— Моей репутации уже ничего не повредит, — отрывисто ответил лорд. — А после консумации мы сразу же разорвем этот брак. Если все решится быстро, то об этом недоразумении и вовсе никто не узнает.

— И все-таки я не готова вот так запросто идти за вас замуж. Да, моя ошибка была серьезной, однако искупление ее я считаю слишком аморальным, — отчеканила я. — И повторяю еще раз: замуж я за вас не пойду. Лучше убейте меня!

— Вы слышали, что сказала эта ведьма? Убив вас, к большому сожалению, я не решу эту проблему. — Говоря это, он зачем-то начал с раздражением расстегивать пиджак. Наверное, вспотел от собственного гнева.

— Тогда, может, я сама себя убью, — предложила я тоже с сарказмом, переходящим в ненависть.

— Лучше прикройте свою грудь. — В меня полетел тот самый пиджак, который Реллингтон уже успел снять. — У вас слишком вызывающее декольте. Просто невозможно смотреть на это неприличие.

Опешив, я глянула на свою блузку, расстегнутую всего на две пуговики, и в этом скромном, а никак не вызывающем вырезе едва угадывалась ложбинка груди. Где он нашел «неприличие»? Пока я переваривала очередную выходку милорда, тот уже сел в машину, громко хлопнув дверцей. Я неуверенно покрутила его пиджак в руках, потом все же набросила его себе на плечи, запахнув на груди. Ладно, не будем провоцировать. Он и без того сейчас изрыгает пламя злости похлеще всякого дракона.

Уже въехав в центр Талосса, я попросила высадить меня в квартале от моей лавки: сейчас мне меньше всего хотелось, чтобы продавцы соседних магазинов видели меня вместе с Реллингтоном. Но, судя по тому, что он нисколько не возражал, ему тоже не хотелось светиться в компании моей персоны. Но все же на прощанье он не преминул напомнить:

— Завтра в полдень в храме Пяти богов. Не придете — пожалеете.

И опять эти угрозы! Он способен на что-нибудь другое? Например, на каплю понимания или сочувствия? Хотя о чем это я? Темные на подобное не способны. Я со злостью сдернула с плеч его пиджак и швырнула на заднее сиденье. И, впервые не проявляя никакого почтения к Темному, вздернула подбородок, расправила плечи и гордой походкой пошла от машины прочь.

Но за ближайшим поворотом весь мой пыл пропал, а меня начало трясти в нервном ознобе. На душе стало так паршиво, что впору действительно было что-то с собой сделать. Когда же я увидела Паулу и Рея, которые сидели на крыльце лавки и терпеливо ждали меня, на глаза навернулись слезы. Они тоже заметили меня и бросились навстречу. Рей просто обхватил меня за талию и прижался, а Паула с волнением взяла за плечи.

— Ты где так долго была? Мы уже думали, Реллингтон что-то сделал с тобой и живой мы тебя не увидим.

— Да жива я, как видишь. Пока. — Я обняла ее в ответ. — Но неприятности у меня крупные. Очень крупные...

Я посмотрела на закрытую лавку, потом на часы на городской ратуше и поняла, что начинать рабочий день за пару часов до закрытия уже не имело никакого смысла. Да и сил на нее у меня уже не было никаких.

— Пойдемте куда-нибудь отсюда, — попросила я, одной рукой обнимая Паулу, другой — Рея. — Работа на сегодня отменяется.

Паула пригласила меня к себе, ну и Рея прихватили с собой. Не могли же мы отправить мальчишку вот так просто домой, когда он преданно ждал меня почти весь день и честно сообщал клиентам, что лавка скоро откроется? Надо было хотя бы покормить его и дать монетку на дорогу.

Ужин с Паулой готовили вместе, Рея же отправили в ближайшую лавку за фруктами и сладостями. Тогда-то и выпал подходящий момент для откровений. Я рассказала Пауле о своих похождениях во всех подробностях: от пребывания в доме Реллингтона до посещения Генриетты Фригг.

— Теперь ты понимаешь, как все-таки судьба тебя миловала? — сказала я в заключение. — Представь, если бы Паттисон на тебе женился, а наутро после первой брачной ночи все открылось? Думаешь, он был бы к тебе милосердным?

Паула уже с середины моего рассказа начала бледнеть, а сейчас и вовсе стала блее мела.

— Это что же получается? — прошептала она в полнейшем ужасе. — Я бы парила в облаках от счастья, готовилась к свадьбе, ждала первую брачную ночь, чтобы испытать радости желанной близости, а потом... Вот такой конец. Нет, это истинный кошмар. Кошмар.

— Угу, — откликнулась я мрачно. — Истинный. Но теперь за тебя должна отдуваться я. А мне этого совсем не хочется.

— Прости. — Паула произнесла это впервые, но так искренне, что сердце мое дрогнуло. — Прости, что из-за меня ты попала в такую передрагу. Знала бы я...

— Да кто тут мог знать? — тяжело вздохнула я. — Даже мастер Коун и тот не знал. Влипла я по неосторожности. Вот теперь не знаю, как все это расхлебать.

— Мы сейчас придумаем что-нибудь, клянусь! — с жаром произнесла Паула, занырявая в один из кухонных ящиков. — Только для начала нужно расслабиться. — И у нее в руках появилась бутылочка ликера, точно такого же, как мы пили в прошлый раз.

— Но сейчас Рей придет, — напомнила я.

— А мы пока по глоточку, а потом продолжим уже без него. — Паула тут же организовала две рюмочки и наполнила их тягучим напитком. — За удачу!

— Боюсь, она снова от меня отвернулась, — грустно усмехнулась я и опрокинула в себя ликер. Затем посмотрела на Паулу еще печальнее. — Я не хочу выходить замуж за Реллингтона и уж тем более не хочу спать с ним. Он сказал, что потом разорвет наш брак. В вашем мире разводы действительно разрешены?

— Они случаются, но крайне редко. — Паула задумчиво нахмурилась. — И позором ложатся на бывшую жену, потому что именно она считается виновницей развода. И ее после этого уже никто не возьмет замуж. Мужу тоже долго еще приходится очищать свое имя от такого прошлого. Но мужчинам проще: чем быстрее они найдут себе другую невесту, тем скорее все забудут о его прошлом неудачном браке.

— И в вашем Дарквайте полнейшая дискриминация женщин, — философски заметила я. — И что, у Темных с их женщинами все так же?

— Почти. Они, конечно, уважают своих женщин куда больше, чем остальных, лишенных Тьмы, но и в их семьях закон скорее встанет на сторону мужчин.

— Печально...

— Значит, Реллингтон признался тебе, что ты снилась ему? И он постоянно думает о тебе? — Глаза Паулы хитро заблестели. — Получается, лорд Паттисон так же видел бы меня во снах? — Она хихикнула.

— Ох, перестань. — Я тоже не сдержала смешка. — Опять ты за свое!

— И Реллингтон дал тебе свой пиджак! Вот где невероятное! — продолжала Паула, уже вовсю улыбаясь. — Это чтобы Темный позволил кому-то притронуться к его вещи? Никогда! Они этого очень не любят!

— Его просто раздражало мое декольте. — Я уже готова была рассмеяться. — Нет, ну скажи, оно разве вызывающее?

— Нисколько, — заверила Паула, разливая очередную порцию ликера. — Реллингтону, похоже, понравилась твоя грудь, она манила его, вот он и злился. На себя, что испытывает подобные чувства. Ну и на приворот конечно же. — Она продолжала потешаться над Темным и заодно надо мной. — А знаешь, так ему и надо! Пусть помучается немного! А то совсем эти Темные носы позадирали.

— Ой, кто б говорил! Кому вообще это зелье «наказание» предназначалось? И как насчет того, что я мучаюсь не меньше? — Мое настроение снова испортилось. — Вот что прикажешь мне делать? Пойти под венец, как на заклятие?

— Значит, так. — Паула тоже приняла серьезный вид. — Реллингтону, конечно, крупно

повезло, что завтра третий лунодень этого месяца. Поскольку свадебный обряд можно совершить только дважды в месяц: в первый и третий лунодень. И только в полдень! То есть, если завтрашний обряд, на который рассчитывает Реллингтон, не состоится, ему придется ждать еще две недели. А это даст нам фору. Значит, пока наша главная задача — сорвать завтрашнюю церемонию.

— Но как это сделать? — заинтересовалась я.

— Тебе надо бежать!

— Куда? — Меня сразу разочаровала эта идея. — В свой мир я не могу вернуться. А больше мне ехать некуда. Я ведь совсем никого не знаю в Дарквайте.

— Я знаю, где можно укрыться. — В дверях кухни появился Рей с бумажным кулечком конфет и пакетом апельсинов и яблок. — Недалеко от Таллоса есть болото, около него стоит заброшенная сторожка. Мы с бабулей, когда по осени ходим туда за клюквой или же за грибами в ближайший лес, бывает, остаемся там на ночлег. О сторожке этой почти никто не знает. И в это время редко кто там ходит. И уж точно Темные в том лесу не гуляют. Так что день-два там перекапаться можно. Я, если хочешь, составлю компанию, чтобы тебе не было так страшно.

— А мальчонка-то дело говорит! — поддержала его Паула. — Посидишь там до вечера, потом вернешься в город. Реллингтон, конечно, придет в бешенство, но сделать тебе ничего не сможет. Во-первых, на него действует приворот. А во-вторых, для исполнения супружеского долга ты ему нужна живая и желательна невредимая. Ну а ты потом прикинешься овечкой, придумаешь что-нибудь, чем его успокоить. Сейчас главная задача — выиграть время. Потом у нас будет две недели, чтобы поискать другой способ снятия проклятия. Вдруг та ведунья специально вам все не рассказала?

А ведь верно, Генриетта могла и сорвать или недоговорить чего-то. Наверное, следует с ней встретиться еще раз, только наедине.

А сторожка на болоте... Полагаю, это не самое приятное место в Дарквайте, но в моей ситуации крутить носом не приходится. Раз предлагают помощь — нужно ею воспользоваться. А там уж как будет...

ГЛАВА 16

В этот раз я снова осталась ночевать у Паулы. Мы обе были так взволнованы происходящими вокруг нас событиями, что легли спать далеко за полночь. А на рассвете за мной уже пришел Рей, чтобы проводить в свое тайное место. Паула дала нам с собой запас провизии и пожелала удачи.

— Постараюсь задержаться после службы в храме и посмотреть, что будет делать Реллингтон, — пообещала она на прощанье.

— Только будь осторожней, — предупредила ее я. — Если Реллингтон тебя увидит...

— Я буду осторожна, — пообещала она. И поторопила меня: — Не задерживайтесь. Вам нужно покинуть город до того, как окончательно рассветет.

Наш с Реем путь лежал в противоположную сторону от района, где жили Темные, и мне это было только на руку. День был выходным, поэтому Талосс в этот час еще дремал, и за то время, пока мы достигли границ леса, нам не встретилась ни одна душа. Не считая бездомного кота, лениво вылизывающего себе пузо, и стаи воробьев, которые терзали брошенную кем-то булку.

Когда лес сомкнулся за нашими спинами, мы немного сбавили шаг.

— Далеко еще? — Я, не привыкшая к таким марш-броскам, едва переводила дыхание.

— Нет, еще часик, не больше, — ответил Рей, в отличие от меня ничуть не запыхавшись.

Еще часик? О мама дорогая... Я не дойду точно. Упаду на какой-нибудь поляне посреди цветочков, и фиг кто сдвинет меня с места.

И все-таки дошла. Но прежде чем оглядеться, прислонилась к дереву и попыталась отдышаться.

— Ну ты меня и уморил, — сказала Рею, который смотрел на меня с задорной улыбкой. — Я уже с ужасом думаю об обратной дороге. Ладно, показывай мне, что тут да как...

Первым делом мальчик завел меня в сторожку: всего одна комнатка, крохотное окошко, пара лавок, стол из неровных досок и... лягушки. Они с видом хозяев скакали по полу и лавкам, нисколько не обращая на нас внимания. А когда я решила присесть, одна особо бесстрашная лягушка с желтым брюшком без всякого стеснения запрыгнула мне на колени. Скачущих зеленых земноводных я боялась чуть меньше, чем пауков, поэтому тут же попыталась сбросить ее на пол. Лягушка была возмущена моим хамством и, громко квакая, ускакала в дальний угол. Но вместо нее пришли другие, неверное, мстить, и с воинственным видом окружили нашу провизию.

— Решили взять измором? — Я тоже разозлилась.

На что Рей засмеялся.

— Просто дай им кусочек чего-нибудь из еды и попроси уйти на время. Они послушаются.

— Что-то мне подсказывает, они не уйдут. Не нравлюсь я им. — Я все еще боялась приблизиться к столу, где лежала наша еда.

Тогда Рей вздохнул и сам направился туда. Отломил несколько кусочков от буханки хлеба и положил перед лягушками:

— Угощайтесь. И уйдите ненадолго. Лия не держит на вас зла, она просто боится.

Итак, первое открытие: местные лягушки едят хлеб. Второе: они беспрекословно послушались Рея и покинули сторожку.

— Ты прямо как заклинатель змей! Точнее, лягушек, — восхищенно протянула я, проваяя взглядом стройный отряд квакающих желтопузов. — Как ты это сделал?

— Они просто меня уже знают, — все так же весело ответил мальчик. — Давай и мы перекусим, что ли?

Я охотно согласилась. Мы ели бутерброды с бужениной, которые приготовила для нас Паула, и болтали о всякой всячине. Рей рассказывал мне, как они с бабушкой ходят за грибами и ягодами, я же делилась историями из своего детства. За разговорами время летело незаметно, я даже почти не вспоминала о свадьбе и Реллингтоне, который, судя по солнцу в зените, уже должен был обнаружить мою пропажу. Ох, что там, наверное, сейчас происходит... Только бы Паула не попала под раздачу.

Иногда мой взгляд падал на помутневшее окошко, за которым открывался вид на то самое болото, покрытое ярко-зеленым пушистым мхом. Опасное, но красивое место просто до мурашек. В какой-то момент Рей тоже посмотрел за окно и вдруг нахмурился.

— Ты видишь это? — спросил он, прижимаясь почти к самому стеклу.

— Что? — Я попыталась проследить за его взглядом, но ничего не увидела.

— Мне надо посмотреть ближе. — Рей соскочил с лавки и бросился к двери.

— Постой! Я с тобой!

Мне не хотелось отпускать мальчика на болото одного. Возможно, он и ориентировался здесь лучше меня, но я все же, как старшая, чувствовала за него ответственность.

— Что ты увидел? — спросила снова, когда нагнала его.

— Вон бурлит. — Рей показал пальцем на жижу, проглядывающую между мхом. Время от времени на ней вырастали пузыри — и тут же лопались.

— Это болотные газы, наверное, — сказала я, но не очень уверенно. О таком явлении я знала, но вот сама никогда не видела. Впрочем, я и на болоте оказалась впервые. — Сероводород...

— Нет, смотри выше. Видишь над ними воронки?

Я еще больше напрягла зрение, прищурилась: и вправду там, где выделялся газ, в воздухе возникали маленькие воздушные воронки. Насекомые, летающие рядом, вели себя странно: одни резко меняли направление или метались, точно в испуге, другие же вовсе падали замертво.

— Это что-то значит? — поинтересовалась я осторожно.

— Не знаю. Раньше такого не случалось. — Рей озабоченно потер лоб. — Никогда.

— А вдруг это смертельно опасно? — Я забеспокоилась. — Сейчас надышимся и отравимся... Рей. — Я взяла мальчика за руку и потянула прочь от кромки болота. — Давай-ка уйдем отсюда...

— Давай, — ответили мне. Но не Рей.

Я медленно обернулась, уже зная, кого увижу. В меня вперился тяжелый взгляд Реллингтона.

— Думали, я вас не найду, госпожа Лия?

У меня едва не подогнулись коленки от страха. А действительно, как он меня нашел? Я бросила взгляд на небо: солнце уже скатилось ниже, значит, полдень давно прошел. И то хорошо. О, а вон и верный слуга нашего лорда топчется неподалеку.

— Не думал, что вы настолько глупы, — продолжал Реллингтон. — Зачем бежать на болото, — он презрительно скривился, — если могли просто укрыться в своем доме, который меня просто-напросто не впустил бы...

Меня точно кувалдой ударили по голове. Дом. Мое спасение было у меня под носом, а я даже не вспомнила об этом. настолько была потрясена расплатой за свою оплошность с зельем, что напрочь забыла о защите дома Коуна. Да я и вправду безмозглая! Мне еще

никогда не было так обидно, как сейчас. Даже когда перепутала зелья. Реллингтон прав: это просто апофеоз моей глупости!

— Впрочем, я бы все равно нашел способ выманить вас оттуда, — добивал меня Реллингтон дальше. — Поэтому не надейтесь в следующий раз воспользоваться этим способом. Вы выиграли себе две недели, но это ничего не изменит.

— Возможно, изменит, — проговорила я с вызовом. — Я намерена найти другой способ избавиться от этого приворота.

— Пожелаю вам удачи. — Губы лорда дернулись в подобии ухмылки. — Только отпускать вас я больше не намерен. Вы последуете за мной и будете жить в моем доме до следующего, подходящего для свадьбы лунодня.

— Тогда позвольте мне тоже пожелать вам удачи, милорд, — отозвалась я едко, — сохранить свои силенки до того самого дня свадьбы. Если вовсе не отправиться на тот свет, или как он у вас тут зовется? Потому что при таких условиях я не намерена больше делать ваше лекарство. А ведь завтра вам пора принимать очередную порцию, не забыли?

Он помнил. Оттого и изменился в лице.

— Хорошо, — ответил Темный после долгой паузы. — Пока вы останетесь жить в своем доме. И даже можете заниматься своей лавкой. Но. Я больше не спущу с вас глаз. Отныне вы не сможете покинуть город без моего ведома. Джо — ищейка. Считаю единожды след человека, он способен найти его в любой точке Дарквайта.

Так вот кто меня нашел... Этот лысый, противный Джо. Чтоб ему пусто было! Но все равно мне удалось отстоять кусочек своей свободы, и уже это можно считать маленькой победой.

— Собирайтесь, вы возвращаетесь в Талосс, — приказным тоном произнес Реллингтон.

— Я так понимаю, вы на машине и нас подвезете? — Я вновь не удержалась от сарказма. И протянула руку Рею.

Однако мальчик не вложил в нее свою ладошку. Нет, он не сбежал, как когда-то от Паттисона, наоборот, стоял точно изваяние и с распахнутыми глазами смотрел на Реллингтона. Лорд тоже опустил на него взгляд... И также замер, словно в неприятном изумлении. Потом в его глазах вспыхнуло нечто наподобие испуга, он даже на мгновение сжал челюсти. А после произнес отрывисто:

— Джо вас подвезет. — И начал исчезать, окутанный своим черным дымом.

Создалось впечатление, что он просто сбежал! Неужели от... Рея? Я посмотрела на мальчика.

— Все в порядке? Как ты?

Но он будто не слышал меня, о чем-то глубоко задумавшись. И только когда я повторила свой вопрос, пришел в себя и кивнул:

— Все хорошо.

— Вы знакомы с Реллингтоном? — все же спросила я тихо.

Он мотнул головой.

— Нет. Только слышал его имя.

Но я не поверила: уж очень странная реакция была у них друг на друга. Только что может связывать двенадцатилетнего мальчишку из бедного квартала и лощеного Темного лорда? Даже не могу предположить. А Рей, похоже, не собирается открывать мне своего секрета.

— Мы едем? — окликнул нас Джо.

— Едем. — Я все-таки взяла Рея за руку. — И где ваша машина?

Лысый показал кивком в сторону сторожки, из-за угла которой выглядывал нос кабриолета. Очень любопытно, как он смог заехать в эту непролазную чащу. Но даже не буду об этом размышлять. У меня и без того сейчас мозги закипят от миллиона других, более важных вопросов. Лучше порадуюсь, что не придется идти обратно пешком — хоть какой-то толк от моего женишка.

Остатки провизии мы с Реем решили не забирать с собой, а отдать лягушкам: пусть попируют. Уходя, я еще раз бросила взгляд на болотные пузырьки и воронки: они и не думали пропадать. Еще одна загадка, на которую у меня нет ответа.

Я так и не поняла, как кабриолету Джо удавалось маневрировать среди елок и сосен, не застрять ни в какой грязи или яме и точно выехать на дорогу, ведущую к Талоссу. Но это чудо все же произошло, и не успели мы опомниться, как уже неслись по улицам города. Рей попросил высадить его чуть ли не на окраине и, скомканно попрощавшись, тут же убежал. Весь путь до Талосса он напряженно молчал, то думая о чем-то, то с опаской поглядывая на Джо.

Слуга Реллингтона довез меня прямо до дома, но уезжать не спешил.

— Мне велено за вами следить, — пояснил он бесстрастно.

Шпион, значит. Что ж, пусть сидит в своей машине под забором, коль делать больше нечего.

Я уже открыла калитку, когда из-за кустов выбежала Паула и бросилась мне на шею.

— Живая!

— И снова пока да, — усмехнулась я устало.

— Лорд тебя нашел, да? — Она покосилась на машину с Джо. — Ты даже не представляешь, что он устроил в храме. Я осталась там и все видела.

— Давай ты мне расскажешь все завтра? — попросила я с рассеянной улыбкой. — Только не обижайся, ладно? Я очень тебе благодарна. Просто мне сейчас нужно побыть одной.

— Хорошо. — Паула немного сникла, но все же улыбнулась в ответ. — Я завтра приду к тебе в лавку. Ты же откроешь ее?

— Конечно, пора бы уже. Я еще даже не посчитала, в какую копеечку мне влетел день простоя.

— Но с тобой точно все будет в порядке? — Она понизила голос до шепота и показала взглядом на Джо.

— Это мой нынешний охранник и шпион в одном лице, — вздохнула я.

Паула сочувственно качнула головой и снова быстро обняла меня.

— До завтра.

— До завтра.

Я медленно пошла к дому. Сейчас я точно не нуждалась ни в чьем обществе. Мне не нужны были ни советы, ни утешения. Просто хотелось побыть одной и подумать, что делать дальше. Самой. Отныне я буду принимать решения только сама и отвечать за них тоже сама.

ГЛАВА 17

Этой ночью я почти не спала. Чтобы не скатиться в депрессию от всего происходящего, занималась зельями и настояями. Сделала даже Реллингтону (чтоб его!) несколько про запас, остальное — по мелочи, для пополнения основного ассортимента. Джо так и караулил у дома, никуда с места не сдвинулся. Утром я нашла его все там же: в кабриолете у забора.

— Помогите, — сказала ему, вынося за калитку одну за другой коробки с зельями.

Ну а что? Чего рабочей силе пропадать? Пусть хоть какую-то пользу принесет.

Пока Джо беспрекословно грузил коробки в машину, я с легким волнением вглядывалась в конец улицы, надеясь увидеть Рея. Но горизонт был пуст, и оставалась лишь надежда, что он придет уже в лавку. Джо довез меня до «Зелий» и припарковался на обочине. Так, значит, и тут от него не избавиться.

Рей по-прежнему не было. Раньше я на это не обратила бы внимания — ну бегают где-то и бегают, помогать себе не заставляю, все только добровольно, — однако после вчерашних событий сердце нет-нет да и колело от тревоги. Но вскоре лавку заполнили покупатели, и я вся ушла в работу. Сегодня был просто аншлаг! Неужели достаточно не поработать один день, чтобы потом гребли все с полок? Передышка появилась только к обеду. В это время ко мне как раз и заглянула Паула.

— Как ты? — спросила она с порога.

— Нормально, — ответила я с улыбкой. — Вся в работе...

— Лорд Реллингтон больше не приходил?

— К счастью, нет. Но его верный пес по-прежнему сторожит меня.

— Я видела его машину, — понимающе кивнула Паула. — Ну, рассказывай, что вчера было, когда милорд тебя нашел? Он был в ярости?

— Молнии не метал, но было страшно, — призналась я, а затем подробно пересказала весь наш вчерашний разговор.

— Глупая я! — Паула со всей силой хлопнула себя по лбу. — И ведь тоже не вспомнила про твой дом!

— Да ладно, — отмахнулась я со вздохом, — это я хороша, сама забыла. Но что сделано, то сделано. Будем учиться на ошибках. Хотя... Реллингтон же предупредил, что и там прятаться бесполезно. «Я все равно нашел бы способ вас оттуда выманить», — передразнила я Темного. — Интересно, что бы он сделал?

— О, что угодно, — ответила Паула. — Напустил бы Тьму на твой квартал, вызвал бы огонь, напугал соседей, пригрозил бы убить того, кого ты хорошо знаешь. Например, меня, Рея или того же господина Вальди. У Темных много способов, как вызвать страх и заставить подчиняться себе. А ты уж точно не позволила бы другим страдать из-за себя, признайся? Это легко понять даже при первом знакомстве с тобой.

Конечно, не позволила бы. Как можно допустить, чтобы кто-то страдал по твоей вине? Нет, лучше уж сдаться или принять удар на себя.

— А что ты мне хотела рассказать? — вспомнила я. — Что вчера произошло в храме?

Паула будто бы ждала этого вопроса, потому что сразу начала с воодушевлением:

— Значит, закончилась служба где-то в одиннадцать. Все начали расходиться, а я спряталась за кустом роз, помнишь, он растет слева от входа в храм?

Розовый куст я помнила плохо, но все же кивнула в знак согласия.

— Реллингтон явился за полчаса вот с этим вот лысым. — Она показала на окно, за которым был виден черный кабриолет. — Сначала стоял на ступеньках и все зыркал по

сторонам, видимо, в поисках тебя. И чем ближе к полудню, тем больше мрачнел. В полдень на крыльцо выбежал священник и стал спрашивать, состоится ли свадьба. Реллингтон к тому времени уже весь полыхал от злости, Тьма так и валила из него, я едва различала, что там происходит. А священник так задыхаться начал, что чуть не помер. Мне и самой было трудно дышать. Знаешь, такое чувство, что легкие заполняются чем-то едким и тяжелым. Ужасные ощущения.

— Надо было сразу убежать оттуда! — попеняла ей я. — Просила же не рисковать!

— Нормально все со мной, жива, — беспечно ответила Паула. — Реллингтон потом как-то успокоился. И отправил слугу на твои поиски. Сказал, чтоб из-под земли тебя достал, но нашел. Затем они оба исчезли — и все. До твоего возвращения я просто сходила с ума от неизвестности и страха за тебя.

— А его слуга... Этот Джо. Я не могу понять, он тоже Темный? — поинтересовалась я. — Реллингтон назвал его ищейкой.

— Темный, только низшей ступени, — ответила Паула. — Возможно, из обедневшего рода. Или же чей-то незаконнорожденный сын.

— Как Паттисон?

— Да, — Паула на миг отвела глаза, — только лорда Паттисона отец признал и официально принял в семью. Темные часто берут таких полукровок себе в секретари и помощники.

— Джо — ищейка, сказал Реллингтон. И он нашел меня по некоему следу, который считал. Это действительно так?

— Да, у некоторых Темных есть такой дар, — подтвердила Паула. — Как раз встречается у полукровок, но далеко не у всех. И обычно у них тогда ослаблены другие способности, дарованные Тьмой.

— И что, он действительно может найти любого? — Я вдруг подумала о мастере Коуне, с которым этот Джо встречался. Вдруг Реллингтон додумается снова найти его и насильно вернуть в Талосс, чтобы он продолжал делать ему зелье? Со мной же тогда он сможет творить, что захочет!

Но ответ Паулы меня успокоил:

— Нет, только обычного человека. Ну или если на маге или ведунье не стоит защита. Но я даже не представляю мага, который не имел бы такой защиты. Это все равно что выйти на улицу голым.

Уф... Уверена, мастер со своей конспирацией уж точно позаботился о безопасности.

Мне еще очень хотелось поделиться с Паулой беспокойством за Рея, но тогда пришлось бы рассказывать и об их с Реллингтоном подозрительных переглядываниях, меня же что-то останавливало это сделать. Ладно, подожду еще немного. Вдруг я себя накручиваю и ничего серьезного с мальчишкой не произошло?

После обеда вновь повалили покупатели, и Паула, распрощавшись, убежала. Если бы она знала, что ровно через пять минут после ее ухода в лавку заявится любовь всей ее жизни, то точно не сдвинулась бы с места, а то и сама встала за прилавок. Я же, в отличие от нее, совсем не рада была видеть лорда Паттисона. Только его не хватало мне для полного счастья!

Я даже не стала делать любезное выражение лица. Уже так устала от Реллингтона с его «темными» заморочками, что на Паттисона стало плевать. Пусть буянит, бесится, возмущается, хоть в порошок разотрет — все равно.

— Скорого дня, милорд. Чего желаете? Опять бабка не дает покоя? — спросила я бесстрастно.

Он моргнул, явно не ожидая от меня подобной резкости, да еще и в адрес своего «величества». И, кажется, растерялся, потому что ответил не сразу.

— Нет. С бабкой все в порядке.

— Тогда что вам предложить? Боюсь, наша лавка мало чем может вас удивить.

— Удивите меня вы сами. — Он облокотился о прилавок и посмотрел прямо в глаза.

Теперь пришла очередь теряться мне. Ненавижу, когда на меня вот так пялятся: то Реллингтон, то сейчас этот... А глаза у Паттисона действительно очень темные, как крепкий кофе. Интересно, у Реллингтона тоже когда-то были такого цвета?

— Я с вами разговариваю, госпожа Лия, — окликнул меня Паттисон. — О чем вы думаете?

— Простите, милорд. — Я все же отвела взгляд. — Так о чем вы меня спрашивали? Что вам предложить?

— Себя. — Он ухмыльнулся, но после добавил: — Не бойтесь, я не в прямом смысле... Во всяком случае, пока. Хочу пригласить вас составить мне пару на празднике Черной розы в императорском дворце. У меня как раз есть два приглашения.

Я опешила еще больше, но ответить не успела. За меня это сделал знакомый голос.

— О, кому-то несказанно повезло, и его наконец допустили к развлечениям элиты. — Реллингтон говорил и обретал форму одновременно. Я же вовсе потеряла дар речи: а этот что здесь забыл? Ведь никогда сюда не заходил! — Надеешься, что тебе удастся стать ее частью? Но я огорчу тебя, Люк: им всем на тебя плевать.

— А ты все завидуешь? — оскалился Паттисон. Судя по выражению лица, встреча с Реллингтоном точно не входила в его планы. Как и в мои. — Тебя ведь уже второй год забывают туда пригласить. Или же делают это намеренно, не желая видеть в обществе таких, как ты.

— Ошибаешься. — На лице Реллингтона редко появлялась улыбка, и уж точно ни разу она не выражала радости, только сарказм или презрение. Нынешняя не стала исключением и источала ледяное пренебрежение. — У меня тоже есть приглашение на праздник Черной розы. На двоих. И если я решу там появиться, то как раз госпожа Лия будет моей парой.

— С какой такой стати? — Паттисон рассмеялся громко, но натужно. — С чего это ей идти с тобой? Чтобы опозориться?

Держите меня семеро. А лучше позвольте умереть. Я не вынесу, если эти двое устроят из-за меня драку. И ведь Паттисон примет слова Реллингтона на веру! Посчитает, что тот и вправду ревнует! А дело-то все в проклятом любовном зелье, которое, между прочим, предназначалось ему! Вот же кубик-рубик какой-то!

Нет, надо это прекратить, пока не поздно.

— Прошу прощения, милорды, — подала голос я. — Но я ни с кем из вас не пойду на этот праздник. Сомневаюсь, что мне там место. И уверена, вы еще найдете себе достойную пару. Оба. — Я многозначительно посмотрела на Реллингтона. — И среди равных себе леди.

— И все же у вас еще есть время подумать, госпожа Лия. — Паттисон обращался ко мне, а сверлил взглядом «соперника». Ну а после этих слов он моментально ретировался.

Я подождала, пока исчезнут остатки его дыма, и вновь посмотрела на Реллингтона.

— Зря вы сюда пришли, милорд. Вы все хуже контролируете себя. Лорд Паттисон может подумать...

— Это все ваше зелье виновато! — рыкнул он. — Оно просто сводит меня с ума. Заставляет позориться!

— Мне жаль, милорд, — быстро ответила я. — Но если у вас на меня такая бурная реакция, то нам лучше не встречаться в ближайшее время... До того, как не решим эту

проблему.

— Она уже давно была бы решена, если бы не ваша вчерашняя выходка!

— Увы. Но я попробую найти иной способ ее решения. — Я разнервничалась и, чтобы отвлечься, достала из-под прилавка тряпочку и стала протирать ею столешницу.

— Это вам. — Реллингтон положил на прилавок вытянутый прямоугольный футляр.

Сердце екнуло: уж не украшение ли там? Неужели все под тем же воздействием зелья он решил сделать мне подарок? И как мне следует поступить? Взять? Или отказаться? Что будет правильной в моем положении?

Я нерешительно открыла футляр. Точно, браслет! Тонкий, кажется, серебряный, без камней, лишь с едва заметной гравировкой. То ли змейка, то ли лента.

— Наденьте, — не терпящим возражения тоном произнес Темный.

Я осторожно достала браслет и лишь приложила его к руке, как он сам тесно обвил запястье и защелкнулся на нем. Я попыталась снять украшение, но оно не поддавалось, только сильнее врезалось в кожу.

— Что это такое? — Я не на шутку испугалась.

— Теперь вы точно никуда не сбежите, — равнодушно отозвался Реллингтон. — Этот браслет поможет мне контролировать каждый ваш шаг. И каждую вашу эмоцию. Вы не сможете его снять без моей помощи. А сделаю это я, как только приворот исчезнет. До этого же дня мы больше видеться не будем, тут вы правы: я не хочу больше искуш... Встречаться с вами. Отныне мы будем общаться через Джо. Ему же вы будете передавать мое лекарство.

Черные сгустки Тьмы стали окутывать Реллингтона, поглощая его в себя.

— Надоел! — Я в сердцах махнула тряпкой по дыму, который еще парил в воздухе, и начала разгонять его. — Как же вы мне все надоели!

Все, решено: завтра иду к Генриетте. И без другого способа отворота от нее не вернусь!

ГЛАВА 18

Браслет Реллингтона окончательно испортил мне настроение. Я весь вечер пыталась его снять, используя для этого всевозможные подручные средства от вилки и ножа до пассатижей, которые нашла в сарайчике с хозяйственным инвентарем и инструментами. Даже прыскала на него водой из родника, черт знает зачем. Наверное, наивная, надеялась, что помимо омоложения она еще умеет плавить металл. Но с браслетом конечно же от всех этих манипуляций ровным счетом ничего не случилось. Казалось, он намертво обхватил мое запястье.

Ох, как же я была зла! Реллингтон говорил, что сможет считывать мои эмоции, так вот, пусть теперь в полной мере ощутит мой гнев! Чтоб ему не спалось всю ночь из-за этого! А заодно и все ближайшие ночи... Подкинуть бы ему в лекарство какого-нибудь слабительного, чтоб совсем жизнь медом не казалась!

От браслета был только один маленький плюсики: за мной перестал следить Джо. Правда, вечером, как стемнело, он пришел ко мне, чтобы забрать зелье для своего гадкого милорда. Я без слов отдала ему пузырек уже без всякой упаковки и так же молча захлопнула калитку. Видеть никого из них не могу.

Еще и Паттисон этот со своим приглашением! Вот какого он явился ко мне? Прицепился как клещ — не оторвать! Я вспомнила, как они с Реллингтоном сегодня схлестнулись в лавке, и снова стало не по себе. Вот на кой черт мне все это сдалось? Не было у меня других забот...

С другой стороны, любопытно, а если бы я уступила ухаживаниям Паттисона, что бы делал Реллингтон? А вдруг... Вдруг, если я выйду замуж за кого-то другого, мой Темный жених от меня отстанет? А если это будет Паттисон? Я представила себя в фате и платье, идущей к алтарю, где меня ждет лорд Паттисон, ужаснулась и энергично помотала головой, прогоняя эти безумные видения. Нет, только не Паттисон. Тем более еще есть чувства Паулы, с которыми я тоже должна считаться. Представляю, какой для нее это будет удар. Нет, это слишком низко. Да и с Паттисоном связываться — упаси господь!

А утром, уходя в лавку, я наконец увидела у калитки Рея. Хоть какое-то приятное событие!

— Рей! — Я поспешила к нему. — Где ты вчера пропадал? Я даже волноваться начала.

— Извини, не мог вырваться. Помогал бабушке кое-какие дела решить, — с деловым видом отозвался он. — А что, много работы в лавке вчера было?

— Да нет, немного! — От радости, что с ним все в порядке, я не могла не улыбаться. — Я справилась. Просто слегка переживала за тебя. Мы так быстро расстались после нашего неудачного похода на болото, что мне нужно было удостовериться, что с тобой все в порядке.

— Со мной все в порядке! — весело отмахнулся мальчик. — Так как, помощь нужна? Я готов!

— Да особо нет. Но работу я тебе всегда найду, — засмеялась я, и мы вместе зашагали в сторону «Зелий». — Единственное, мне сегодня нужно будет опять пораньше закрыть лавку. Навестить кое-кого надо. Еще придется поплутать по городу, прежде чем найду нужный дом. До этого меня туда только на машине подвозили.

— Хочешь, я с тобой схожу? — тут же предложил Рей. — Я в Талоссе каждый закоулок знаю!

— А вот и хочу! — ответила я. Мне нравилось, что к мальчику вернулось его прежнее настроение. — Будешь моим провожатым!

За работой день пролетел быстро. Незваные гости сегодня ко мне не захаживали, как и не наблюдалось никакой слежки. Даже Паула заглянула только на минутку. Я сказала ей, что собираюсь сходить к Генриетте, и она меня в этом поддержала. Правда, очень извинялась, что не может составить мне компанию. Якобы к ней в семь часов придет

некий важный клиент. Однако порозовевшие в этот миг щеки и горящие глаза намекали на то, что этим «вином» будет не кто иной, как Паттисон. Только отчего же она не захотела мне в этом признаться? Возможно, боится, что после всей этой истории я буду осуждать ее за привязанность, от которой она никак не может избавиться? Однако Пауле переживать нечего: я точно не собираюсь больше давать ей никаких советов относительно Паттисона. Во всяком случае, пока. У меня хватает нерешенных проблем со «своим» Темным.

Благодаря Рею Черноземную улицу мы нашли очень быстро — и вот уже стояли около знакомого старого дома ведуньи Генриетты. Мальчик по-хозяйски открыл калитку и уверенно вошел во двор первым.

— Ты как будто бывал уже здесь, — улыбнулась я растерянно.

И тот довольно усмехнулся.

— Генриетта — родная сестра моей бабушки.

— И почему ты мне сразу об этом не сказал? — изумилась я такому повороту.

— Хотел сделать тебе сюрприз.

— Что ж, сюрприз удался, — хмыкнула я. — Я удивлена...

— Кто там ко мне пожаловал? Я уже никого не принимаю. — Дверь дома распахнулась, и на пороге показалась Генриетта Фригг с неизменной трубкой в зубах. Она увидела Рея и улыбнулась одним краешком губ. — О, а ты что здесь забыл, малец? Роза прислала? С ней все хорошо?

— Нет, меня не бабуля прислала. — Рей широко улыбался. — Я подругу привел. Ей с тобой поговорить надо.

— Подругу? — Ведунья перевела насмешливый взгляд на меня и привалилась плечом к косяку. — Видела я уже эту подругу. С привороженным Темным приходила на днях. Что, не отворожили еще лорда?

— Еще нет. — Я смущенно кашлянула. — В общем-то, ради этого я и пришла к вам опять. Нужно поговорить. Очень нужно.

Она вновь смерила меня взглядом и кивком показала внутрь дома.

— Что ж, проходи... Будем разговаривать.

Генриетта проводила меня в ту же комнату, где я уже была в прошлый раз, показала на табурет у стола, сама села в свое кресло-качалку. Рея же ведунья оставила гулять во дворе.

— Я слушаю тебя. — Фригг выпустила несколько колечек дыма.

— Я хотела... — На миг я замялась, подбирая слова. — Хотела спросить у вас, может, все же возможно снять приворот, наведенный на лорда Реллингтона, каким-нибудь другим способом?

— Это ведь в тебя он влюблен, да? — прямо поинтересовалась Генриетта. — Ты его приворожила?

— Это вышло случайно, — вздохнула я с горечью. — И так немисливо глупо. Зелье заказала у меня подруга, чтобы приворожить своего возлюбленного, а я перепутала его с лекарством лорда Реллингтона. Оно было упаковано, понимаете? Я сразу даже не поняла, что отдала ему не то, что нужно. Еще и эта его просьба посмотреть, какого цвета у него глаза. У лорда пунтик на этом, понимаете? В общем, мы и взглядами обменялись как раз, когда я отдавала зелье. Все как «по инструкции». Просто наваждение какое-то. Дурной сон. До сих пор не могу понять, как меня угораздило перепутать эти зелья!

— Глупо, согласна. — Трубка Генриетты переместилась из одного уголка рта в другой. — Так что ты от меня хочешь?

— Помощи. — Я посмотрела на нее умоляюще. — Мне не хочется выходить замуж за лорда Реллингтона и уж тем более ложиться с ним в постель.

— Он тебе так противен?

— Нет! То есть не в этом дело! Для меня это в какой-то степени аморально. Я без чувств не могу. Во всяком случае, никогда так раньше не делала.

— Надо когда-то начинать, — хмыкнула ведунья. — Тебе вот сколько лет?

— Тридцать, — честно ответила я.

Фригг удивленно приподняла бровь и, наклонившись вперед, стала внимательно рассматривать мое лицо.

— Только не говори, что этот проходимец Коун вернул себе источник молодости, — заявила она через минуту.

— Какой источник молодости? — быстро ответила я. И покраснела, выдав себя с головой.

— Да ладно, мне можешь сказать, — усмехнулась Генриетта. — Давно?

— Недели две назад, — призналась я.

— Теперь понятно, куда Коун пропал, — хрипло хохотнула ведунья. — Уверена на все сто, что наакался молодильной водицы и пустился во все тяжкие. Куда подался? В столицу? Туда, точно туда. Там самые лучшие кабаки, бордели и игорные заведения. А это стихия Коуна. Ох и удачливый этот проходимец! Слушай, — она хлопнула себя по коленям, — а принеси мне пузырек этой воды молодильной. Я тебе помогу тогда.

— Поможете снять приворот с Реллингтона? — просияла я. Да за такое я хоть цистерну воды притащу! Еще и приплачу сверху.

Но категоричный ответ Генриетты вернул меня на землю:

— Нет. Я же сказала, что другого отворота не существует. Мне жаль, девочка, но, если хочешь снять этот приворот, тебе придется пойти под венец с Темным, а потом провести с ним ночь.

У меня внутри все упало.

— А если я этого не сделаю? — спросила тихо.

— Ничего хорошего не будет. — В голосе Генриетты послышалось сочувствие. — Действие приворота с каждым днем будет только крепнуть и все больше туманить разум лорда. Еще неделю-две, самое большее месяц он продержится в рассудке, сможет контролировать тягу к тебе, все-таки Темные куда крепче обычных мужчин, но потом... Он превратится в зверя. И поверь, я бы не хотела тогда оказаться на твоём месте.

Боже, чем дальше — тем хуже.

— В таком случае чем же вы мне собираетесь помочь? — Я чувствовала себя растоптанной.

— Сделаю для тебя одно зелье. У Коуна его рецепта точно нет. Это мое изобретение. Выпьешь его перед вашей с лордом брачной ночью — наутро забудешь все, что было. И не только в постели. Из памяти сотрется все, что так или иначе связано с приворотом. Ты не забудешь самого Реллингтона, просто не вспомнишь, что вас связывало помимо лекарства, которое ты ему делаешь. То есть для тебя все вернется в исходную точку.

— Но тогда я забуду и то, что вышла за него замуж, — с сомнением произнесла я. — А как же развод?

— Думаю, Реллингтон позаботится об этом сам, — усмехнулась Генриетта.

— Да, наверное... — От всех волнений у меня разболелась голова, и я принялась тереть виски. — Но все же я еще подумаю над вашим предложением.

— Как хочешь. А вот молодильная водичка мне бы очень пригодилась. — Из груди Фригг вырвался вздох сожаления.

— Тоже хотите омолодиться, как мастер, и пуститься во все тяжкие? — неловко пошутила я.

Но Генриетта на это расхохоталась.

— Я? Омолодиться? Мне и без этого неплохо живется. — И заговорила уже серьезней: — Хочу заработать. Есть у меня пара клиентов, которые мечтают продлить себе молодость. Я бы эту воду по капле добавляла в настой и продавала под видом лосьона. При умывании таким лосьоном омоложение будет проходить не так быстро, как если бы эту воду употребляли внутрь, а видимый результат появится лишь через несколько недель, поэтому никто не догадается, что именно входит в его состав.

— А ведь я тоже думала о подобном. — «Бизнес-идея» Генриетты несколько отвлекла меня от удручающих мыслей, и мозг заработал в другом направлении. — Только не о лосьоне, а креме для лица.

— Тогда почему бы нам не объединиться? — Ведунья достала трубку изо рта и хитро прищурилась.

— Но мастер... Он запретил мне даже упоминать об этом источнике.

— Пфф! — Генриетта закатила глаза. — А мы никому и не скажем. В дом-то к тебе все равно никто войти не сможет, чтобы проверить. Так как, будем партнерами?

— Пожалуй, я и над этим тоже еще подумаю, — уклонилась я от ответа.

— Ну, думай, думай. — Генриетта снова задыхалась трубкой.

Раздались торопливые шаги, и в дверях показался Рей, а следом за ним впорхнул рой белых бабочек.

— Что это? — изумилась я.

— Что именно? — насторожилась Генриетта.

— Бабочки. — Я показала на Рея, и тот будто испугался, а следом исчезло и мое видение.

Генриетта отложила трубку в сторону и внимательно на меня посмотрела.

— Ты уверена, что их видела?

— Уже нет. — Я снова глянула на Рея, который по-прежнему топтался в дверях. — Наверное, почудилось...

— Наверное, — задумчиво протянула Генриетта. А затем произнесла уже более деловым тоном: — Ну, если мы уже все обсудили, можешь идти. И подумай над моим предложением. Точнее, над обоими.

— Хорошо, подумаю. — Мне уже и самой отчего-то не хотелось здесь оставаться. Я поспешно поднялась и обратилась к Рею: — Идем?

— Рей пусть останется, — подала голос Генриетта. — Мне еще нужно с ним поговорить. И передать кое-что своей сестре.

— Ты дойдешь без меня? — спросил мальчик, словно извиняясь.

— Дойду, конечно, — заверила его. — Я дорогу запомнила. Не потеряюсь.

— Завтра приходите в лавку? — Рей смотрел на меня с надеждой.

— Приходите, — улыбнулась я. — Куда ж я без такого помощника?

Потом быстро попрощалась с ведуньей Генриеттой и поспешила покинуть ее дом.

ГЛАВА 19

Поход к ведунье внес в мою жизнь еще большую смуту. Казалось, я попала в какую-то паутину и чем больше дергалась, тем сильнее запутывалась. Я оказалась в тупике и к какому бы решению ни пришла, все равно лучше не станет. Например, стоило ли мне принимать предложение Генриетты и просить приготовить для меня ее зелье забвения? Конечно, забыть о Реллингтоне — отличное решение, но перед этим мне все равно придется пройти через унижение «первой брачной ночи». Снова попробовать сбежать? Это тоже проблемы не решит, а если верить Генриетте, то только усугубит. Время работает против Реллингтона, а заодно и против меня.

И еще. Мне не нравились мои видения. Да, я говорю о бабочках, которые летали вокруг Рея. Неужели они мне действительно померещились? Тогда отчего так насторожилась Генриетта и поспешила меня выпроводить? Да и у Рея был такой вид, будто я застала его врасплох. Нет, есть во всем этом какая-то странность. И тайны. Чем больше я открываю для себя Дарквэйт, тем больше на моем пути встает загадок. Как же мне хочется, чтобы мой контракт с Коуном поскорее закончился и я смогла вернуться домой в свой мир!

Переспав со всеми своими сомнениями ночь, утром я все же решила, что попрошу Генриетту сделать для меня зелье. Пусть будет на самый крайний случай как подстраховка. Да и идею с косметикой на основе молодильной воды тоже неплохо бы обдумать: не заработаю, так хоть отвлекусь от мрачных мыслей. Поэтому вечером после закрытия лавки я, прихватив бутылочку с водой из родника, направилась к Генриетте. Рея, который сегодня как ни в чем не бывало прибежал мне помогать, я отправила домой пораньше. В этот раз я хотела увидеться с его родственницей наедине.

Генриетта вовсе не удивилась моему приходу.

— Решилась? — сразу спросила она.

— Да, — ответила я и поставила перед ней на стол бутылку с молодильной водой.

— А что насчет партнерства?

— На этот вопрос тоже да. — Я улыбнулась.

— Я верила в тебя, девочка. — Ведунья тоже усмехнулась и затаилась трубкой особенно глубоко, отчего потом закашлялась. — И каков наш план?

— Еще обсудим. Сначала скажите мне, как долго будет готовиться ваше... Вернее, мое зелье?

— На днях заберешь. — Генриетта замахала рукой, разгоняя дым. — Вижу, еще о чем-то хочешь спросить.

— Да, в прошлый раз забыла. — Я показала ей запястье в обрамлении подарка Реллингтона. — Этот браслет заставил меня надеть лорд. Сказал, что будет следить за мной. Возможно, вы знаете, как его снять? У меня самой не получается.

Генриетта лишь глянула на браслет и сразу ответила:

— Нет, это магия Темных, я с ней плохо знакома. А что, разве он тебе сильно мешает, этот браслет?

— Нет, но... Неприятно чувствовать себя словно... заклеянной. Реллингтон уверял, что может теперь считать не только место, где я нахожусь, но и мои эмоции.

— Пусть считывает. — Генриетта беспечно пожала плечами. — Эмоции — не мысли. Ничего нового о тебе не узнает. Просто будь чуть сдержанней, и все. Пусть развлекается...

— Вы все время так спокойно говорите о Темных, будто не боитесь их, — заметила я с полуулыбкой.

— А я их и не боюсь, — ухмыльнулась ведунья. — Я уже слишком стара для страха. И лебезить тоже перед ними не собираюсь. Им до меня нет никакого дела, и мне тоже на

них плевать. И хватит уже о Темных. Давай лучше о нашем деле. Оно куда интересней.

Мы обсуждали наш «бизнес-план» почти до заката, и обе остались довольны. От Генриетты я выходила уже в сумерках, домой же добралась совсем затемно. Когда я открывала калитку, мне вдруг показалось, что сбоку мелькнула тень. Я резко обернулась, но никого не увидела. Тем не менее чувство, что за мной кто-то следил, не исчезло, и я поспешно забежала во двор. Кто это мог быть? Может, Реллингтон отправил шпионить за мной своего слугу? Тогда зачем дарил браслет? А если это Паттисон? Тоже вряд ли. По-моему, это ниже его достоинства. А может, все же показалось?

Несправедливо устроен мир. Любой, и Дарквайт не исключение. Здесь все так же: чем больше ты хочешь оттянуть какое-либо неприятное событие, тем быстрее оно к тебе мчится. Вот и я не успела оглянуться, как уже истекала вторая неделя с момента прошлого «подходящего» лунодня, у меня же так и не появилось разумных идей, как избежать свадьбы с Реллингтоном. Вернее, все, что появлялось, отменялось за нелогичностью или неоправданное безумство.

Зелье Генриетта мне все же сделала, и теперь оно стояло в пузырьке из красного стекла у меня на прикроватной тумбочке как напоминание о предстоящем мероприятии. Но я старалась вспоминать о нем лишь вечером, днем же с головой уходила в работу. За это время я уже так прикипела и к лавке, и к зельям, и к покупателям, что даже не могла представить, как буду все это покидать, когда придет час. К тому же на днях мы с Генриеттой запустили в продажу первую партию нашей «омолаживающей» косметики, которая сразу же стала пользоваться ошеломляющим успехом у дам, и не только.

Из-за хлопот в лавке я меньше виделась с Паулой. Впрочем, у нее сейчас тоже не было свободного времени: близился праздник Черной розы, который в Дарквайте был чуть ли не главным в году, поэтому все ринулись шить наряды. Рей, наоборот, частенько приходил ко мне помогать, за что я была ему благодарна.

Что касается Темных, то ни один, ни второй все эти две недели не показывались, только раз в три дня приходил Джо за лекарством для своего лорда. Браслет тоже никак не проявлял себя, порой я даже забывала, что он на мне надет. Правда, однажды, когда в зале не было покупателей, я отлучилась в подсобку, а когда вернулась, то заметила в воздухе остатки черного дыма. Это был явно след от Темного, но чей именно, я так и не узнала.

И вот сегодня будущее почти заглянуло мне в глаза, готовясь вот-вот стать настоящим. Перед самым закрытием в лавку пожаловал Джо с говорильником от Реллингтона. Судя по тону лорда, он все так же пребывал в гневе, а его послание не оставляло никаких надежд, что свадьба завтра отменится. У меня же впереди была только ночь, чтобы придумать серьезный повод на нее не явиться.

Я долго бродила по улицам, прежде чем вернуться домой. Мысли были какими-то вялыми и вязкими, и в какой-то момент накатила апатия. Я вдруг поняла, что устала. Устала думать, выкручиваться, искать иные пути.

«Просто не выйду из дома, и все. — В конце концов я решила пойти по пути наименьшего сопротивления. — Воспользуюсь советом самого Реллингтона. Пусть попытается меня выманить, а там посмотрим...»

Я некоторое время бездумно слонялась по дому, не зная, чем себя занять. Не хотелось ни спать, ни есть. Разве что напиться от безысходности. Я представила, как Реллингтон ведет меня под венец пьяненькую, и у меня вырвался истеричный смешок. Вот будет беситься еще больше прежнего! И первая брачная ночь пройдет веселее. Если я не усну в самый ответственный момент.

Что ж, умирать, так с песней! Я спустилась в кухню, достала из буфета едва початую бутылку рома, объемный кувшин, содовую, лимон... Думаю, не стоит дальше объяснять, чем решила побаловать себя напоследок перед часом «х», так сказать. Конечно, я сделала себе мохито, чуть ли не бадью. Все равно сегодня не сумею заснуть, так хоть

ночь скоротаю за кувшином любимого коктейля. Я взяла из спальни плед, закуталась в него, забралась с ногами на стул, наполнила стакан коктейлем и, потягивая его по глоточку, стала отстраненно пялиться в окно на безлюдную улицу. Когда с первым стаканчиком было покончено, а в груди уже чуточку потеплело, я налила себе новую порцию, но пригубить так и не успела: прямо у моего забора наметилось движение. Благодаря фонарю, что отбрасывал свет аккуратно на пяточок у калитки, я заметила первые признаки появления Реллингтона еще до того, как он полностью материализовался.

Паника накрыла меня с головой. Мысли заметались, тело же словно одеревенело. Я могла лишь отрывисто дышать и безотрывно смотреть на Темного. Он тоже видел меня: в окне залитой светом кухни я была как на ладони. Я ощущала его взгляд на себе, пристальный и прожигающий насквозь.

«Он не сможет войти, — начала повторять я себе как заведенная. — Дом его не пустит. Я в безопасности. В безопасности... В безопасности».

Реллингтон между тем с усилием надавил на калитку, и та вдруг поддалась. Сердце захлебнулось страхом. Нет, этого не может быть... Не может быть... И все же было. Реллингтон, точно в замедленной съемке, сделал шаг вперед и ступил на территорию дома. Мой разум отказывался верить в происходящее. Он вошел? Но как? Как у него это получилось? Дом, ты больше не защищаешь меня? Дом отказывался отвечать, а Реллингтон неумолимо приближался. Он шел медленно, покачиваясь и чуть наклонившись вперед, будто преодолевал сильнейшее сопротивление. Иногда останавливался на секунду-другую, но потом упорно продолжал идти дальше, к крыльцу. Ко мне.

А я с ужасом ждала его появления, не в состоянии даже двинуться с места. Входная дверь с грохотом открылась, и шаги Реллингтона уже слышались в прихожей. Я вздрогнула, когда дверь в кухню тоже распахнулась, и воззрилась на Реллингтона. Его лицо было болезненно-бледным, а лоб покрывала испарина. Похоже, путь от калитки до дома дался ему нелегко, вон как взмок, бедный, и дышит тяжело, хрипит. Пошатываясь, он дошел до стола, схватил мой стакан с мохито и осушил его в два глотка.

— Что вы здесь делаете, милорд? — У меня вдруг прорезался голос, правда, получился тоненьким и жалобным, как у младенца.

— Пришел за вами, — просипел Реллингтон и трясущейся рукой потянулся за кувшином. — Посчитал нужным забрать вас к себе сегодня, чтобы не повторить ошибку прошлого раза.

— Вам плохо? — спросила в порыве, наблюдая, как он с трудом пытается наполнить стакан вновь.

— Я в порядке, — получила тихий, но категоричный ответ. — Собирайтесь.

И снова стакан был опустошен в мгновение ока.

— Там алкоголь, — зачем-то предупредила я.

— Я заметил. — Он метнул на меня взгляд и уперся ладонями в стол, удерживая равновесие.

Да ему все хуже и хуже... Неужели это он так борется с домом? Боюсь, подобными темпами Реллингтон проиграет. Он уже едва на ногах держится, а что будет дальше? Лишится сознания, сил? Или дом его вовсе сживет со свету? Наверное, я должна была наслаждаться этим поражением Темного, но не могла.

— Уходите отсюда, — сказала ему мягко.

— Я пришел за вами, — повторил он.

Вот же упрямый!

— Вы готовы пожертвовать своей жизнью ради снятия приворота?

Он ничего не ответил, лишь тяжело глянул на меня исподлобья.

— Хорошо, я сейчас.

Я наконец приняла решение, тем более уже давно была готова к этому, оставалось лишь набраться храбрости и сделать последний шаг. Сама заварила эту кашу, сама и буду ее расхлебывать, пусть и единственным возможным способом. В конце концов, Реллингтон в этой ситуации всего лишь жертва. Жертва моей ошибки. И исправить ее могу только я сама.

Я поднялась в свою комнату и взяла пузырек с зельем забвения. Ну что, все же придется им воспользоваться... Больше ничего с собой не брала, только сумку и зелье. Если все пройдет, как задумывалось, послезавтра утром я уже вернусь в дом мастера. Напоследок зашла в лабораторию и прихватила лекарство для Реллингтона: завтра день его приема.

Реллингтон уже не стоял, а сидел, привалившись к спинке стула, но при моем появлении тотчас начал подниматься.

— Могли бы подождать меня за калиткой, — со вздохом заметила я.

И снова в ответ лишь тяжелый взгляд и молчание.

Я позволила ему выйти из дома первым. Хотела предложить помощь, но сдержала и этот порыв. Полагаю, Реллингтон его не оценил бы.

На улице нас ждал автомобиль с Джо. Реллингтон, выйдя за калитку, сделал глубокий вдох и расправил плечи.

— Садитесь, — приказал мне уже более твердым голосом.

Джо вышел из машины и открыл мне заднюю дверцу. Затем сделал то же самое, но с другой стороны для лорда. Надо же, сегодня он решил сесть со мной? Бойтесь, что сбегу?

— Покажите ваш браслет, — внезапно произнес Реллингтон.

Я неуверенно протянула ему руку с его «подарочком». Он лишь прикоснулся к браслету, и тот сразу оказался в его ладони. Реллингтон сжал его в кулаке и угрожающе произнес:

— Не смейте меня жалеть. Никогда, слышите? — И с этими словами вышвырнул браслет из машины.

ГЛАВА 20

Район Темных утопал в сиреневых огнях, что неожиданно. Не думала, что они жалуют освещение в таком количестве, казалось, совсем наоборот, стремятся избегать его, а тут — настоящая иллюминация. Особняк Реллингтона не был исключением: из окон лился свет, а во дворе и у крыльца мерцали фонарики.

В холле нас встречали две служанки. Одна из них была та самая брюнетка, которую я уже видела в прошлый мой приход сюда.

К ней-то и обратился Реллингтон, проходя мимо:

— Берта, проводи госпожу Лию в гостевую комнату. — И бросил уже мне: — Темной ночи. Завтра будьте готовы к одиннадцати.

— Следуйте за мной, госпожа, — произнесла Берта надменным тоном и первая направилась к лестнице.

Напряженная спина и вздернутый подбородок выдавали ее недовольство ситуацией. Похоже, мое появление в доме не вызвало ни у кого восторга. Впрочем, какая мне разница? Я здесь не задержусь надолго, а потом и вовсе забуду обо всем и всех, в том числе и об этой нелюбезной Берте.

— Принести вам чаю, госпожа? — поинтересовалась она уже в спальне.

— Пожалуй, не откажусь. — Я постаралась улыбнуться, но ответной улыбки не получила.

Обещанный чай Берта принесла быстро, поставила поднос на туалетный столик и молча удалилась, оставив меня одну. Я взяла чашку и присела на край кровати, большой, мягкой, с тяжелым плотным балдахином изумрудного цвета. На ней ли пройдет наша первая (и последняя) брачная ночь с Реллингтоном или придется идти к нему в спальню? И будем ли ждать вечера или сделаем все сразу после возвращения из храма? Правильно говорят: ожидание смерти подобно. Как же я мечтаю, чтобы весь этот абсурд поскорее закончился!

Мой взгляд случайно упал на запястье, которое последние две недели украшал браслет, а теперь вместо него на коже остался лишь тонкий розоватый след. Неужели Реллингтон и правда благодаря ему почувствовал мою жалость? Но даже если и так, то зачем злиться? Какой же он все-таки странный, непредсказуемый и... мятежный. Интересно, это из-за того, что с ним произошло, или он таким родился?

Я долго ворочалась в постели, прежде чем заснуть. Из-за волнения перед предстоящим событием разболелась голова, сердце время от времени замирало, а после в страхе ухало вниз. Утро я встретила разбитой и все с той же головной болью. Берта принесла завтрак и отправилась готовить мне ванну, потом предложила было помощь в мытье, но я отказалась. Приняла ванну сама, позволив себе понежиться в теплой воде чуть подольше и тем самым оттянуть время, которое, казалось, ускорялось с каждой минутой. Когда я все же вернулась в спальню, то в первый миг застыла как вкопанная: на кровати лежало платье, судя по белому цвету и роскошной вышивке бисером, — свадебное.

— Ну и зачем оно мне? — вырвалось у меня удивленное.

Я раньше и не думала наряжаться на эту фальшивую церемонию. Хотелось побыстрее ее пережить — и все. А мой внешний вид в этот момент меня вовсе не волновал.

— Милорд приказал помочь вам одеться, — отозвалась вновь появившаяся Берта, на этот раз с белыми туфлями на изящном каблукке. — И попросил вас поторапливаться. Он раздражен и нервничает, поэтому вам лучше не игнорировать его приказ.

Мне вновь не понравился ее пренебрежительный, с ноткой язвительности тон. И что я ей сделала, чем заслужила такое отношение? Или слуги переняли манеру общения у хозяина?

— Я сама оденусь, спасибо, — ответила ей тоже не так приветливо, как прежде.

— И шнуровку тоже сами затянете? — Берта усмехнулась.

А вот тут она права: в этом мне точно понадобится помощь.

Придется ее принимать от этой неприятной особы.

Берта шнуровала платье нарочито резко и грубо, всем видом демонстрируя, как ей это не нравится делать. Время от времени я ловила в зеркале ее взгляд, переполненный злобой. И тогда у меня начали закрадываться догадки, что дело здесь не только во мне, но еще и в Реллингтоне. Уж очень это походило на типично женскую ревность. Выходит, Берта имеет какие-то виды на своего милорда, возможно, он даже сам давал ей для этого повод, оттого она и взбесилась, решив, что я ее соперница. Глупышка... Не нужен мне Реллингтон, как и я ему. К сожалению, и Берта ему тоже не нужна. Мне уже неоднократно дали понять, что Темные не рассматривают обычных женщин в качестве своих пассий. Ну а пара «хозяин-служанка» и вовсе заведомо обречена, в каком бы времени и мире она не возникла. Если только для легкой интрижки... А нужны ли Реллингтону эти интрижки?

Дверь бесшумно открылась, и на пороге возник Джо.

— Милорд ждет вас внизу, госпожа, — сообщил он мне. — Не задерживайтесь.

— Я почти готова, — кивнула ему, затем забрала у Берты расческу. Еще, чего доброго, повыврывает мне волосы. — Причешусь сама, спасибо. Можешь идти.

Та молча удалилась, а я попыталась изобразить прическу под стать платью. Но удалась мне лишь моя любимая скромная ракушка, которую я украсила шпильками с жемчужными «головками». Вполне симпатично. Еще пару штрихов макияжа, благо косметичка была при мне, — и я готова к собственной «свадьбе». Знала бы, что буду выходить замуж при таких обстоятельствах, да еще и в роли невесты-одногодневки, наверное, не поверила бы. Но судьба любит шутить и поучать нас. И возможно, если мне выпало такое испытание, значит, это для чего-то нужно...

Реллингтон мерил шагами холл, но при моем появлении на лестнице остановился.

— Быстрого утра, милорд, — произнесла я, осторожно спускаясь по ступенькам. — Не стоило тратить на это платье, я вполне обошлась бы своим нарядом.

— Без белого платья вас не допустили бы к алтарю. Это формальность, — ответил Реллингтон, демонстрируя мне тем самым, что в его поступке не было и толики доброго намерения, лишь необходимость. — Можете потом его выбросить.

— Сделаете это сами, милорд, — сказала я, поравнявшись с ним. — Это ваше имущество, я не имею права им распоряжаться. Мы можем идти?

— Безусловно. — Он сделал знак Джо, и тот поспешил распахнуть входную дверь.

В этот раз кабриолет обзавелся крышей и тонированными стеклами, что я восприняла положительно: мне, думаю, как и Реллингтону, не очень хотелось афишировать этот вынужденный брак на один день перед горожанами. Но я все же не удержалась от замечания:

— В позапрошлый лунодень, насколько я знаю, вы вели себя не столь осмотрительно, милорд. Готовы были отвести меня в храм без свадебного наряда и не стеснялись ждать на крыльце.

— Вы действительно хорошо осведомлены. — Реллингтон бросил на меня быстрый взгляд. — И да, в этот раз я подготовился лучше.

— Тогда, милорд, может, не стоит жалеть, что наша прошлая попытка пожениться сорвалась? Как говорят в нашем мире: все, что ни делается, все к лучшему.

— Ваша ирония неуместна, — холодно осадил меня он.

— Ладно, тогда давайте побеседуем о деле. — Я тоже пыталась говорить сдержанным тоном. — Я хочу гарантий, что наш брак будет расторгнут, как только мною будет

выполнены все обязательства перед вами. И что вы не пожелаете уничтожить меня физически, когда приворот будет снят.

— Откуда такие мысли? — Реллингтон едва слышно хмыкнул.

— Возможно, вы захотите избавиться от свидетеля вашего позора, — прямо ответила я. — Вы ведь так воспринимаете случившееся с вами? Поэтому, как говорят в моем мире: нет человека — нет проблемы.

— Смотрю, в вашем мире что-то вообще любят поговорить.

Теперь уже я удивленно на него покосилась: а милорд, оказывается, тоже умеет шутить и язвить.

— Вы не доверяете мне? — продолжил он.

— Первое, чему меня научили по прибытии в Дарквайт: бояться Темных. И соответственно не доверять им.

— Не похоже, что вы следуете первому совету. — Реллингтон поиграл желваками. — Слишком дерзко себя ведете. За это и правда вас может ждать расправа.

— Значит, признаете, что хотели от меня избавиться?

— До этого момента у меня таких мыслей не было. Но вы заставили меня задуматься над этим. — Я уловила на его губах мимолетную улыбку.

Снова шутит? Я тоже невольно усмехнулась.

— Ладно, признаюсь вам кое в чем, — произнесла со вздохом. — Возможно, это остановит вас от расправы надо мной. Я намерена выпить зелье, которое поможет мне забыть наутро все, что связано с нашим браком. Именно поэтому я хочу получить гарантии развода заранее, поскольку потом, возможно, ничего не буду помнить. Представляете, как я удивлюсь, узнав, что являюсь вашей женой?

— Вы забудете вообще все? — спросил Реллингтон с непонятым выражением.

— Все, что связано с любовным зельем, свадьбой и... вторым неперенным условием снятия приворота. Вас помнить я буду. И о вашем лекарстве тоже, на этот счет можете не волноваться, милорд. Кстати, не забудьте его сегодня принять. Я вчера прихватила порцию.

Он кивнул, а после сказал:

— Хорошо, после церемонии там же, в храме, и составим договор. Поскольку вы все можете забыть, его подпишете сразу, а я — как только будет снят приворот. Не переживайте, я сделаю это непременно. Это я обещаю перед всеми богами. Они не позволят нарушить слово.

Автомобиль остановился не у парадного крыльца храма, а с противоположной от него стороны. Реллингтон и тут вспомнил о конспирации. Священник в рясе, расшитой золотом, уже ждал нас у черного хода.

— Храм пуст и закрыт, милорд — сообщил он. — Можно начинать церемонию.

Джо не сопровождал нас с Реллингтоном, остался в автомобиле. Мы проследовали за священником через длинный коридор и оказались в главном зале, только со стороны алтаря. Теперь я смогла чуть лучше рассмотреть белые статуи, повернутые лицом к стене: девушка, совсем юная, держала на ладони яблоко, мужчина рядом с ней, тоже молодой, с улыбкой смотрел куда-то вверх. Серая фигура вблизи и вовсе уже не казалась однозначно мужчиной: тело скрывал объемный плащ, а на лицо падала тень от капюшона, размывая черты. В руках серый человек держал книгу. Черная пара выглядела более зрелой, суровые взгляды обоих были устремлены вперед. У женщины в руках находились песочные часы, у мужчины — меч.

— Прошу сюда, — суетливо позвал нас священник, показывая на широкую ступеньку у

алтаря.

Сам он поставил на алтарь чашу, которая сразу задымила черным, и начал монотонно читать какую-то молитву, эхом разносившуюся под сводами храма. С нами же в этот момент ничего особенного не происходило: мы с Реллингтоном просто стояли друг напротив друга и старательно избегали встречаться взглядом.

— Осталось соединить вашу кровь, и ритуал будет завершен, — произнес священник и протянул Реллингтону длинную тонкую иглу.

Он взял ее и бесстрастно вонзил в указательный палец. На месте укола сразу набухла кровавая капля, которую лорд с легким пренебрежением смахнул в чашу. Внутри нее сразу что-то зашипело, а дым зачался сильнее. Это длилось всего несколько секунд, затем все пришло в прежнее состояние, а игла, предварительно омытая в кубке с водой, перекочевала ко мне. Уколоть себе палец, оказывается, не так просто. Пришлось досчитать до десяти, прежде чем решиться на это. Я задержала дыхание и быстрым движением проткнула кожу пальца. Когда моя капля крови упала в чашу, из нее неожиданно вырвался целый столб дыма, а вокруг заплясали частички горящего пепла. Прямо как вулкан. Священник, похоже, был поражен этим выхлопом не меньше нас с Реллингтоном и даже отпрянул в сторону, точно испугался.

— Что-то не так? — спросил Реллингтон.

Но дым в этот момент стал рассеиваться, и священник энергично замотал головой:

— Нет-нет, все в порядке, милорд. Просто боги чересчур эмоционально среагировали на ваш союз. Но теперь уже все хорошо, они одобрили его. — Он говорил быстро и старался быть убедительным, однако в голосе слышалась едва заметная фальшь. — Поздравляю, вы теперь законные супруги перед богами.

Реллингтон коротко кивнул и сообщил ему невозмутимо:

— Нам еще нужна бумага о будущем разводе. Приготовьте ее сейчас же, мы подождем.

ГЛАВА 21

Бумага о будущем разводе тоже скреплялась кровью, хорошо, что ранка на моем пальце еще не успела затянуться и не пришлось втыкать себе иголку снова. Выполнив все необходимые процедуры, священник вручил документ Реллингтону. На меня же он поглядывал с некой опаской и подозрением, будто пытался уличить в чем-то. Я списала это на неравность нашего с лордом брака: все-таки Темные крайне редко женятся на простых девушках, а тут еще и документы о скором разводе...

На обратном пути я несколько раз перечитала договор, стараясь не упустить ни одной детали.

— Вы довольны? Все в порядке? — спросил меня Реллингтон с раздражением. — Долго еще будете изучать бумаги?

— Вроде все в порядке. — Я отдала ему документ. — Если только там прописаны все нюансы. Вдруг вы что-то решили от меня скрыть?

Реллингтон на это закатил глаза и отвернулся.

Остаток пути проехали в молчании. В холле нас вновь ждала Берта.

— Обед скоро будет подан, милорд, — пропела она. И зыркнула с ненавистью в мою сторону.

Я сделала вид, что не заметила этого, мысленно же решила, что больше ни на метр не подпущу к себе эту девицу.

— Накройте на двоих, — приказал ей Реллингтон. — Госпожа Лия тоже будет обедать в столовой.

Надо же! Меня сегодня еще ждет свадебная трапеза! Прямо аттракцион невиданной щедрости от Реллингтона!

— Не будете против, если я переоденусь к обеду? — спросила у него, когда мы вместе поднимались по лестнице.

— Мне все равно. — И в подтверждение словам такой же равнодушный тон.

— Можно попросить еще об одной просьбе, милорд?

— Можно.

— Не могли бы вы выделить мне вместо Берты другую служанку? А лучше вовсе ко мне никого не отправлять в помощь. Я справлюсь сама.

— Берта вас чем-то обидела? — Реллингтон чуть прищурился.

— Нет, но...

Лорд не дал мне договорить:

— Хорошо, я разберусь с ней. Если понадобится помощь, зовите Клару.

— Благодарю, милорд.

На этом мы разошлись по комнатам, а встретились вновь уже в столовой. Мраморные стены, мраморный пол и даже стол из мрамора. Прямо музей какой-то. Хорошо еще, что стулья не из камня, а вполне себе мягкие и удобные. Запеченная птица, жареный окорок, фаршированная рыба, подливы, овощи, вино — яства одно за другим выставлялись на стол, я же даже представить не могла, что все это возможно не то что съесть, а хотя бы попробовать. Но Реллингтон и не спешил все это поглотить, ел медленно, аккуратно орудуя ножом и вилкой. Я тоже попыталась «включить» аристократку и резала предложенный мне стейк на такие маленькие кусочки, что мне позавидовала бы мясорубка.

Но, по правде говоря, есть мне совсем не хотелось. Все мои мысли были заняты предстоящим исполнением супружеского долга. Как я ни старалась расслабиться и настроить себя на позитив, внутри все больше сжималась пружина страха, а от напряжения сводило пальцы ног и рук.

— Когда перейдем к главному? — не вытерпев, поинтересовалась я у Реллингтона.

— Вы о десерте? — Он сделал глоток вина из бокала.

— Для кого как. — Я спрятала руки под стол и стала растирать похолодевшие пальцы. — Хотя, по мне, это скорее рыбий жир. Не хочется пить, но надо.

До Реллингтона, кажется, только сейчас дошел смысл моих слов. Он едва не поперхнулся вином и торопливо отставил бокал в сторону. Промокнул салфеткой губы и произнес:

— Мне, конечно, тоже не терпится покончить со всем этим поскорее, но все же давайтеждемся вечера. В девять вас устроит?

— Давайте в девять. — Я кивнула. И тут же задала новый вопрос: — У вас или у меня? В смысле в спальне, которую вы мне выделили.

Реллингтон с минуту раздумывал, затем ответил:

— Я сам приду к вам.

— Хорошо, как будет угодно. — Я снова кивнула.

Остаток обеда прошел скомканно. Я быстро доела предложенный мне десерт и поспешила уединиться в комнате.

Это были невыносимые часы ожидания. Я то бродила из угла в угол, то лежала ничком на кровати, уткнувшись в подушку, то бездумно пялилась в потолок. Хотя мысли все же были... Например, о том, как обрести нужный настрой, чтоб в процессе уж совсем не было худо. Вот насколько проще и легче мужчинам: посмотрел фильм для взрослых — и уже готовенький! Даже чувства подключать не надо, тело само все сделает за тебя. Хоть бы романчик какой женский почитать с пометкой «18+», может, фантазия лучше бы заработала. Но где его взять? А так... Представляй что-нибудь «эдакое», не представляй — желание категорически отказывается выходить наружу. Мое либидо, похоже, ударило в бег. И ведь Реллингтон объективно хорош собой и, по идее, на раз-два должен пробуждать в женщинах необходимый градус вожделения, но внутри меня живет та самая глупая романтическая царевна, которая не перестает орать песенку: «А я по любви, по любви хочу!» И пусть Реллингтон хоть стриптиз передо мной станцует, боюсь, я останусь так же холодна.

Что ж, похоже, придется просто закрыть глаза и... Нет, не получить удовольствие, а перетерпеть.

В половине девятого пришла служанка, но, к счастью, не Берта, а другая, кажется, Клара. Принесла мне черную кружевную сорочку и такой же черный пеньюар. Белье, конечно, далекое по атмосфере от классической первой брачной ночи, но у Темных свои предпочтения. И после вновь принятой ванны я вынуждена была в него облачиться.

Реллингтон оказался пунктуальным, вырос на пороге ровно в девять. В отличие от меня он несильно готовился: снял только пиджак и жилет, оставшись в одной рубашке и брюках.

— Темного вечера, — произнес он хрипло и стал расстегивать рубашку.

Вот так сразу? Сердце заколотилось как сумасшедшее, даже в висках застучало.

— Зелье! — вспомнила я о самом главном и бросилась к столику, где стоял подарок Генриетты. — Мне же нужно его выпить! Кстати, я же и вам ваше лекарство не отдала. Что ж вы не спрашиваете о нем, милорд?

— Выпью после. Пейте уже вы скорее ваше зелье. Только не перепутайте снова.

— Не перепутаю. — Мои щеки стали горячими. — Они даже по цвету отличаются.

Я откупорила красный флакончик ведуньи и быстро выпила из него все содержимое. Кисленько, похоже на конфету «барбариска».

— Все?

— Да, все. — Я повернулась к Реллингтону. — Завтра утром, пожалуйста, позаботьтесь, чтобы я без проблем добралась домой. Придумайте что-нибудь вразумительное, чтобы я поверила, как оказалась в вашем доме.

— Придумаю. — Рубашка Реллингтона оказалась на полу, а мой взгляд уперся в его обнаженную грудь.

Да уж... Теперь, наверное, моя очередь... Я стянула с себя пеньюар и тоже позволила ему упасть на пол. Реллингтон сделал шаг ко мне, оказавшись совсем близко, я же занервничала еще больше. А он уже опускал руки мне на плечи...

Ну а дальше я сама толком не поняла, что произошло. Едва его ладони коснулись моей кожи, между нами прошел разряд тока, да такой силы, что Реллингтона отбросило от меня на несколько метров.

Я охнула и прижала руки к груди.

— С вами все в порядке? — спросила Реллингтона, который в этот момент пытался подняться на ноги. Он был в не меньшем смятении, чем я.

— Кажется, да. — Лорд посмотрел на меня настороженно.

— Что это было? — Мой голос дрожал, как и руки. — Почему так произошло?

— Я сам не понимаю. — Реллингтон вновь приблизился ко мне. — Давайте попробуем еще раз.

Он попытался дотронуться до моего лица, но результат оказался предсказуем — его шарахнуло током. Только на этот раз лорду удалось устоять на ногах.

— А что чувствуете вы? — спросил Реллингтон уже меня.

— Ничего, — призналась я растерянно. — Ничего такого... Даже разряд не ощущаю.

— Теперь вы до меня дотроньтесь.

Я осторожно коснулась его груди, и на кончиках моих пальцев тут же заискрились молнии. Реллингтон поморщился, переживая боль, и отступил на шаг.

— Помните, нечто подобное уже было? — произнесла я. — Разряд тока, слабенький, правда. Когда я отдавала вам зелье еще в первый раз.

— Помню. — Реллингтон озадаченно потер переносицу.

— Только тогда я чувствовала его. И вы тоже, так ведь?

Он задумчиво кивнул.

— Тогда почему сейчас все по-другому? — Я обессиленно опустилась на кровать.

— Понятия не имею. — Реллингтон поднял с пола свою рубашку, затем мой пеньюар. — Одевайтесь.

— Вы хотите сказать... — Я снова растерялась. — Мы не будем продолжать? В смысле больше пробовать...

— Сомневаюсь, что в таких условиях что-то выйдет. — Спокойствие Реллингтона было обманчивым: вены на его шее вздулись, взгляд потемнел, а движения стали чересчур резкими. — А ведь я только прикоснулся к вам, что было бы дальше?

— Но в таком случае... Как нам быть? И... Черт! Я же зелье забвения выпила! — пришла я в еще больший ужас.

— Демоны, — тоже тихо выругался Реллингтон сквозь зубы. — Получается, вы завтра утром еще и забудете все?

— Выходит, так, — расстроено выдохнула я.

На миг вокруг Реллингтона вспыхнул черный ореол, но он быстро взял себя в руки.

— Собирайтесь, едем к этой ведьме. — Он стал надевать рубашку.

— Сейчас? — Я бросила взгляд на настенные часы. — Но не поздно ли?

— Поздно будет, когда вы все забудете. — Реллингтон нервно застегивал пуговицы. — Тогда уж точно придется переходить к крайним мерам, чтобы уложить вас в постель.

— То есть я еще должна быть вам благодарна, что вы пока к ним не переходите? — Мне вдруг стало обидно и горько. — По-моему, я и так здесь нахожусь против своей воли, от безысходности. Куда уж еще крайнее? Привяжете меня к кровати, возьмете силой?

— Если понадобится, привяжу.

— Ну да, только тогда не забудьте надеть защитный костюм из резины, — не удержавшись, съязвила я.

— Какой костюм? — не понял он.

— Защитный, который не проводит электричество, — повторила я уже с нервным смешком, представив Реллингтона в таком образе. — Чтобы молнией не задело, когда будете брать меня силой.

Мой новоиспеченный муж шутки не оценил, пригвоздил взглядом и отчеканил:

— Одевайтесь скорее. Или вы собираетесь ехать к Фригг в таком виде?

— Тогда выйдите, — ответила ему в том же тоне. — Не буду же я переодеваться при вас?

Реллингтон недовольно прищелкнул языком, но послушался и покинул спальню. Ну а я тут же бросилась одеваться. Мне тоже не терпелось поскорее увидеть Генриетту, чтобы узнать, как быть с зельем забвения. Вдруг проявится какой-то побочный эффект? А еще и этот электрический разряд... Что он значит? Почему он помешал нам с Реллингтоном исполнить задуманное? Нет, я, конечно, не сильно расстроена и даже рада такой отсрочке, но вот Реллингтон... Он и без того в ярости, а тут еще и приворот с каждым днем портит его характер все больше.

Несмотря на поздний час, в доме Генриетты горел свет. Увидев нас во дворе, она удивленно вздернула бровь, но без лишних слов впустила в дом. Я уже по-своему присела на табурет у стола, Реллингтон же остался стоять неподалеку с каменным лицом.

— Чем обязана? — спросила Генриетта, поднимая со стола трубку и заталкивая в нее табак.

Я кашлянула и призналась:

— Мы сегодня поженились.

— Мои поздравления. — Тон ведуньи оставался ровным.

— Но приворот пока снять не удалось. — Я быстро посмотрела на Реллингтона.

— Кому не удалось? — Генриетта тоже посмотрела на лорда, только многозначительно и с легкой усмешкой.

Но он опять переложил обязанность говорить с ведуньей на меня.

— Произошло нечто странное... Нам помешала... Молния, — объяснила я. — Она не дает милорду прикоснуться ко мне.

В глазах Генриетты вспыхнул интерес, а на губах заиграла легкая улыбка.

— Молния не дает прикоснуться? Или ты не даешь?

— При чем тут я? — Мой взгляд вновь метнулся к лорду.

— При том. От кого исходят разряды? Только от тебя или от милорда тоже? Покажите, как это выглядит.

— Прямо здесь? — Мне стало неловко.

Зато Реллингтон не стал медлить, подошел ко мне, положил руку на плечо. Вспышка, удар — и он уже пытается удержать равновесие, прислонившись к стеллажу с книгами.

— Вот так это выглядит, — прохрипел Реллингтон, потирая грудь.

— Что я и говорила. — Генриетта сделала затяжку. — Это все только из-за тебя, Лия. Ты противилась близости с милордом.

— Нет... Почему же... — залепетала я, но еще больше сникла под тяжелым взглядом Реллингтона. — Но откуда вообще взялись эти разряды? Я же не обладаю никакими способностями. Я обычный человек, да еще и не из вашего мира!

— Ну, насчет твоей обычности — спорный вопрос, — тихо, почти себе под нос, проговорила Генриетта. — Дарквэйт не пускает к себе обычных.

— Я не понимаю, о чем вы! — Я была уже на взводе, Реллингтон же помрачнел еще больше.

— Как нам решить эту проблему? — В его голосе слышалась угроза.

Похоже, моя «необычность» волновала его меньше, чем сорванная процедура отворота.

— Ждите. — Генриетта помахала трубкой. — И попытайтесь расположить Лию к себе. Теперь все зависит от нее и ее отношения к вам.

— Это абсурд! — рыкнул он, сжимая кулаки. — Предлагаете мне заискивать перед ней? Унижаться?

— А разве расположения можно добиться, только унижаясь и заискивая? — резонно заметила ведунья. — Тем более теперь она ваша супруга. Можно с ней быть и поласковой.

— Ты думаешь, что говоришь, ведьма? — Реллингтон уже пыхтел от злости. — Помнишь, с кем разговариваешь?

— Помню. — Ее взгляд стал непривычно жестким. — Забудешь тут...

— Э-э-э, прошу прощения, — я решила встрять в напряженную перепалку этих двоих, пока кто-то из них не взорвался окончательно, — Генриетта, но есть еще одна проблемка. Зелье-то ваше я выпила. Получается, зря. Что со мной будет?

— Ничего не будет. — Генриетта открыла шкаф со своими запасами, взяла оттуда банку с какими-то сушеными красными ягодами, высыпала несколько штук себе на ладонь и протянула мне. — Съешь. Это болотная вишня, она отменит действие того зелья.

Я быстро положила ягоды в рот и сжевала их.

— Новое зелье варить? — спросила она меня после.

Я обменялась взглядом с Реллингтоном и кивнула.

— Варить.

- Варить, — подтвердил Реллингтон, не отрывая от меня глаз. И сказал уже снова мне:
- Идемте. Нам больше здесь делать нечего.
- Лия, послушай, — уже у выхода успела шепнуть мне Генриетта, — нам нужно срочно поговорить. Приди ко мне при первой возможности.
- Это касается нашего крема? — спросила я, хотя знала, что ответ будет отрицательным.
- Нет. Это касается тебя.

ГЛАВА 22

— Мы едем обратно в ваш особняк, милорд? — нарушила я молчание, царившее в автомобиле с того самого момента, как мы покинули дом Генриетты.

— Да.

— Но какой в этом смысл? Все равно у нас...

— Вы будете жить в моем доме столько, сколько потребуется, — перебил меня Реллингтон, потирая висок.

— Вообще-то, я не рассчитывала на столь длительный переезд. — Я тоже изменила тон на более твердый. — Даже из вещей ничего не взяла. И потом, что насчет лавки? Я не собираюсь ее бросать, имейте в виду. Она должна работать, ведь это входит в мои обязанности, и за нее я отвечаю перед мастером Коуном. Опять же лаборатория... Кто будет делать зелья и настои? В том числе и ваше лекарство.

— Хорошо, работайте в своей лавке, делайте зелья, но ночевать будете возвращаться в мой дом. — Реллингтон теперь массировал оба виска, а на лбу его выступили капельки пота.

— Вам плохо? — Я посмотрела на него с беспокойством. — Это из-за вашего недуга? Вы ведь так и не выпили лекарство.

— Приедем — выпью. — Он демонстративно отвернулся от меня и переплел руки на груди. — И перестаньте мне об этом напоминать. Я не нуждаюсь в вашей заботе.

— Делать мне больше нечего, как проявлять о вас заботу, — фыркнула я с напускным возмущением. И тоже отвернулась.

Так остаток пути мы снова промолчали и даже взглядом не обменялись. Уже оказавшись в особняке, я первая взбежала по лестнице, намереваясь поскорей отдать зелье Реллингтону, чтобы потом наконец остаться одной хотя бы до утра. Но лорд со своей способностью перемещаться в пространстве опередил меня и, когда я вошла в спальню, был уже там, откупоривая пузырек.

— Завтра можете перевезти свои вещи, — сказал он, когда опорожнил всю бутылочку.

— Вы хотите сказать, сегодня, — заметила я. — Уже второй час ночи.

— Значит, сегодня. — Его голос был лишен всяких эмоций.

— Хорошо, тогда вечером поработаю в лаборатории, а после вернусь сюда. — Я решила не вступать снова в спор, слишком устала и хотела спать.

— Джо и машина в вашем распоряжении.

— Спасибо, это будет очень кстати, — ответила я и посмотрела на Реллингтона выжидательно: что-то милорд не спешил уходить.

Он, кажется, понял намек и направился было к двери, но потом вдруг задержался около меня. Его рука потянулась к моей, но так и не коснулась ее, замерев в нескольких миллиметрах от запястья. В следующий миг Реллингтон, точно очнувшись, отшатнулся и ускорил шаг. Когда дверь за ним захлопнулась, я в изнеможении упала на кровать и закрыла глаза. Безумный день, безумная ситуация, безумный Реллингтон. Как бы я хотела очнуться утром и понять, что все это мне просто приснилось.

Но утро не принесло ничего нового, разве что завтракать меня пригласили в столовую. Ах да, еще перед этим горничная Клара ни с того ни с сего стала обращаться ко мне не «госпожа», а «миледи». На мой недоуменный вопрос она ответила, что так велел милорд.

— Он сказал, что раз вы теперь его жена, то мы должны вести себя с вами соответствующим образом, — пояснила Клара, помогая мне уложить волосы. Конечно, я бы справилась с прической сама, но у Клары таланта в этом деле было куда больше, чем у меня, а результат ее трудов приятно удивил. — Поэтому с нынешнего дня все слуги в

доме обязаны обращаться к вам именно таким образом и выказывать должное уважение.

Вот так-то. Решила выйти замуж на один день, а застряла в этом браке на неизвестно сколько времени. Нет ничего более постоянного, чем временное. И в моей ситуации эта народная мудрость звучала пугающе. Нет, мне нужно поскорее «расположиться» к Реллингтону самой, на его старания я все же не надеюсь. Надо попробовать рассмотреть в нем что-то хорошее, привлекательное... Только что может быть в Темном хорошего? Кроме внешности, конечно, с этим у Реллингтона все в порядке, и он даже, признаюсь в который раз, вполне в моем вкусе. Но характер! Скверный нрав Реллингтона убивает все зачатки симпатии и влечения к нему. А мне хочется нежности, ласки, заботы. Страсти, в конце концов! Чтобы чувствовать себя желанной и красивой. Чтобы меня обняли — и коленки от слабости подогнулись, а в животе стало горячо-горячо. А потом зацеловали до опухших губ, до нехватки воздуха. И ты, как на американских горках: то взлетаешь ввысь, то падаешь в пропасть.

— Что у вас с лицом? О чем задумались? — Сухой голос Реллингтона вывел меня из романтических грез.

Черт, а я забыла, что сижу с ним за одним столом!

«О вас», — чуть не брякнула в ответ. Вернее, о том, каким вы никогда не будете.

Но вслух произнесла нарочито равнодушно:

— О лавке.

— А вид у вас такой, будто о свидании.

Мне кажется или я уловила в этом бесстрастном тоне нотки ревности? Впрочем, не стоит обольщаться. Это всего лишь говорит в нем любовное зелье. Реллингтон еще и так прекрасно справляется с его действием, почти и не скажешь, что «одержим» мной. Наверное, злость помогает ему глушить влечение, на этом и держится.

— Хочу предупредить, милорд, — я отставила кофейную чашку в сторону с намерением закончить завтрак, — я буду поздно. Дел в лавке много, потом еще в лабораторию заглянуть надо, вещи собрать...

«И если получится, сбежать к Генриетте», — добавила уже мысленно. Уж очень она заинтриговала меня своими прощальными словами.

Реллингтон не обронил ни слова, когда я уходила, лишь проводил меня хмурым взглядом. У ворот уже ждал Джо с автомобилем. Увидев меня, слуга услужливо распахнул дверцу.

— Прошу, миледи... Крышу поднять или не надо?

— Нет, не нужно. Сегодня жарко.

— Как скажете, миледи...

Садясь в машину, я заметила пожилую даму, выходящую из дома по соседству. Она уставилась на меня с нескрываемым любопытством и не отвела взгляда, пока машина не отъехала.

— Что это за госпожа? — поинтересовалась я у Джо.

— Леди Паттисон, — ответил тот, я же на миг потеряла дар речи. А я и не знала, что Паттисоны живут так близко от Реллингтона!

— Это хозяйка дома? — уточнила я, пытаюсь определить, кем женщина приходится возлюбленному Паулы.

— Это тетя лорда Паттисона-старшего, главы дома, — пояснил Джо.

Тетя, значит. Уж не для этой ли дамы младший Паттисон покупал лекарство? Выходит,

что она его бабушка, пусть и двоюродная.

— До вечера можете быть свободны, — сказала я Джо, когда мы подъехали к лавке. — Не стоит тратить время, карауля меня. Все равно я никуда не сбегу, можете не волноваться. Тем более вы без труда меня найдете в любой точке Дарквайта. А лучше ждите около дома мастера часов в девять, я после закрытия лавки пойду туда, надо поработать в лаборатории.

Джо первые минуты колебался, не зная, стоит ли меня слушаться, но потом все же кивнул и завел мотор. Я с облегчением вздохнула: ну хоть от слезки удалось избавиться!

Я только открыла лавку и побрызгала зал чистящей пылью, как звякнул дверной колокольчик. Паула, взволнованная и раскрасневшаяся.

— Хвала богам! — воскликнула она. — Я боялась, что не увижу тебя здесь! Как прошел лунодень? Как Реллингтон? Тебя не было вчера в храме на службе. И после я выглядывала тебя на крыльце до полудня, но даже Реллингтон не появлялся. А потом вышел священник, прогнал меня и закрыл храм.

— Была я там, — вздохнула, поправляя флакончики на витрине. — И Реллингтон был... Мы зашли с заднего входа.

— Мы? — Голос Паулы замер в ожидании продолжения.

— Да, мы все-таки поженились, — обреченно призналась я.

— И?.. — Глаза Паулы расширились.

— И ничего! — Я развела руками. — Приворот пока так и не снят! Потому что у нас ничего не вышло.

И я рассказала подруге о несостоявшейся брачной ночи и последующей поездке к Генриетте. Паула долго смеялась на моменте, где от меня Реллингтона отбросила молния, а вот свадебное платье ее заинтересовало и даже озаботило.

— И у кого это лорд его заказывал? — размышляла она с нотками обиды в голосе. — Мог сделать это у меня. Я бы для тебя такое платье сшила! Ты умерла бы от восторга!

— Сомневаюсь, что вчера меня что-то могло привести в восторг, — отозвалась я мрачно. — Разве что если бы приворот снялся сам собой.

— И все же, кто составляет мне конкуренцию? — продолжала между тем размышлять Паула о своем. — У кого еще одеваются Темные? Разве что у госпожи Миррель из Туманного квартала. Или у мастера Жака с Прибрежной площади. Да, скорее всего, у него.

— Сегодня видела бабушку Паттисона. — Я решила вернуть внимание подруги и нажала на нужный рычажок: глаза той сразу загорелись интересом. — Я не знала, что они соседи с Реллингтоном.

— А милорда самого не видела? — с придыханием спросила Паула.

— К счастью, нет. — Я покачала головой. И вдруг задумалась над одним вопросом. — А где, кстати, семья Реллингтона? Почему он живет один?

— Вроде бы они переехали в столицу, — ответила Паула. Теперь ее интерес был сосредоточен на омолаживающем креме, баночку которого она в этот момент вертела в руках. — То ли после того, как все случилось с Реллингтоном, то ли еще до этого. Разное говорят, но где правда, знает только твой нынешний супруг. — И она добавила с иронией: — Леди Реллингтон.

— Прекрати. — Я отмахнулась от нее со смехом. — Не надо меня так называть. Тем более это ненадолго. Я надеюсь.

— Слушай, — хихикнула Паула, — а сделай и себе любовное зелье. Выпьешь и тожелюбишься в Реллингтона. А когда у вас все произойдет, оба прозреете.

— Спасибо за оригинальную идею, — усмехнулась я. — Но на мне оно не работает. Самого себя приворожить невозможно. Да и не нужна мне такая радость, попробую обойтись тем, что имею.

— Тогда пусть тебя Реллингтон приворожит.

— Все, хватит шуток. — Я попыталась вернуть себе серьезность. — Нечего смеяться над чужими проблемами, особенно если сама в них замешана. Тебе напомнить, кому изначально предназначалось это зелье?

— Ну все, все! — Паула, продолжая хихикать, подняла руки в примирительном жесте. — Ухожу. Забегу позже. Удачных продаж.

— И тебе того же, — помахала ей я и улыбнулась клиенту, который только что появился в дверях. — Что вам предложить?

Ближе к обеду в лавку прибежал Рей. Я вручила ему несколько монет и отправила к господину Вальди за плюшками. Пока ждала его, заварила в подсобке чай.

— Сделаем перерыв, — весело сказала Рею, когда тот вернулся. — Присаживайся, будешь разливать чай.

Я подвинула к нему чайник, сама же повернулась к маленькому буфету, где хранилась пара чашек с блюдцами. В момент, когда я совершала поворот, боковым зрением уловила некое движение рядом с собой. Я резко обернулась: снова что-то мелькнуло маленькое, светлое... Потом же по наитию подняла голову и испуганно выдохнула: надо мной кружили бабочки. Белые. Как тогда у Рея.

— Что это? — прошептала почти беззвучно и посмотрела на мальчика.

Тот сначала озабоченно сдвинул брови.

— Тебе надо поговорить с моей бабушкой. — А потом вдруг улыбнулся. — Она давно хочет видеть тебя.

— Ты хотел сказать, Генриетта? — уточнила я.

— Нет, бабушка. Но и Генриетта тоже. Они обе ждут тебя.

ГЛАВА 23

И вновь пришлось закрывать лавку в середине дня. Такими темпами я разорю мастера Коуна, и он меня уволит без выходного пособия. А возвращаться домой несолоно хлебавши как-то не хочется. Но все же узнать, о чем таком серьезном со мной хотят поговорить бабушка Рея и Генриетта, на сегодняшний момент было гораздо важнее. Еще и эти бабочки надо мной... Они, конечно, вскоре исчезли, но мне до сих пор казалось, что они порхают где-то у моей головы, и я то и дело с опаской поглядывала вверх.

Рей вышагивал впереди меня с таким торжественным видом, словно совершал важную миссию, а я от растерянности даже боялась задать ему лишний вопрос. Когда он говорил, что живет близко, я и подумать не могла, насколько: от дома мастера Коуна оказалось пути минут пять-десять.

Район ухоженных добротных домиков закончился резко, точно рядом с ним провели границу, за которой уже ютились маленькие серые лачуги, похожие одна на другую, как близнецы. И зелени почти не было: трава и редкие цветы едва пробивались сквозь каменистую почву. По дороге мне не встретился ни один магазин, лишь скромный рыночек с несколькими прилавками. После центра Талосса, не говоря уже о богатом районе Темных, обстановка здесь была совсем удручающая.

Дом Рея оказался почти на окраине, низенький, с прохудившейся крышей и покосившимися ставнями. Во дворе росла одна яблоня, за ней чуть дальше — разбит огородик.

— Бабушка, — позвал Рей, открывая скрипучую дверь, — я с Лией пришел.

— С Лией? — В тесную прихожую из единственной комнаты вышла пожилая женщина, маленькая, сухонькая, с аккуратной гулечкой на макушке. Никогда не сказала бы, что эта милая уютная старушка — сестра Генриетты.

— Быстрого дня, — поспешно поздоровалась я и протянула ей пакет с плюшками, которые мы с Реем так и не съели.

Она улыбнулась и сказала, рассматривая меня:

— Так вот вы какая, Лия.

— Это моя бабушка Роза, — представил мне ее Рей.

— Очень приятно. — Я тоже улыбнулась.

— Бабуля, у Лии сегодня сферум появился! — возбужденно сообщил Рей. — Светлый!

— Так что ж ты тут стоишь? — Роза всплеснула руками. — Иди скорее за Генри!

Какой сферум? О чем они? А Генри — это Генриетта? Я, признаться, занервничала еще больше, а в следующий миг меня ждало очередное потрясение: Рея окутала целая стайка тех самых белокрылых бабочек — и он в секунду растворился в этом порхающем облаке. Вскоре исчезли и сами бабочки.

— Что же я вас на пороге держу, Лия! — вывела меня из ступора засуетившаяся Роза. — Проходите в комнату, пожалуйста. У нас, конечно, все очень скромно. Но гостю всегда место найдется.

Меня провели в комнату и усадили в кресло, покрытое клетчатым пледом.

— Что происходит, Роза? — спросила я, по-прежнему пребывая в ошеломлении.

— Я сейчас сделаю нам всем чайку, и будем разбираться. — Она тепло улыбнулась и убежала в кухню.

Несмотря на все улыбки и доброе отношение, происходящее нравилось мне все меньше и меньше. Тайны, интриги, суэта вокруг моей персоны — когда-нибудь все это закончится? Я вздрогнула, когда воздух в комнате взорвался очередной стаей бабочек, больше прежней. И в их облаке появилась уже Генриетта, а с ней и Рей.

— Ну привет, партнер! — Ведунья помахала мне своей трубкой и сразу засунула ее обратно в рот.

— Генри, не могла бы ты не курить тут? — со вздохом попросила вернувшаяся Роза. И обратилась уже к внуку: — Рей, дорогой, подвинь стол к центру, пожалуйста. А потом достань из буфета чайный сервиз.

Генриетта пропустила слова сестры мимо ушей и со всего размаха упала на второе кресло как раз напротив меня.

— Рей говорит, у тебя светлый сферум появился, — сказала она, не вынимая трубки изо рта.

— Если бы я знала, что это такое... — Я натянуто улыбнулась.

— Сейчас узнаешь, — хохотнула Генриетта. — Но неужели сама не догадываешься?

— Сферум — это бабочки? — предположила я робко.

— Бабочки — это лишь его видимая форма. Как и у Темных, их черный туман. Сферум — это подпространство, которое дает нам силу и защиту, питает наше тело и отражает эмоции. — Говоря это, Генриетта внимательно смотрела на меня. — Сферум бывает двух порождений — Тьмы и Света.

— Значит... Вы — Светлые? — Я наконец озвучила ту самую мысль, которая мучила меня, но никак не могла оформиться в нужные слова.

— Верно, — усмехнулась Генриетта. — Я, моя сестра, Рей — мы те немногие Светлые, до которых еще не добрались каратели Тьмы. Мы научились скрывать свою сущность, залегли на дно, но от Света не отказались.

— Невероятно. — Я не заметила, как тоже стала улыбаться. — Рей... И вы... Я чувствовала, что вы особенные, но не могла понять, в чем именно. Теперь же все прояснилось. И Светлые все-таки тоже существуют. Только при чем тут я?

— Похоже, Лия, ты тоже Светлая... — задумчиво протянула Генриетта. — Во всяком случае, все указывает на то.

— Нет, это невозможно. — Я с недоверчивой усмешкой покачала головой. — Я ведь даже не из вашего мира. И уж точно не обладаю никакими сверхъестественными способностями.

— А вот над этим сейчас и будем размышлять, — сказала Роза. На этот раз она вернулась с пузатым чайником, а Рей нес за ней корзиночку с печеньем и вазочку с вареньем. — Давайте быстрее все за стол. За чаем всегда думается лучше, а главное, продуктивнее.

Роза чинно разлила чай по чашкам, пожелала всем приятного аппетита и только тогда вернулась к главной теме:

— Лия... Расскажите, как вы попали в Дарквайт.

— По трудовому договору. — Я пожалала плечами. И добавила с улыбкой: — Ко мне можно обращаться на «ты».

— Как скажешь. — Роза тоже улыбнулась. — И все же поподробнее... Как ты узнала о том, что Коуну нужен помощник?

— Через объявление в газете.

— В какой газете? — уточнила уже Генриетта.

— Не помню, — призналась я. — Мне в нее яблоки завернули.

— Яблоки? — Роза с Генриеттой переглянулись.

— Да, бабушка продавала яблоки, белый налив, а у меня не было денег их купить, и она угостила меня несколькими штучками. Просто так. И завернула их в кулек из той самой

газеты.

— Думаешь, она из наших? — Роза снова повернулась к сестре.

— Очень похоже, — кивнула та. — И яблоки... Ты ведь понимаешь, что это может означать?

— Кстати, та бабушка быстро исчезла, — поспешила добавить я. — Это было немного странно.

— Это как раз не странно, — вздохнула Генриетта. — А дальше? Что с объявлением?

— Я позвонила по указанному телефону, меня попросили прийти по адресу в течение часа. — Видя, как внимательно меня слушают, я старалась не упустить ни одной детали. Поэтому рассказала и о рыжем рекрутере, и об анкете и его вопросах. И о том, что до самого перехода в Дарквэйт мне никто не говорил, что работать придется в другом мире.

— Ну что... Как вижу ситуацию я, — Генриетта обращалась и к Розе, и ко мне одновременно, — и та старушка, и сама контора по трудоустройству принадлежат нашим.

— Вы хотите сказать, Светлым? — уточнила я на всякий случай.

— Именно. — Генриетта сделала глубокую затяжку, но под укоризненным взглядом сестры выдохнула дым в сторону и отложила трубку. — Дело в том, Лия, что часть Светлых, когда начались гонения, сбежала в другие миры. В твой мир, видимо, в том числе. Они слились с местным населением, но продолжали держать связь друг с другом. Кто-то, могу предположить, создал семьи с коренными жителями, родил от них детей. За полтора столетия, как идет наше с Темными противостояние, могло вырасти не одно поколение тех, предками которых были Светлые. Естественно, чтобы обезопасить семьи, переселенцы никому не рассказывали о своей истинной сущности и не стремились пробуждать ее в своих детях, потому те и не знали, кто они есть на самом деле. Думаю, ты, Лия, одна из таких потомков.

— Нет. — Мой разум наотрез отказывался верить в такую возможность. — Это ошибка. Сомневаюсь, что кто-то из моих предков был выходцем из Дарквэйта. И вообще, если бы я была Светлой, то меня не преследовала бы такая череда неудач с самой юности. Знаете, сколько работ я сменила? И все потому, что, где бы я ни появлялась, мои работодатели разорялись, понимаете? Как я могу быть Светлой, если несу разрушения? Тогда уж я скорее Темная. — Я удрученно усмехнулась.

— Ничего не бывает просто так, и неудачи не всегда во зло, — мягко произнесла Роза. — Каждая из них приближала тебя к твоему истинному предназначению, к Свету.

— А почему только меня? — резонно возразила я. — А другие мои родственники и даже предки? Их, значит, тоже должны были привести к Свету. Но все они прожили или сейчас проживают самую обыкновенную жизнь. Мама у меня инженер, папа архитектор, бабушка была учительницей, дедушка работал строителем на Севере. Другие бабушка и дедушка всю жизнь в деревне прожили. С чего такая честь мне?

На это Генриетта неожиданно пожала плечами и взглянула на такую же растерянную сестру.

— По правде говоря, Лия, — сказала Роза, — мы и сами пока не до конца все понимаем. Ясно одно: ты здесь не просто так. Да и в Дарквэйте становится беспокойно. Мы пытаемся выяснить, в чем дело и откуда все исходит.

— Вы о тех маленьких смерчах на болоте? — вспомнила я и посмотрела на притихшего Рея. — Которые мы видели, да? А еще сплетни, которые ходят по городу.

Роза лишь кивнула, а я продолжила:

— В этом Темные виноваты?

— Нет. Похоже, Темные обеспокоены этим не меньше нашего, только пытаются все скрыть. И если это то, о чем мы думаем, — они опять переглянулись с Генриеттой, — то

проблема слишком серьезна.

— И что это за проблема? — От волнения я так и не сделала ни одного глотка из чашки, хотя уже было и поднесла ее к губам.

— Давай пока повременим с этим вопросом, Лия. — Роза улыбнулась. — Мы обязательно тебе все расскажем, когда сами хоть немного проясним ситуацию.

Я не стала настаивать.

— И все равно не понимаю, при чем здесь я. И не могу принять ваши выводы насчет меня как Светлой. У меня ведь и сейчас нет никаких способностей. — Я задумчиво покрутила чашку между ладонями. — Разве что эти бабочки сегодня... Ну и молнии, которые бьют по Реллингтону.

— Вот эти молнии и навели меня на мысль, что ты одна из нас, — ухмыльнулась Генриетта. — Кто еще может так противостоять Темному? Правда, до этого ты же еще сумела разглядеть сферу Рея.

— Но и это все проявилось совсем недавно! — возразила я.

— Кстати, а вот об этом поподробнее. — Генриетта подалась чуть вперед, облокотившись о стол. — Вспомни, когда вокруг тебя начало что-то меняться. Нам интересна любая мелочь. Ты права, что-то должно было стать толчком к пробуждению твоей светлой сущности. Одно дело обнаружить ее, другое — заполнить тебя Светом. До момента попадания в Дарквайт ты была лишь сосудом, готовым его принять. Теперь же с каждым днем становишься сильнее, значит, черпаешь откуда-то Свет. Нам очень важно понять откуда. Видишь ли, Лия... В те давние времена, когда Темные победили, Свет исчез. С нами остались лишь его частички — наши сферумы. И уже полтора века мы пытаемся отыскать его. И разгадка, возможно, рядом с тобой. В принципе, об этом мы и хотели поговорить в первую очередь. Поэтому вспомни каждый свой день, проведенный в Дарквайте. С самого момента приезда.

На меня в ожидании воззрились три пары глаз, отчего я занервничала. Они возлагали на меня такие надежды, а вдруг я подведу их своими ответами?

— С момента приезда? — Я задумалась, вспоминая. — Меня высадили у дома мастера. У калитки стоял Реллингтон, правда, тогда я еще его не знала. Я вошла во двор, а он нет. Потом выбежал мастер. Отдал ему лекарство и вернулся ко мне. Не особо удивился, что дом меня впустил. Мы зашли внутрь. Там было очень грязно. Наутро я попыталась навести порядок, но к вечеру грязь вернулась. Мастер сказал, чтобы я не усердствовала с уборкой, потому что это бесполезно. На третий день мы ходили в храм, а когда вернулись оттуда, я пошла прогуляться по саду и нашла источник молодости. Вернее, я видела идущий от него свет еще накануне, но подумала, что мне показалось. Я, еще не зная, что это за родник, умылась из него. Потом пришел мастер, обрадовался и стал пить оттуда. Пил он эту воду несколько дней, пока не омолодился окончательно и не решил уехать в столицу. Я разозлилась, что он бросает меня одну, и на эмоциях стала снова убирать дом. И в этот раз грязь не вернулась. Ах да! — всплыло еще кое-что в памяти. — Вода! Из крана. Она чуть изменила вкус. Стала будто с ароматом... яблока.

— Яблока? — И вновь этот многозначительный обмен взглядами.

— Да. И еще! — От возбуждения я хлопнула ладонью по столу. — В саду зацвела засохшая яблоня!

— Так, — Генриетта поднялась из-за стола, — я должна все это увидеть на месте. Идем к Коуну...

— А если дом вас не пустит? — забеспокоилась я.

— Нас? — Генриетта искренне удивилась, а потом засмеялась. — Нас он точно пустит. Рей тому пример.

Ну да, точно. От всех новостей просто голова кругом!

— Ты разве не поняла, что дом пускает всех Светлых? — спросила уже Роза.

— А мастер об этом знает? — задала я глупый вопрос с заведомо очевидным ответом.
Вот только Генриетте все равно удалось удивить меня:
— Конечно. Бенджамин ведь когда-то был Светлым.

ГЛАВА 24

В целях безопасности Роза и Генриетта переместились в дом мастера с помощью сферумов, я же с Реем дошла туда пешком, благо было недалеко. К моменту нашего прихода Светлые уже успели осмотреть яблоню, на которой, к слову, уже наливались соком плоды, и теперь стояли около родника.

— Источник молодости пропал почти сразу после исчезновения Света, — пояснила мне Роза.

— Нет, он пропал, когда проходимец Коун изменил Свету, — ворчливо поправила ее Генриетта. — Тогда же и его дом начал вытворять все свои штуки.

— Но как так получилось, что мастер перешел на другую сторону?

— Бенджамин всегда и везде искал выгоду. Я же говорю, что он проходимец. А ведь его род был одним из древнейших и сильнейших!

— Не стоит судить его, Генри, — мягко поправила ее сестра. — Тогда каждый выживал, как мог. Тем более Бенджамин талантливый зельевар, и Дарквайт лишился бы многого, если бы он погиб или ушел в тень. И Темные это тоже понимали, поэтому позволили ему жить, но на условиях Тьмы.

— Он стал Темным? — спросила я.

— Нет, Тьма его не приняла. Он просто лишился Света и своего светлого сферума, а темный так и не получил.

— Но это ему нисколько не мешало проворачивать свои аферы, — снова раздраженно встала Генриетта.

— Не обращай на нее внимания, Лия. — Роза усмехнулась. — Генри несколько недолюбливает Бенджамина.

— Несколько — это не то слово. — Ведунья хмыкнула. — У меня с ним свои счеты.

— Любовные, — шепнула мне Роза, лукаво улыбнувшись.

— Деловые! — громко одернула ее Генриетта и скомандовала: — Идем в дом, проверим, что произошло с твоей водой, Лия.

Там они долго стояли у открытого крана, присматривались, принюхивались, пробовали на вкус, после чего Генриетта сделала вывод:

— Вода пропитана частицами Света, это очевидно. Вот она, капля за каплей, и пробуждает в Лии ее сущность. Чем больше Лия ее использует, тем больше наполняется Светом.

— А это значит, Свет действительно где-то рядом. — Роза выглядела почти счастливой.

— Пей побольше своей воды, — с усмешкой обратилась Генриетта ко мне. — И становись сильнее.

— Я и так использую эту воду везде, даже зелья на ней делаю, — поделилась я тоже с улыбкой.

— Зелья — это хорошо. Обычным людям тоже не помешает впитать в себя частичку Света, — одобрила Роза.

— Только... Реллингтон... — Я вспомнила о своем «супруге» и помрачнела. — Я теперь вынуждена жить у него, пока мы... Ну, вы сами понимаете. И если все, что вы говорите про меня, правда, то как мне быть? Вдруг у нас ничего не получится? Ведь он — Темный, а я...

— Реллингтон... Реллингтон... — Генриетта, задумавшись о чем-то, прошлась по кухне. — Это ведь тот самый Реллингтон, да? — Она вопросительно посмотрела вначале на сестру,

потом на Рея, и тот в ответ робко кивнул.

— Вы что-то знаете о нем? — тут же поинтересовалась я. — И Рей... Ты ведь испугался его тогда на болоте, но не убежал, как раньше от Паттисона. И сам Реллингтон будто узнал тебя. Вы же знакомы, да?

Рей шмыгнул носом и потупил глаза, а за него ответила Роза:

— Благодаря этому Темному Рей сейчас жив.

Она обняла внука и продолжила:

— Реллингтон когда-то входил в отряд карателей. Кажется, он даже был их командиром. Восемь лет назад они обнаружили место, где скрывалась моя дочь с семьей и несколькими друзьями. Дочка спрятала маленького Рея в погреб, но его нашел Реллингтон. К тому времени все взрослые были уничтожены, оставался только Рей. Я не знаю, почему этот Темный лорд решил не трогать Рея, почему пожалел. Это был странный поступок для Темного, я бы сказала, из ряда вон выходящий. Они никогда никого не жалеют. Но тем не менее он почему-то сделал вид, что в погребе никого нет, и приказал своим уходить. А Рей остался жив. Я нашла его там же следующим утром, когда примчалась, узнав о нападении.

Сказать, что я была потрясена, это ничего не сказать. Я даже опустилась на стул, потому что ноги вдруг ослабли. Даже не знаю, что меня привело в больший шок: то, что Реллингтон был карателем, или то, что он спас Рея.

— Получается, это после того случая от него отвернулась Тьма? — прошептала я. — Он поступил против ее правил и был наказан?

— Вероятнее всего, — согласилась Генриетта.

— Но сейчас он ведь не каратель? — Отчего-то мне было важно это знать.

— Не знаю. — Генриетта пожала плечами. — Но в последние годы облав на Светлых стало меньше. Как и самих Светлых. Возможно, мы просто научились лучше скрывать свою сущность, а возможно...

— Еще императорский указ вышел прошлым летом, что кара ждет только тех Светлых, кто представляет угрозу нынешней власти, — добавила Роза. — В общем, нас в каком-то роде оставили в покое. Надолго ли только?

— А Реллингтон сможет понять, что я Светлая? — озаботилась я следующим вопросом.

— Когда-нибудь точно поймет, — ответила Генриетта. — Но пока твой Свет слишком слаб, чтобы его ощутить другим. У тебя даже сферум не созрел. А на это нужно время. Для одних больше, для других меньше. Ведь сейчас Реллингтон ничего не чувствует?

— Кажется, нет.

— Вот и не переживай пока. Только все же поторопись снять приворот, мало ли как все повернется.

— Знать бы, как его снять, — с горечью произнесла я. — Когда я рядом с Реллингтоном, то превращаюсь в электрический щиток. Осталось только табличку повесить: «Осторожно! Высокое напряжение!»

Генриетта на это усмехнулась и похлопала меня по плечу.

— Ничего, как-нибудь все образуется. Зелье я тебе уже приготовила, и если понадобится, приготовлю еще, так что отходной путь у тебя будет в любом случае.

Генриетта, Роза и Рей вскоре ушли, оставив меня в тягостных раздумьях. Мой мозг по-прежнему отказывался верить в то, что я Светлая и принадлежу к этому миру, тем более я пока не ощущала в себе каких-то изменений и уж точно не чувствовала себя особенной. Роза сказала, что я могу в любой момент обращаться к ней или Генриетте за советом, они всегда придут мне на помощь и поддержат. Но, признаться честно, я бы

хотела, чтобы такой момент наступил как можно позже.

Голова просто разрывалась от переизбытка информации, которую на меня сегодня вывалили, тем не менее было еще много вещей, о которых я не успела спросить у Светлых. Например, что же послужило причиной войны между ними и Темными. Хотелось чуть больше узнать о мастере Коуне и... Реллингтоне. Последний меня особенно волновал, и дело было не в страхе, скорее я не понимала, как к нему отношусь после всего, что сегодня о нем открылось. Он каратель. Сначала меня это шокировало, но после пришло осознание: разве можно ждать иного от Тьмы? Меня с первых дней в Дарквайте пугали Темными так, что я уже устала их бояться, честное слово. Я искренне и глубоко сочувствовала судьбе Рея и его несчастных родителей, но страха перед Реллингтоном не испытывала, как и ненависти. Нет, я не оправдывала его, но и судить не бралась. На войне другие законы. Да и что-то же двигало им, когда он не рассказал другим о Рее? Что это? Жалость? То чувство, проявление которого он сам так не терпит по отношению к себе? В таком случае можно допустить, что и в Реллингтоне есть что-то хорошее, пусть и самая малая крупинка. И сердце у него не такое уж каменное.

За окном постепенно темнело, я же так до сих пор и не собрала вещи для временного переезда. А ведь еще хотела немного поработать в лаборатории. Усилием воли заставила себя взбодриться и отправилась выполнять намеченное. В конце концов, какой смысл переживать и терзаться сейчас? У меня вон куча других проблем не решена, а с остальными разберемся после.

Я сложила одежду и прочие вещи в свой родной чемодан, с которым приехала в Дарквайт. Не думала, что воспользуюсь им раньше, чем истечет контракт с Коуном. Моя подруга-кукушка, пока я собиралась, с тоской выглядывала из своего домика. Я и без того в последнее время мало уделяла ей внимания, а теперь вот и вовсе собираюсь покинуть.

— Ладно, — решила я. — Заберу тебя с собой. С Реллингтона не убудет. Дом у него большой, все поместятся.

Я на удивление легко сняла часы со стены и отнесла их вниз к чемодану, который стоял у входной двери. До оговоренных девяти вечера было еще время, и я вернулась в лабораторию. По-быстрому приготовила партию «Зоркого глаза» и «Насытина» и оставила их настаиваться до завтрашнего вечера. Потом составила список ингредиентов, которые были уже на исходе, подбила смету и набросала план дел, которые непременно нужно осуществить в ближайшие дни. А там уже и Джо подрос. Я увидела, как в темноте у калитки моргнули фары его автомобиля, и поспешила вниз.

На кукушку Джо лишь взглянул с недоумением, но перечить моему желанию не стал. Зато когда все мои вещи были погружены, он неожиданно сказал:

— Возможно, стоит взять лекарство для милорда.

— Зачем? — Мне была непонятна эта просьба. — Он ведь этой ночью уже его принимал. Завтра заберем или послезавтра.

— Дело в том, что милорду сегодня весь день плохо. — Джо будто с трудом признавался в этом. — И я подумал...

— Плохо? — озадачилась я. — Так же, как раньше?

— Да, сильные головные боли.

— Но утром милорд чувствовал себя хорошо.

— Ему стало хуже почти сразу после вашего ухода. И эта боль не покидает его до сих пор.

— Ладно, подождите, сейчас схожу за лекарством.

Меня эта ситуация обеспокоила. Действия лекарства должно хватать на трое суток, а тут не прошло и половины дня. Возможно, я допустила какую-то ошибку при изготовлении? Или же состояние Реллингтона ухудшается само по себе? Ведь мастер уже один раз увеличивал дозировку, но с того момента прошло совсем мало времени. Наверное, стоит

завтра связаться с Коуном, спросить совета.

В запасе у меня было четыре пузырька, я и взяла их все с собой.

— Где милорд? — спросила я служанку Клару, когда вошла в дом.

— В своей комнате, миледи. — Она присела в поклоне.

Спальня Реллингтона была погружена в полумрак, лишь над кроватью тускло горел ночник. Сам лорд сидел в кресле у зашторенного окна с выражением мученика на лице. Его глаза были закрыты, а голова откинута на спинку, поэтому он не сразу заметил меня. И только когда я тихо позвала: «Милорд...» — встрепенулся.

— Вы уже вернулись? — поинтересовался он, как всегда, сухо.

— Как видите, — отозвалась я. — Вам опять нездоровится? Я принесла лекарство, если хотите, можете выпить. Правда, не знаю теперь, поможет ли оно и как надолго.

Реллингтон помедлил с ответом, словно прислушивался к себе, а после сказал:

— Не надо, мне уже лучше.

Я вздохнула с досадой.

— Если вы опять думаете, что я вас жалею, то это не так. Вернее, я считаю, нет ничего зазорного в том, что кто-то сочувствует, когда вам плохо. Это ничуть не унижает вас и не делает слабее. Как и меня.

— Мне уже лучше, — повторил он, повысив голос. И добавил уже более спокойно, но с ноткой легкого удивления: — Меня действительно отпустило. Только что.

— Вам и вправду полегчало? — уточнила я все же с недоверием. — Голова прошла?

— Прошла.

— Что ж... — Я рассеянно кивнула. — Тогда пойду. Оставляю вам на всякий случай лекарство. Темной ночи, милорд.

В конце концов, если он мне врет — это его проблемы.

В моей комнате меня уже ждал чемодан, часы с кукушкой и... коробочка из синего бархата. Открыв ее, я обнаружила пару сережек с изумрудами и такой же кулон на цепочке.

— Нравится? — раздался совсем рядом голос Реллингтона, и я чуть не подскочила на месте.

— Вы меня напугали, милорд. — Я приложила ладонь к груди, где колотилось сердце. — Не могли бы вы не появляться так внезапно?

— Я думал, вы непугливая.

О, кажется, моему муженьку действительно лучше, раз начал язвить!

— Так это ваше? — Я показала на украшения.

— Ваше, — поправил он. — Подарок. От меня.

А-а-а, понятно, кое-кто решил последовать совету Генриетты и добиться моего расположения. И выбрал самый простой способ — дорогие подарки.

— Спасибо. — Я захлопнула коробочку и довольно небрежно отложила ее в сторону. — Но не стоило тратить.

— Вам не нравится? — Реллингтон тотчас помрачнел.

— Нет, вполне мило. — Я повела плечами. — Только я равнодушна к драгоценностям, поэтому плохо в них разбираюсь. Уж извините.

— А что вам нравится? — Реллингтон наморщил лоб. — Платья? Туфли? Цветы? Духи? Еще какие-то безделушки?

— Не утруждайтесь, милорд. — Я посмотрела на него прямо. — Если вы намерены «купить» мое расположение, боюсь, у вас не получится. В мужчине меня куда больше привлекает ум и характер, а его поступки намного важнее подарков и даже слов.

Реллингтон на это раздраженно фыркнул и испарился.

— А пожелать супруге Темной ночи? — сказала я исчезающему дымку. Потом с усмешкой махнула на него рукой и стала готовиться ко сну.

ГЛАВА 25

Утром мы с Реллингтоном встретились вновь в столовой. Он читал газету и был явно не в духе. А увидев меня, кажется, помрачнел еще больше. Ну вот что на этот раз?

— Вам опять нездоровится, милорд? — спросила я, присаживаясь за стол.

— Нет, я чувствую себя прекрасно! — Он произнес это будто с вызовом, потом бросил мне газету. — О нашем браке уже пишут! Откуда только узнали? Вы никому ничего не говорили?

— О чем вы? — возмутилась я, но, конечно, умолчала, что о нашей свадьбе все же знают несколько человек. — Кому я могла рассказать?

Я взяла газету с весьма говорящим названием «Вестник Тьмы» и нашла заголовок «У опального лорда Реллингтона появилась супруга?» Пробежалась глазами по небольшой заметке: «Очевидцы утверждают, что у лорда Марка Годвина Реллингтона появилась супруга. Она живет в его доме и пользуется его автомобилем. Можно было бы предположить, что эта незнакомка всего лишь его любовница, однако слуги лорда обращаются к ней „миледи“. Другой источник заявляет, что случайно видел, как в лунодень автомобиль Реллингтона подъезжал к храму Пяти богов с черного хода и из него вышел сам Реллингтон и некая дама в свадебном платье. Факты говорят сами за себя. Однако непонятно, почему лорд Реллингтон до сих пор не объявил об этом союзе и кто та юная леди, осмелившаяся выйти замуж за лорда, от которого отвернулась сама Тьма?»

Да уж, тон статьи не очень, как и содержание. Хорошо еще, что моего имени не назвали. Но опасаясь, такими темпами они и до него доберутся.

— Кажется, я знаю, кто мог быть тем «очевидцем», — сказала я. — Вчера, когда я отъезжала от вашего дома, за мной наблюдала пожилая дама. Джо сказал, что это бабушка лорда Паттисона.

— Кто б сомневался. — Реллингтон стиснул зубы. — Угораздило же вас попасть на глаза первой сплетнице Талосса.

— А разве это удивительно, если вы соседи? — заметила я. — Рано или поздно это случилось бы. Я ведь хотела вернуться в дом мастера, но вы настояли, чтобы я осталась у вас. И что вы теперь намерены делать с этим заявлением? Опровергать?

— Пока не знаю. — Он начал с раздражением размешивать сахар в кофе.

А я из любопытства стала изучать газету дальше и почти сразу наткнулась на еще одну статью: «Засуха и мор на юге Дарквайта». «На юге Дарквайта уже неделю стоит аномальная жара и засуха. Начался мор диких и домашних животных, фермеры в панике. Придворные маги-погодники пытаются наладить ситуацию, но пока безуспешно».

— Опять... — прошептала я озабоченно.

— Что ты там читаешь? — Реллингтон потянулся было за газетой, но так и замер с вытянутой рукой, похоже, как и я, осознав с запозданием, что только что сделал. Назвал меня на «ты». Да еще и таким обыденным тоном, будто мы действительно уже давно женаты. Наши взгляды на миг встретились, но он первый отвел глаза и все-таки забрал у меня газету, тут же уткнувшись в нее с серьезным видом.

Я кашлянула, прочищая горло, и сказала как можно спокойней:

— Катаклизмы в Дарквайте. Говорят, везде происходят странные вещи, только почему-то людям об этом запрещают говорить. А вот Темные, как я вижу, в курсе.

— Пока еще ничего не известно точно, потому не стоит об этом беспокоиться. — Реллингтон отложил газету. — Не забивайте себе голову.

Он произнес это так категорично, что я не стала спорить. А вот Генриетте с Розой при

встрече стоит об этом рассказать.

— Сегодня вы опять будете поздно? — спросил Реллингтон.

— Да. Возможно, даже позже, чем вчера. Очень много работы и в лавке, и в лаборатории. Прошлым вечером не успела сделать все, что хотела. — Я как раз доела завтрак и поднялась, намереваясь покинуть столовую.

— Я провожу вас, — внезапно заявил Реллингтон и тоже поднялся.

Я сначала хотела возразить, но потом передумала: пусть делает, что хочет. Забавно, если он таким образом решил сменить тактику по «завоеванию» моего расположения. Или же продолжает контролировать каждый мой шаг, что тоже не исключено.

— Так-так-так... Значит, это все правда.

Вот уж кого я не ожидала увидеть, выходя за ворота, так это Паттисона. И он был зол, очень зол. Даже захотелось подождать Реллингтона, который шел позади, и трусливо спрятаться за его спину. Но тот уже сам заметил недруга и принял воинственный вид. Только бы не подрались!

— Что ты здесь забыл, Люк? — спросил Реллингтон с напускной ленцой в голосе. — В гости все равно не позову, не надейся.

— Нашел чем напугать, — хмыкнул Паттисон. — Я порог твоего дома даже под страхом смерти не переступлю. Просто захотелось лично проверить некоторые слухи.

— Эти слухи распространяет твоя родственница, вот и спрашивай у нее, правда ее слова или нет. А газетам тоже не всегда верить надо.

— Тогда почему госпожа Лия покидает твой дом в столь раннее время? — Паттисон нагло приблизился к нам.

Он был ниже Реллингтона на полголовы, поэтому тот смотрел на него свысока не только в переносном смысле, но и в прямом.

— А тебя это не касается, — бесстрастно произнес Реллингтон.

— Значит, ты отрицаешь, что Лия твоя жена? — Паттисон ухмыльнулся и... схватил меня за руку.

Разряд, вспышка — и он уже лежит в пыли по другую сторону дороги. У меня внутри все похолодело, а вот Реллингтона это очень даже развеселило.

— Вот и ответ на твой вопрос, Люк, — прокричал он самодовольно.

Нет, ну вы посмотрите на него! Давно сам так летал? И что значит «вот и ответ на твой вопрос»? Он что, признает наш брак? Противоречит сам себе!

Паттисон между тем поднялся на ноги и гневно сверкнул глазами. Но Реллингтон не успокоился и теперь сам взял меня под локоть. Опрометчиво, милорд, очень опрометчиво! Электрический разряд не заставил себя ждать, вот только Реллингтон не сдвинулся с места. Он стерпел его! И лишь я видела, как от напряжения забила жилка на его шее и дернулись желваки. Вот это самообладание! И ради чего? Чтобы утереть нос Паттисону? Невероятно! Ведут себя, как драчливые подростки, оба! И это те самые Темные лорды, которые наводят страх на всю округу? Нет, я в этом участвовать больше не хочу, как и быть разменной монетой в их противостоянии. Пусть воюют без меня.

— Простите, милорд, я тороплюсь. — Я выдернула руку из его хватки и направилась к машине.

А Джо уже спешил открыть мне дверцу.

— Прошу, миледи.

Я, уже не глядя ни на одного, ни на другого Темного, села в автомобиль и с облегчением выдохнула, когда мы скрылись за углом.

Этот день в лавке выдался спокойным, если не сказать скучным. Клиентов было немного, и я уже начала волноваться, что это по моей вине: слишком часто в последнее время «Зелья» не работали. Но Паула, заглянувшая ко мне в обед, успокоила меня:

— Все из-за праздника Черной розы. В его ожидании люди перестают есть, спать и даже болеть. — Она засмеялась. — Подожди, он пройдет, и все вернется к прежнему темпу. Осталось полторы недели.

Праздник Черной розы, как мне объяснили, был чем-то наподобие нашего дня Независимости и длился три дня, с пятницы по лунодень, которые объявлялись нерабочими. Во время празднеств во всех городах устраивались ярмарки, фестивали, выступления местных знаменитостей, в магазинах проходили распродажи, гулянья не прекращались ни днем ни ночью. В императорском дворце проходил бал, куда приглашались в основном знатные Темные, магу же или ведунье туда попасть было почти нереально, только по специальному приглашению, а обычным людям и вовсе дорога была закрыта.

— Скорей бы, — вздохнула я. — Иначе выручка в этом месяце будет ужасна. Может, тоже устроить распродажу? Интересно, мастер не будет против?

— Не помню, чтобы мастер хоть когда-нибудь делал скидки, — усмехнулась Паула. — Не любит он это дело.

— А я, может, и устрою! — решительно заявила я. — Это отличный маркетинговый ход, и уж точно хуже не будет. В конце концов, я партнер мастера, а значит, мои идеи тоже имеют право на жизнь!

За разговорами я не заметила, как в лавку вошел мужчина в кепке, надвинутой на лоб. Опомилась, только когда он достал из кармана желтый кубик и наставил его на меня. По глазам полоснул свет, потом еще, и не успела я возмутиться, как его уже и след простыл.

— Нет, ну вы посмотрите, какая наглость! — Паула первой пришла в себя. — Журналисты уже и сюда добрались! Что им надо от тебя и твоей лавки?

Мне хоть и не хотелось, но пришлось рассказать подруге о «свеженьких» новостях. Оказалось, в других газетах подобные заметки не напечатали, чему я не могла не порадоваться. Надеюсь, эта информация и впредь останется открытой лишь для мира Темных, а мои изображения (как я понимаю, папарацци снимал меня на некое подобие фотокамеры) украсят только страницы «Вестника Тьмы». Вот уж Реллингтон будет кипятииться, когда узнает!

Рей тоже забежал ко мне ближе к вечеру, передал привет от бабушки и помог немного прибраться на складе. А после закрытия я пригласила его перекусить в небольшое кафе неподалеку. Все равно холодильник мастера уже несколько дней как пустой и смысла заполнять его пока нет, к Реллингтону же я еще неизвестно, когда попаду. С Реем темы моего «осветления» я намеренно не касалась, говорили с ним, как и раньше, о всякой ерунде, разве что, уже расставаясь у дома мастера, тихо пожелали друг другу на прощанье не «темной», а «доброй ночи». Это теперь был наш с ним маленький хулиганский секрет, которым мы пока ни с кем не собирались делиться.

За приготовлением зелий я, как и полагала, просидела почти до полуночи. Когда покидала лабораторию, болели и руки, и ноги, и поясница.

— Как самочувствие милорда? — поинтересовалась я у Джо уже на подъезде к особняку. До этого я просто неподвижно сидела, наслаждаясь отдыхом и покоем, и едва не засыпала.

— Опять весь день нездоровится, — ответил он. — Даже не выходит из своей комнаты.

Да что ж это такое? Я, признаться, растерялась. Утром Реллингтон был бодрым и полным сил, никак не походил на больного, вон даже с Паттисоном почти спарринг устроил. А тут вновь эти головные боли...

— И это снова случилось после моего ухода? — спросила я.

— Да, через несколько часов.

Странно, очень странно. И тут меня осенило: вода! Ведь последние несколько партий лекарства Реллингтона я готовила на обновленной воде, то есть с частичками Света. А что, если из-за них зелье потеряло свое лечебное свойство? Или вовсе ухудшает состояние?

Уже оказавшись в особняке, я первым делом направилась к Реллингтону. Он, как и вчера, сидел в кресле с закрытыми глазами, только выглядел еще хуже: бледный, в испарине, зубы сжаты, пальцы впились в подлокотники, еще и хрипло стонет. Мой дальнейший порыв я и сама едва могла объяснить, просто оказалась в следующий миг около Темного и положила ладонь ему на лоб. Это тоже было весьма безрассудно, ведь за прикосновением почти наверняка последовал бы разряд, однако... Ничего не произошло. Зато Реллингтон будто расслабился и задышал спокойней, а потом накрыл мою руку своей. Я было дернулась, но он не дал мне отнять ладонь ото лба. И вновь никакой молнии, даже ничего похожего.

— Милорд, может, вам прилечь? — спросила я тихо.

Он не ответил. Сделал несколько глубоких вдохов, приоткрыл глаза и отпустил мою руку.

— Все-таки ваше расположение ко мне заключается в вашей же жалости. — Он криво улыбнулся.

— Давайте не будем больше о жалости, милорд, — отозвалась я спокойно. — Вы носитесь с ней куда больше, чем следовало бы, и видите даже там, где ее нет. Вам уже лучше?

— Почему-то да.

— Почему-то?

— Потому что боль теперь стала уходить только в вашем присутствии. Может, это тоже действие вашего приворота?

— Я не знаю, что вам ответить на это, милорд, — сказала я честно. — Потому что сама в замешательстве.

Не могла же я признаться, что дело, скорее всего, в частицах Света? Да и это было пока лишь предположением.

— Вы пили сегодня лекарство? — Я заметила на столике пустой пузырек.

— Да, но оно не помогло. Кажется, стало еще хуже. — Реллингтон медленно поднялся с кресла.

— Я подумую, что можно сделать, — пообещала я. — А вы ложитесь, отдыхайте.

— Не хотите прилечь со мной? — Реллингтон с усмешкой принялся расстегивать пуговицы на рубашке. — Возможно, пока ваша жалость ко мне не притупилась, у нас есть шанс покончить со всем этим бредом? Или снова будете бить молниями?

Я даже не разозлилась и не смутилась в ответ, по тону чувствовала, что он это говорит не всерьез, только провоцирует. Поэтому спросила устало:

— Хотите проверить, милорд?

На что он снова усмехнулся и сказал:

— Идите тоже спать. Темной ночи, миледи.

ГЛАВА 26

Всю ночь я не спала, раздумывая над новой проблемой: лекарство для Реллингтона. Первым делом снова хотела отправить говорильник мастеру за советом, но потом вспомнила, что тогда придется признаваться, что вода в его доме вобрала частицы Света, как и я сама, и решила с этим повременить и попробовать разобраться самой.

Для начала нужно было установить хронологию событий. Итак, если я правильно все понимала, головные боли Реллингтона начались после того, как «от него отвернулась Тьма». Почему? Очевидно, потому что он поступился ее принципами и сделал доброе дело, а именно — не тронул Светлого Рея. Без поддержки Тьмы Реллингтону становилось все хуже, ему на помощь пришел мастер со своим лекарством. Судя по ингредиентам, оно помогало только купировать боль на несколько дней, но не вернуть «расположение» Тьмы. То есть это своего рода наркотик типа опиума.

Дальше. В доме Коуна пробудился источник молодости, а за ним в воде из водопровода стали появляться светлые частицы. И с того времени все зелья я делала именно на ней. Любовное в том числе. Таким образом оно стало первой порцией «светлой воды», что попала в Реллингтона. Однако на Реллингтоне это пока никак не сказалось. В следующие две недели он пил лекарство уже моего приготовления. Я не видела с ним это время, поэтому точно не знаю, реагировал ли как-то организм Реллингтона на обновленное лекарство или нет. Но, судя по тому, что мне претензии предъявлены не были, ничего особенного не происходило. Либо Реллингтон так был занят ожиданием свадьбы и слезкой за мной, что пропустил первые звоночки. А затем... Затем он внезапно смог переступить порог дома мастера! Кажется, теперь мне понятно почему. Свет уже успел накопиться в Реллингтоне настолько, что дом, хоть и с препятствием, пропустил его. А в день нашей свадьбы, вернее, в ночь, когда он выпил очередную порцию лекарства, Свет в нем достиг некоего критического количества, после которого организм Реллингтона начал реагировать на него столь бурно. Логично? Вполне.

Теперь осталось разобраться, отчего в моем присутствии лорду сразу становится легче. Если дело в моей «светлости», то... Нет, что-то не сходится. У него в этом случае должно идти отторжение меня, как и частиц самого Света, но этого не происходит. Наоборот, это я «стреляю» в него молниями, а Реллингтон только и ждет моего расположения. Тогда в чем может быть дело?

Мне очень нужен был совет кого-то из Светлых, поэтому с первыми лучами солнца я была уже на ногах. Разбудила Джо и попросила отвезти меня к Генриетте. Он, конечно, поворчал немного насчет того, что не мешало бы предупредить милорда, но я пообещала взять удар на себя, да и вообще обернуться быстро и наверняка успеть к завтраку.

Генриетта, увидев меня на пороге в такую рань, как всегда, не задала ни одного вопроса. Пропустила молча в дом и приготовилась слушать.

— Похоже, это не только организм Реллингтона отторгает Свет, — сказала она после того, как я выговорила, — но и сами частицы Света противятся нахождению внутри Темного. Когда же появляешься ты, Светлая, они успокаиваются.

— А что будет дальше? — спросила я. — Если он продолжит пить лекарство с моей водой? Ему будет становиться хуже?

Генриетта ненадолго задумалась.

— Как я понимаю, Тьма уже давно не подпитывает Реллингтона, — сказала она потом, — удивительно, как он еще свой сферум сохранил. Теперь в его сосуде пусто. Его может заполнить Свет, но только когда он, Свет, и сам Реллингтон — они оба захотят принять друг друга. Но первый шаг должен сделать именно Реллингтон, окончательно отказаться от Тьмы и захотеть впустить в себя Свет. И до этого момента он будет страдать.

— А если я переделаю лекарство? Буду использовать обычную воду, это что-то изменит? Ему станет легче?

— Теоретически да, но не сразу. А если ты ему расскажешь обо всем, он при желании может изгнать эти частицы Света из себя, особенно если раскается и попросит помощи у Тьмы, а та простит его.

— Тьма может еще простить его? — переспросила я.

— Шанс есть. И он куда вероятнее, чем тот, при котором Реллингтон согласится стать Светлым. — Генриетта насмешливо качнула головой. — Что-то я не знавала ни одного Темного, захотевшего перейти на другую сторону.

Разговор с ведуньей помог мне многое расставить по местам и решить, что делать дальше. Как сказала Генриетта, можно попробовать «поить» Реллингтона Светом и дальше и посмотреть, что из этого выйдет. Вдруг это изменит его сознание настолько, что он безоговорочно примет Свет? Если только раньше не сойдет с ума. Но по мне, это слишком жестокий эксперимент, и вообще было странно слушать такой совет, пусть и в шутку, от Светлой. Поэтому я решила, что приготовлю Реллингтону другое лекарство. А когда ему станет легче... Нет, когда мы будем расходиться (все же, надеюсь, это произойдет в ближайшее время), и, главное, после того как я приму зелье забвения, расскажу ему обо всем как есть. Пусть сам тогда принимает решение.

— Куда вы уезжали? — встретил меня в столовой грозный Реллингтон.

— К Генриетте, — утаивать этот факт было бессмысленно, Джо все равно в курсе. — Поскольку мастера Коуна нет, я подумала, что могу поинтересоваться ее мнением по поводу проблемы с вашим лекарством.

— И что же она сказала?

— Будем менять состав, — ответила, не распространяясь. — А как вы чувствовали себя в мое отсутствие, милорд? Были ухудшения?

— Немного. Именно это и дало мне понять, что вы куда-то пропали, — нехотя признался он. — Но вы быстро вернулись.

— И что же нам делать дальше, милорд? Я не могу проводить дни напролет в вашем доме, у меня работа, лавка...

— Значит, я буду везде следовать за вами.

— Но это же даст повод для новых сплетен! — Я была обескуражена таким решением.

— Их все равно уже не остановить. — Реллингтон положил передо мной несколько газет с моими фото и кричащими заголовками. — Более того, эта информация дошла и до императорского дворца. Мне прислали новое приглашение на бал Черной розы. И на этот раз вместе с моим именем туда вписано ваше.

Бал Черной розы? Во дворце императора? В самой гуще Темных?

— Нет, я не пойду туда, — заявила решительно.

— Пойдете. — Реллингтон был как всегда резок. — Такие приглашения не игнорируются.

— А если наш брак закончится раньше? Вдруг у нас все... э-э-э... Получится в ближайшие дни?

— Значит, отложим это до бала.

— Постойте, значит, поход туда для вас важнее избавления от приворота? — недоумевала я.

— В какой-то степени да, — ответил он нехотя, а его взгляд, ставший внезапно каким-то затравленным, только подтвердил это.

Похоже, Реллингтон надеется, что посещение этого бала поможет вернуть расположение Темных, а заодно и самой Тьмы. Все понятно и разумно, только отчего мне неприятно это осознавать? Будто ожидала чего-то иного.

— Почему бы вам не пойти одному? Что я там буду делать? — предприняла я еще одну вялую попытку воспротивиться.

— Потому что меня там хотят видеть с супругой, и вы должны сопровождать меня.

— А если я прикинусь больной?

Ответом мне был тяжелый взгляд.

— Что ж... Вижу, выхода у меня нет, — вздохнула я. — В какой именно день будет бал?

— В первый праздничный.

Значит, в пятницу.

— Форма одежды?

— Соответствующая случаю. Я приглашу к вам своего мастера.

— Благодарю, но я бы хотела сшить наряд у своей подруги. Она прекрасная модистка.

Еще чуть не добавила, что у нее шьет одежду семья Паттисона, но вовремя прикусила язык.

— Хорошо. — Реллингтон не стал спорить. — Счет пусть пришлет мне.

На этом наш разговор «за завтраком» был закончен, пришло время отправляться в лавку. Нам обоим. Пока ехали в «Зелья», я думала о том, что будет весь мой рабочий день делать Реллингтон. Как бы он своим присутствием не распугал мне клиентов.

— Простите, милорд, но вам лучше посидеть в подсобке, — сказала я, когда мы были уже на месте. — Думаю, вам не стоит лишний раз показываться на глаза покупателям.

Было видно, это предложение не пришлось Реллингтону по вкусу, но он, на удивление, смолчал и остался там, где я выделила ему место.

— Тише, — я приложила палец к губам, когда в лавку влетела тараторящая о чем-то подруга, и показала взглядом на дверь подсобки, — я сегодня не одна.

— С ним? — почти беззвучно переспросила Паула и сделала большие глаза. — А в чем дело? Опять контролирует?

Я неопределенно пожала плечами, а после все же кивнула. Пусть Паула лучше думает, что это очередная прихоть Реллингтона. И произнесла уже громче:

— Мне надо платье для праздника Черной розы. Найдешь для меня местечко в своем графике?

— И куда это ты в нем пойдешь? — полюбопытствовала Паула. И тут же догадалась сама. — Нет... Неужели... К самому императору?

— Да. — Я даже не улыбнулась.

Зато подруга восхищенно охнула и стала обмахиваться платочком.

— Вот это повезло! Мне бы... Хотя глазочком... Хотя на минутку там оказаться. И ведь лорд Паттисон тоже будет там. Ах, мое сердце разбито еще больше. Ты хоть смотри там на все внимательно, потом расскажешь! И за лордом Паттисоном пригляди.

— Расскажу, — пообещала я. — И приглашу. Лишь бы все прошло нормально.

— А я сошью тебе самое потрясающее платье, — с жаром заверила Паула. — В нем тебя трудно будет не заметить!

— Может, наоборот, а? — взмолилась я. — Не хочу вообще привлекать к себе внимание.

— Нет! Потому что ты там будешь не только за себя, но и за меня, и за всех тех несчастных девушек, мечтающих попасть на этот праздник!

— Ладно, но все же выбери не самый экстравагантный фасон. Иначе уйду к мастеру Жаку, — намекнула я. — Изначально меня хотели направить к нему, но я сказала, что ты

лучше.

— Клянусь, — Паула приложила руку к сердцу, — платье будет достойно королевы!

— Привет! — в лавку влетел Рей, а у меня в голове взвыла сирена.

Нет, Рея тут точно не должно быть!

— Милый, выйдем на минуту. — Я развернула его лицом к входной двери и почти вытолкала наружу. — Прости, но до праздника Черной розы не приходи сюда, хорошо?

И я в двух словах рассказала ему про Реллингтона. Рей сразу все понял и уже сам не стремился заходить в лавку.

— Я позову тебя, когда все наладится, ладно? — пообещала ему на прощанье. — Загляну к вам в гости.

Мальчик улыбнулся, ответил, что будет ждать, и убежал.

Ух, одной проблемой меньше.

На крыльце меня ждала Паула.

— У тебя там новый продавец, — сообщила она мне со смесью страха и веселья. — А я лучше пойду.

Я едва не застонала, увидев у прилавка Реллингтона.

— Еще что-нибудь хотите? — угрожающе вопрошал он у обмирающей от страха госпожи Фирс. — Берите еще что-нибудь.

— Д-да, милорд. Т-тогда возьму еще вот это. — Она, не глядя, схватила с полки зелье для мужской силы. — И в-вот это... — К ее покупкам прибавился настой от сглаза.

— Еще? — продолжал давить Реллингтон.

— П-пожалуй, и это... — Рука госпожи Фирс потянулась за мазью от чесотки.

— Милорд, — я натянула улыбку, — благодарю за помощь, но, пожалуйста, я теперь сама... Госпожа Фирс... Вам точно нужны все эти препараты?

Та часто-часто закивала и начала отсчитывать деньги.

— Уверены?

Она снова кивнула и положила на прилавок десять кристолей.

— Сдачи не надо. — Едва я успела упаковать все зелья, как Фирс опрометью выскочила из лавки.

— Милорд, — я повернулась к Реллингтону, — зачем вы вышли? Мне не нужна помощь.

— Я просто хотел побыстрее от нее избавиться. — Он выбил пальцами дробь по столешнице прилавка. — Возможно, тогда и вы освободитесь скорее. Я уже не могу сидеть в той камерке!

— До закрытия лавки еще три часа, поэтому придется подождать. А потом поедем в дом мастера Коуна, у меня там тоже есть кое-какие дела. Это ненадолго, — заметив, как он сразу занервничал, добавила я. — Подождете меня в машине.

Реллингтон с недовольным видом вернулся в «камерку», а меня ждало еще одно важное дело: утром я сделала заказ на недостающие ингредиенты и вот-вот должен был прийти посыльный. Однако его появление принесло мне лишь расстройство и очередные проблемы: именно тех ингредиентов, что были нужны для приготовления лекарства милорду, не оказалось. А их следующая поставка ожидалась только к середине будущей недели. В запасе, конечно, было еще три пузырька старого лекарства, но я надеялась уже после выходных заменить его на новое, теперь же и это откладывалось.

Что ж, значит, Реллингтону судьба еще полторы недели поприимать «светлой» водички, а мне — побыть при нем нянькой, чтобы не возвращались боли.

ГЛАВА 27

Время до праздника Черной розы пролетело быстро. Я как-то незаметно привыкла к постоянному присутствию Реллингтона рядом, и он, похоже, тоже смирился с неизбежным: тихо сидел в подсобке и читал газеты, откуда собирал сплетни о себе. Вернее, о нас. А они множились, как тараканы, и уже просочились в обычную прессу. Но для меня в этом был и некий плюс: в лавку начали захаживать зеваки, многие из которых становились покупателями.

С Генриеттой и Розой мы, по понятным причинам, в эти дни не виделись. Рей тоже следовал моей просьбе и не показывался. Вечера я по-прежнему проводила в лаборатории, правда, старалась не задерживаться. Из-за того, что под окнами ждал Реллингтон, постоянно испытывала напряжение и плохо концентрировалась на работе. Ингредиенты для лекарства милорда доставили только в четверг утром, поэтому накануне бала до самой полуночи пришлось заниматься его зельем, используя воду, взятую из водопровода в лавке. Реллингтон из-за моей задержки психовал, нервно расхаживал вдоль забора, а весь обратный путь до особняка я слушала его ворчание.

— Простите, милорд, но вы ведете себя как последний брюзга! — не выдержала я под конец. — Как будто ваше недовольство что-то изменит! Да и делала я все для вашего же блага. Лучше бы спасибо сказали.

Я сама завелась и, чтобы успокоиться, открыла бутылку с водой из дома мастера. Ее теперь я тоже была вынуждена всегда носить с собой, иначе другого способа подпитывать свой Свет не было. Игнорировать ее потребление я тоже не могла: сдерживать боли Реллингтона становилось все проблематичней. После этого я даже ощущала некоторый упадок сил, а вода помогала мне восстановиться.

Реллингтон тоже менялся на глазах. Становился менее жестким и озлобленным, все чаще от него можно было услышать слова благодарности и даже извинения. Да, делал он это, точно переступая через себя, порой сквозь зубы и не глядя в мою сторону, тем не менее прогресс был. Вот как сейчас.

— Спасибо, — выдавил он в ответ на мой упрек, а после, я не успела опомниться, забрал у меня бутылку и сделал из нее несколько глотков. А на мой возмущенный взгляд сказал: — Пока ждал вас, чуть от жажды не умер.

Ну вот... А заодно принял еще одну порцию Света. Чудесно.

— Когда придет ваша модистка? — спросил Реллингтон, не подозревая о «троянском коне» в бутылке. — Если бы знал, что она такая нерасторопная, настоял бы на своем мастере. Завтра уже бал, а ваше платье еще не готово.

— Она придет утром, сразу после завтрака.

На самом деле с нарядом было все в полном порядке. Платье Паула сшила еще два дня назад, и оно уже давно могло висеть в моей спальне, однако мне снова пришлось пойти подружке навстречу. Дело в том, когда Паула узнала, что на примерки нужно ходить домой к Реллингтону, она загорелась очередной мечтой: вдруг ей удастся увидаться с Паттисоном, который еще и живет по соседству? Для этого она придумывала всяческие способы и поводы, чтобы в очередной раз заглянуть в район Темных. И оттянуть финальную примерку платья — одно из таких ухищрений.

И все же именно в последний день ей улыбнулась удача: на пути в особняк Реллингтона каким-то чудесным образом она наткнулась на своего любимого лорда. Тот беседовал у своих ворот с неким пожилым Темным господином.

— Представляешь? Он кивнул мне, когда я с ним поздоровалась! — с этими словами она ворвалась ко мне в спальню. — Не отвернулся и не разозлился, а кивнул!

Да уж, чудо чудное, диво дивное! Видимо, Паттисон был сегодня в хорошем расположении духа. Уверена, уже предвкушает бал Черной розы. Или все же на него так Паула благотворно действует? А что? Чем черт не шутит? Если бы у них еще была возможность пообщаться где-нибудь не на людях или в неформальной обстановке...

А Паула продолжала витать в облаках, и мне пришлось поторопить ее, чтобы в последний раз примерить платье, которое она принесла. Черный атлас, узкий покрой, длина в пол, слева разрез почти от бедра — я сама выбрала этот классический фасон, актуальный во все времена и, как оказалось, не менее модный в этом мире.

— Роскошно! — похвалила меня, а заодно и себя Паула. — Еще уложишь волосы, добавишь украшений. Кстати, ты какие выбрала?

— Вот эти. — Я открыла коробочку с драгоценностями, которые подарил мне Реллингтон.

Почему я решила надеть их? Во-первых, у меня других не было. Во-вторых, они хорошо подходили к образу. А в-третьих... Зачем добру пропадать? Пусть хоть Реллингтон полюбуется на свой дар.

Паула одобрила выбор и продолжила:

— А туфли? Туфли?

— Те, что мы подобрали с тобой. — Я показала ей черные лодочки на тонком каблук. Только бы удержаться на них!

— Ну все! Теперь я за тебя спокойна, — провозгласила подруга. — Не устоит даже император, хотя он и благополучно женат уже полвека!

— Лучше бы он меня вообще не заметил, — вздохнула я, понимая, что это невозможно: во дворце меня уж точно будут рассматривать как диковинную зверушку.

Паула ушла, а у меня оставалось два часа, чтобы привести себя в порядок. Путь до столицы был неблизок, и Реллингтон несколько раз повторил, что мы должны выехать в час дня, чтобы успеть к шести на бал. И что только из-за меня придется воспользоваться автомобилем, а так бы он... Тут Реллингтон умолкал, но я понимала, чем должна была закончиться фраза: он бы переместился в Голдвайн с помощью сферума. Ну извините, хотелось ответить ему, я не напрашивалась на этот бал.

С Реллингтоном мы встретились в холле. Он тоже был при параде: атласный жилет, фрак, галстук-бабочка, в руках неизменная шляпа. Его взгляд пробежался по мне от заколки в волосах до носочков туфель.

— Вы довольны моим видом, милорд? — спросила я прямо. — Соответствует случаю?

— Вполне. — Он кашлянул, как мне показалось, смущенно. И тут же сдвинул брови. — Идемте же, вы задержались на целых пятнадцать минут. Нет ничего хуже, чем прибыть на бал последними.

Дорога до Голдвайна, как и ожидалось, была долгой и утомительной. Остановились мы лишь раз минут на десять на заправке, которая находилась почти на въезде в столицу. С одной стороны, было интересно посмотреть, как тут и чем заправляют машины (то, что не бензином, это точно: в прозрачных баках, от которых отходили шланги, плескалось нечто серое и мутное), с другой же, это была единственная возможность за долгие часы посетить дамскую комнату, заодно и поправить прическу с макияжем.

В Голдвайн въехали еще засветло и сразу погрузились в атмосферу праздника. Город гулял весь: от окраин до центра. Людей на улицах была тьма-тьмушая, отовсюду неслись музыка и смех, витал аромат сдобы, жареных колбасок и прочей еды. Фонари, стены домов, витрины — все было украшено цветными гирляндами с вкраплениями маленьких черных розочек. В общем, это была настоящая феерия красок и звуков. И через какое-то время я даже затосковала: и почему я должна ехать в логово к Темным, где мне точно будет неуютно, а не остаться здесь, среди этого простого веселья и искренней радости?

Дворец императора находился, точнее будет сказать, раскинулся в южной части города. Прилегающая территория была столь огромна, что к самому зданию мы ехали еще минут пять. В отличие от городского праздника здесь все было чинно и одновременно пафосно: богатство и роскошь излучала каждая деталь, включая брусчатку подъездной дороги и одежду слуг. Джо высадил нас у парадного подъезда.

Теперь мы стояли у широкой лестницы, ведущей в бальный зал. Реллингтон явно нервничал, хотя и очень пытался это скрыть. Я осторожно дотронулась до его локтя: все спокойно. Тогда набралась смелости и попыталась взять его под руку. Надо же, и теперь пронесло! Реллингтон тоже изумленно глянул на мою руку, переплетенную с его, я же в ответ ободряюще улыбнулась.

— Идемте, милорд, вы же не хотите опоздать?

Черный мрамор и золото — именно эти два элемента преобладали в убранстве дворца. Высокие потолки, колонны, лепнина, старинные картины и статуи... Мне не хотелось так явно проявлять восхищение обстановкой, но порой я едва сдерживалась, чтобы не вертеть головой от любопытства.

В бальный зал входила, затаив дыхание. И первое, что ощутила, было не волнение и даже не страх, а колоссальная концентрация темной энергии. Она давила со всех сторон, вызывая жгучее желание немедленно отсюда сбежать. Неужели это Свет внутри меня бунтует против нахождения в такой огромной компании Темных? В какой-то миг мне даже будто воздуха перестало хватать, а во рту пересохло. Мимо как раз пробежал официант с напитками, и я не отказалась от его предложения угоститься, за неимением чего-либо более освежающего выбрав шампанское. Реллингтон взял себе коньяк, но лишь пригубил его, в остальное время просто крутил стакан в руке. В нашу сторону то и дело летели любопытные взгляды, однако пока никто не подходил и не заводил разговора. Реллингтон тоже вел себя отстраненно, а выражение его лица было бесстрастным. Защитная маска, не иначе. Уверена, внутри него сейчас бушуют страсти и он нервничает не меньше моего. И все-таки как же здесь неудобно! Все чужое и враждебное. Именно поэтому я почти обрадовалась, когда среди гостей увидела Паттисона. Хоть одно знакомое лицо! Он разговаривал с неким высоким молодым шатеном, но вскоре тоже заметил нас и расплылся в ухмылке. Его собеседник тоже повернул голову и удивленно приподнял брови.

— Никак Реллингтон? — И в следующую секунду уже шел к нам. Паттисон же демонстративно остался стоять на месте все с той же натянутой ухмылкой.

— Ваше высочество. — Реллингтон чуть склонил перед ним голову.

О... Неужели принц? Сын императора?

— Да ладно, Марк. — Тот с улыбкой хлопнул Реллингтона по плечу. — К чему эти формальности? Забыл о наших безумных студенческих годах? Я до сих пор иногда ностальгирую по тем временам.

— Да, было дело. — Реллингтон попытался улыбнуться.

— Значит, это твоя жена? — Теперь шатен взглядом ощупывал меня, и довольно похотливо, скажу я вам. Неприятное ощущение. — И ты хотел скрыть от всех такой восхитительный экземпляр? Жаль, что она не Темная. Ты ведь знаешь, чем это чревато? Тебе мало других проблем?

— Позвольте, ваше высочество, мне самому решать свои проблемы, в том числе и с женой. — Я чувствовала, как напряглись его мышцы под моей рукой.

Но принц, похоже, не обиделся, лишь снова хохотнул.

— Ты не меняешься, Марк. Ну хоть позволь станцевать с твоей супругой. — И посмотрел уже на меня. — Вас ведь Лия зовут, миледи?

— Верно... ваше высочество. — Я неловко поклонилась. — Лия... Только... — Я с ужасом представила, как принц прикасается ко мне и получает ответный разряд, и поняла, что должна всеми способами избежать любого контакта с ним. — Простите, но я танцую только со своим мужем. И этот танец, — я глянула на центр зала, где уже начали собираться пары, — мечтала станцевать с ним.

— Подобным образом мне еще ни одна дама не отказывала. — Принц даже в такой ситуации не растерял веселого настроения. — Я, конечно, мог бы настоять на этом в силу своего статуса, но не буду. Найду леди поговорчивей. А вам хорошо отдохнуть на празднике. Со своим мужем. — Он подмигнул Реллингтону и наконец отошел.

Секунды шли, а Реллингтон не шевелился и никак не комментировал мою выходку. Злитесь? Или не очень? Я с опаской подняла на него глаза и спросила:

— Вы же понимаете, почему я это сделала?

— Вполне, — ответил он, хоть и помедлив.

— Тогда, может, действительно потанцуем, милорд? А то если его высочество увидит, что я его обманула, это может не очень хорошо сказаться на вашей репутации. И Паттисон на нас все еще глазееет, — добавила я, понизив голос. — И, кажется, подслушивает...

— Ладно, — тяжело выдохнул Реллингтон, — но учтите, я не лучший танцор.

— Да я тоже как-то не привыкла плясать на балах. — Я усмехнулась и пожала плечами, а у моего супруга впервые за весь день на лице появилась улыбка.

Танец был медленным, с несложными движениями, к которым я быстро приоровилась. Правда, танцевать с Реллингтоном — находиться к нему вот так близко, почти в его объятиях, было странно и непривычно, но главное, совсем не отталкивающе. И никаких тебе возмущенных молний. Взгляд же Реллингтона все время был устремлен куда-то поверх моей макушки, а между его бровей прорезалась озабоченная морщинка. О чем он, интересно, думал в этот момент? Чем был обеспокоен? Не похоже, что его мысли были обо мне и нашем танце. Может, о Тьме, которая отдалялась от него все дальше?

К концу танца мне вновь стало нехорошо, даже подташнивать начало. Нет, все же тут слишком много Темных.

— Не возражаете, если я присяду где-нибудь, милорд? — спросила я, когда отзвучали последние аккорды мелодии. — Или выйду на воздух. А то здесь несколько душно.

Реллингтон не возражал. Провел меня на балкон, а сам куда-то отлучился, как он пояснил, ненадолго. Я спряталась от всех за колонной, где нашлась маленькая скамеечка, и вытянула уставшие ноги, а после и вовсе скинула туфли.

— Мор уже и на юго-западе, — вдруг услышала я за спиной мужской хриплый голос. — Люди тоже начинают болеть.

Я украдкой выглянула из-за колонны: два господина, один седовласый, крупный, другой помоложе и похудее. Оба серьезные и взволнованные. Я спряталась обратно и затаилась, обратившись в слух.

— На севере, под Бейлендом, вчера ураган снес целую деревню. Мы уже не контролируем ситуацию, Пак, — продолжал пожилой. — Слухи все тяжелее сдерживать. Сейчас народ пока отвлечен праздником, но потом...

— А что император? — спросил его собеседник.

— Он в растерянности. Мы все в растерянности, Пак. Если ситуация примет критический оборот, придется бежать в другие миры. Или погибать вместе с Дарквайтом. Император даже готов объявить баснословное вознаграждение тому, кто сможет найти выход. Но тогда придется обнародовать правду об истинном положении дел. А это чревато паникой и истерией... — Их голоса стали удаляться, пока на балконе я вновь не осталась одна.

От услышанного мне было не по себе. Что же такое страшное происходит в Дарквайте? Откуда все эти катаклизмы, что даже Темные не могут с ними справиться? А если все эти беды доберутся до столицы? А до Талосса? Как-то тревожно, нет, даже страшно.

Вскоре мое одиночество снова было нарушено. На балкон вышла целая компания девушек-подружек, которые громко и с хохотом принялись делиться впечатлениями о бале и каких-то своих кавалерах. Долго рядом с ними я просидеть не смогла, поэтому решила вернуться в зал поискать муженька. И, похоже, зря. Меня снова придавило густой энергетикой Темных, замутило и зашумело в ушах. Потом я узрела Паттисона, который тут же двинулся ко мне. Нет, только не он... Я сейчас совсем не в форме, чтобы отбиваться от его нападков. Но на помощь неожиданно пришел Реллингтон. Стоило ему появиться рядом со мной, Паттисон тут же остановился и сменил направление. Кажется,

теперь я знаю, кто вышел победителем в той перепалке у ворот. И это не Реллингтон.

— Император спустился, — сказал мне между тем Реллингтон. — Нужно присоединиться к остальным. Пойдемте.

Я кивнула, понимая, что ему это важно. Сделала шаг, но ноги вдруг стали ватными. Перед глазами все поплыло, и последнее, что я помнила, это непривычно взволнованный голос Реллингтона, зовущий меня по имени.

ГЛАВА 28

Свежий ветерок пробежался по щекам, ухо уловило тихий плеск воды и клекот неизвестной птицы. Я шевельнула пальцами и ощутила под ними мягкую траву. Сделала глубокий вдох и открыла глаза. Небо... Кажется, оно так близко, и звезды такие крупные... Понять бы еще, где нахожусь. Шорох рядом заставил повернуть голову. Реллингтон. Сидит совсем близко и жует какой-то стебелек.

— Очнулись? — Он сразу отбросил травинку.

— Что произошло? Почему мы здесь? — спросила я, чуть приподнимаясь на локтях и оглядываясь: небольшое озеро, редкие деревья, но вдалеке видны огни города. — Я потеряла сознание?

Реллингтон кивнул.

— Вам лучше?

— Скорее да, чем нет, — ответила, откидываясь обратно на траву. — Только слабость небольшая. Думаю, сейчас пройдет. Как мы здесь оказались и что это за место?

— Это окраина городского парка. Я перенес вас сюда.

Перенес? Каким образом?

— Я так долго была без сознания, что вы успели перенести меня из дворца сюда? — поразилась я, представив, как Реллингтон шагает по городу со мной на руках.

— Нет. — Он усмехнулся. — Я перенес вас другим способом, более быстрым. Каким обычно перемещаюсь сам.

— С помощью сферума? — Я опешила еще больше. — Разве это возможно? Переместить вместе с собой кого-то еще?

— Если очень постараться... — Его, кажется, не удивили мои познания в сферумах. Или же он не обратил на это внимания. — Просто это требует дополнительной затраты силы. И... сопровождается не очень приятными ощущениями.

— Зачем тогда вы это сделали? Почему ушли с бала вместе со мной?

— Вам стало плохо. Разве этого мало?

— На этот раз меня пожалели вы? — Я не удержалась от легкой колкости.

— Пусть будет так. — Он хмыкнул.

— И все равно не понимаю, почему вы решили покинуть дворец? Ведь можно было остаться. Я бы пришла в чувство, посидев опять немного на воздухе, и все было бы хорошо.

— Хорошо не было бы. — Реллингтон посмотрел на меня внимательно, а у меня сердце ушло в пятки: он о чем-то догадался? Но затем последовало продолжение: — Когда в одном месте собирается столько Темных, обычному человеку может стать нехорошо. Я не учел этого, извините.

Я с облегчением выдохнула. Кажется, пронесло.

— А как же бал? — спросила я. — Император? Вы же, наверное, ждали встречи с ним. Хотели решить какие-то вопросы...

— Это уже не важно. — Он посмотрел на небо. — А император... Не думаю, что он опечалится, если не пообщается с изгоем. Только если развлечения ради. Мне же, признаться, самому было сегодня на балу не очень комфортно.

О... Уж не опять ли это из-за моей светлой воды? А ведь действительно Свет мог взбунтоваться в логове Темных, как в моем случае. Или же он не о том комфорте

говорит?

— Сейчас лучше? — уточнила осторожно.

— Намного.

Я впервые видела Реллингтона таким спокойным и умиротворенным, будто и не он вовсе. Где злость? Ворчание? Недовольство? И его поступок перенестись сюда тоже вызывал странные чувства. Да и вся эта обстановка: ночное озеро, небо, усыпанное звездами... При других обстоятельствах я бы назвала это романтичным и...

— Поцелуйте меня, милорд. — Слова вырвались сами собой. Сердце испуганно встрепенулось, когда осознала возможную опрометчивость этой просьбы. Но изменить уже ничего было нельзя, и я затаила дыхание в ожидании реакции Реллингтона. Его ошеломленный взгляд встретился с моим.

— Что вы сказали? — тихо переспросил он.

— Я попросила поцеловать меня, — повторила так же тихо. И неуверенно улыбнулась, пытаюсь сгладить неловкость. — Я просто хочу проверить, вдруг уже могу... подпустить вас ближе. Но если вы не желаете, настаивать не буду. Потому что я действительно не уверена. Ведь прикосновения — это одно. И даже то, что мы танцевали сегодня без проблем, не означает, что... — Но договорить я не успела: Реллингтон резко подался вперед и навис надо мной.

— Давайте попробуем. — Его дыхание коснулось моих губ, и у меня от волнения засосало под ложечкой.

— Хорошо. — Я сама приподнялась навстречу.

Наши губы соприкоснулись, и я прикрыла глаза. Все спокойно, все хорошо, только сердце колотится и в груди щекочет. Несколько секунд мы не двигались, привыкая к этой новой ступени близости и все еще страшась последствий. Потом Реллингтон осторожно захватил мою нижнюю губу, чуть прикусил ее, провел по ней языком... И отстранился. Я распахнула глаза и посмотрела на него обескураженно: это все? А ведь я только собралась ответить. Что случилось?

— Давайте на этом остановимся. — Он отвел глаза и потер нахмуренный лоб. — Иначе я могу потерять контроль над собой. И мы вернемся к началу.

В эту секунду я почувствовала себя пристыженной. А ведь и правда, Генриетта говорила, что ему с каждым днем будет все труднее сдерживать свое влечение. Со дня приворота прошел почти месяц, а Реллингтон даже виду не показывал. Лишь иногда я замечала на себе его горящий взгляд, но и тот он быстро прятал. Поразительная сила воли.

— Или вы готовы продолжить сейчас? — между тем добавил он с насмешкой. — Исполнить свой супружеский долг под открытым небом?

Я ответила не сразу, сначала со всей злости прихлопнула комара, который вознамерился укусить меня за плечо. Нашел момент!

— Супружеский долг под звездами — это, конечно, романтично. — Я отправила на тот свет еще одного кровососа и показала Реллингтону останки несчастного. — Но на деле, как видите, слишком много свидетелей.

Он на это усмехнулся, а я продолжила уже без улыбки:

— А если серьезно... Мне еще нужно пару дней. Всего два дня, и мы решим нашу проблему. Обещаю.

Реллингтон, продолжая недоверчиво усмехаться, чуть прищурился.

— Любопытно, чем я наконец сумел расположить вас к себе?

— Конечно, изумрудами. — Я потрогала одну сережку. — Разве вы не заметили, что я сегодня надела ваш подарок?

— Заметил. — Он не сводил с меня глаз. — А если без шуток?

— Без шуток... — Я задумалась и пожала плечами. — Не знаю. Возможно, я просто к вам привыкла за это время? Привычка... На ней держатся многие отношения: супружеские, дружеские... Некоторые даже работу не могут сменить из-за этой самой привычки. И это не плохо, нет. Просто одна из форм связи между людьми. А в нашем случае она даже спасение, — добавила я, но от собственного вывода отчего-то стало горько. И я поспешила вернуться к главной теме: — Так вот, милорд, дайте мне всего два дня. Мне необходимо забрать у Генриетты новое зелье забвения. А еще... Кое-что рассказать вам. Важное.

— Важное? — Реллингтон заинтересовался. — Это касается вас? Или меня?

— Нас обоих. Но не пытайте меня пока, мне нужно время, чтобы подготовиться к этому разговору. А пока... Помогите мне встать, — я протянула ему руку и улыбнулась, — а то платье слишком узкое.

Тогда Реллингтон поднялся сам и, взяв меня за руку, потянул на себя. На миг я оказалась в его объятиях, но он тут же отпустил меня.

— Спасибо. — Я поправила платье и волосы. — Можно еще попросить вас кое о чем?

Он вопросительно посмотрел в ответ.

— Покажите мне Голдвайн. Возможно, я здесь больше никогда не побываю.

— Я не люблю гулять по городу среди толпы людей, — ответил Реллингтон уже с привычным недовольством.

Ну вот, недолго музыка играла.

— Что ж... Нет так нет. — Я все же не смогла скрыть разочарования.

— Хорошо! Идемте, — изменил он свое решение в следующий миг. — Только недолго. Что вы хотите посмотреть?

— Не знаю. А что здесь есть интересного? — Я снова воспрянула духом.

— Откуда же я знаю, что вам интересно?

— Ну, есть же тут какие-то достопримечательности? Соборы, дворцы, памятники...

— Вам мало императорского дворца? — Реллингтон иронично приподнял бровь.

— Ладно, разберемся на месте. — Я взяла его под руку, и на этот раз он не удивился, а воспринял это как должное. — Думаю, стоит начать с центральной площади. Там всегда найдется что посмотреть.

Реллингтон на это неопределенно хмыкнул и повел меня к выходу из парка.

Чем ближе мы подходили к центру, тем ярче сияли огни и явственней ощущался праздник. Несмотря на поздний час, улицы по-прежнему были заполнены людьми. Старики, дети, влюбленные пары и компании друзей, состоятельные горожане и жители бедных районов — толпа, которая нас поглотила, была похожа на яркое лоскутное покрывало: такие разные в обычные дни, сегодня они были объединены общей радостью и весельем.

— Это музей? — Я показала на белое здание с колоннами.

— Нет, больница, — ответил Реллингтон. — Музей есть за углом, исторический. Но он сегодня не работает.

— Жаль. Было бы интересно немного познакомиться с вашей историей.

«Особенно с причинами войны Тьмы и Света», — добавила уже про себя. Впрочем, как раз об этом в музее может ничего и не быть.

— А это что за место? — Мы подошли к кованым воротам, за которыми чуть вдалеке виднелось трехэтажное здание из красного камня.

— Академия, я здесь учился. — Взгляд Реллингтона стал задумчивым.

— Вместе с принцем?

— Да, мы с Кайлом учились на одном курсе и факультете. И Паттисон, кстати, тоже.

— Значит, ваша вражда с тех времен? — не удержалась я от вопроса.

— Наверное. — Реллингтон пожал плечами. — Хотя Люк и до этого был невыносимым, с тех самых пор, как отец взял его в свой дом и признал сыном.

— Возможно, он так себя вел, потому что все унижали его, напоминая о происхождении? — открыто предположила я.

— Никто его не унижал, — поморщился Реллингтон. — Он всегда нападал первым. И с чего это вы его защищаете? Тоже жалеете?

— Я не защищаю Паттисона, мне самой он неприятен с первых дней, просто его озлобленность может быть причиной притеснения в детские годы. Так сказать, психологическая травма, комплексы...

— Вы в каждом пытаетесь найти что-то хорошее и оправдать его? — Он посмотрел на меня с непонятым выражением. — Даже если его нутро темнее Тьмы?

— Пытаюсь, — легко согласилась я. — Мне так проще.

— Это глупо.

— Каждому свое. — Я улыбнулась. — А на каком факультете вы учились? Что-то связанное с военным делом, наверное.

— С чего вы решили? — Реллингтон не скрывал удивления.

— Не знаю. — Я тут же дала задний ход. Не буду же говорить, откуда мне известно, что он участвовал в борьбе со Светлыми. — Мне так показалось.

— Я похож на вояку? — не унимался он.

— Как раз нет, но отчего-то подумалось.

— Я учился на юридическом, — наконец прояснил Реллингтон. — Служил лишь три года, как любой выпускник академии.

— Обязательная служба? — уточнила я. Почему-то мне стало немного легче на душе, когда поняла, что Реллингтон не профессиональный военный. — В моем мире тоже есть подобное.

— А где ваши родители? — решила я еще на один вопрос, когда мы пошли дальше. — Они разве не в столице живут?

— В пригороде Голдвайна, — прозвучал скупой ответ.

— А почему их не было на балу?

— Они там были.

— Были? — От изумления я едва не споткнулась. Это что же значит, они и меня видели? — И вы с ними не разговаривали?

— Почему же? Перекинулся несколькими словами. — Эта тема Реллингтону была явно неприятна, и я не стала больше ничего спрашивать.

Теперь мне понятно, куда он ходил, когда я отдыхала на балконе. К родителям. Но, по всей видимости, Паула говорила правду: отношения у них натянутые.

Мы оказались на площади, где шла праздничная ярмарка, играла музыка и показывали какое-то представление. Жаль, я не подумала взять с собой денег: вокруг было слишком много соблазнов. А еще хотелось есть, ведь на императорский ужин мы так и не попали.

— Мы можем зайти в ресторан, — словно подслушав мои мысли, предложил Реллингтон.

— А как вы смотрите на то, чтобы попробовать вон те колбаски? — обрадовавшись, внесла я встречное предложение.

— Уличная еда? — Он с сомнением покосился на лоток с теми самыми колбасками.

— А почему бы и нет? Выглядят они и пахнут аппетитно.

— Ладно. — Реллингтон извлек откуда-то монету в десять кристолей и положил на прилавок перед пожилым продавцом. — Нам вот этого... вашего... Две порции.

— Конечно, милорд, — засуетился тот и стал нанизывать на шпажку колбаски и печеные овощи. — Может, лимонного пунша хотите? Клиенты его хвалят.

Реллингтон посмотрел на меня.

— Хотите?

— А почему бы и нет? — заулыбалась я. — Говорят же, что вкусный.

— Вкусный, вкусный, — закивал продавец и наполнил пуншем два стаканчика.

Получив свою еду, мы расположились на скамеечке неподалеку. Колбаски оказались сочными, пряными и очень сытными.

— Ну как вам? — поинтересовалась я у Реллингтона.

Он ел медленно и все с тем же выражением недоверия на лице.

— Вполне съедобно, — изрек наконец.

— Пунш тоже приятный на вкус. — Я отпила из стаканчика.

— Ваш напиток был вкуснее. — Он тоже сделал несколько глотков и отставил стакан на скамейку.

— Какой напиток? — не поняла я.

— С лимоном и мятой...

— Мохито, что ли? — удивилась я. — Когда вы его пробовали?

— Когда забирал вас перед свадьбой.

Да, точно... Я тогда от отчаяния сделала себе целый кувшин. Неужели Реллингтон в том состоянии смог оценить и запомнить его вкус? Надо же...

— Могу приготовить его еще раз, — сказала, немного смутившись. — Для вас. Если, конечно, представится возможность.

Он ничего на это не ответил. Поднялся и предложил продолжить прогулку. Или же поискать Джо, который как раз должен был находиться где-то недалеко от центра. Я выбрала последнее.

— Поехали домой. То есть в Талосс, — сказала ему и, поежившись от дуновения прохладного ветерка, обхватила себя за плечи.

Мимо прошла влюбленная парочка, и девушка тоже капризно пожаловалась:

— Как-то похолодало, дорогой...

Парень сразу же снял пиджак и накинул на нее.

— Пойдемте, милорд, — повторила я и уже сделала шаг вперед, как вдруг мне на плечи лег фрак Реллингтона. Я растерянно взглянула на него. — Спасибо.

— Не за что. — И вновь отстраненный тон и взгляд, устремленный в себя. — Ночи действительно уже становятся прохладными.

ГЛАВА 29

Рассвет мы встретили в дороге. Машина мчалась навстречу восходящему солнцу, у меня же отчего-то щемило в груди. Будто этот зарождающийся день должен стать поворотным в моей жизни. Светлая грусть... Сегодня я, пожалуй, впервые поняла, какое чувство скрывается за этими расхожими словами.

Талосс только просыпался, когда автомобиль остановился у особняка Реллингтона. Слуги, что вышли нас встречать, тоже еще боролись со сном, украдкой зевали и терли глаза. Похоже, вчера, в отсутствие хозяина, у них был свой праздник.

— Джо, — обратилась я к водителю, — когда вы отдохнете, будьте добры, навестите ведунию Генриетту. Она должна передать мне одно зелье.

На второй этаж мы с Реллингтоном поднимались вместе. За всю дорогу до Талосса мы почти не разговаривали, молчали и сейчас. На развилке коридоров, где наши пути расходились, он вдруг остановился. Посмотрел на меня так, будто хотел что-то сказать, даже сделал шаг в мою сторону, но потом отступил.

— Отдыхайте, — сказал на прощанье. — Вечером поговорим.

Я закрыла дверь в свою комнату и прилегла на кровать, не раздеваясь. После бессонной ночи не мешало бы поспать, но внутри все сковало напряжением, и одолевали мятежные мысли. Я вспоминала прожитый день момент за моментом, начиная от бала и заканчивая прогулкой по Голдвайну. А еще поцелуй, скомканный, быстрый... Стыдно признать, но я жалела, что не смогла его ощутить в полной мере. И да, мне хотелось бы повторить его. Вот уж правда: что с людьми делает привычка? Ведь не могу же я начать испытывать к Реллингтону какие-либо другие чувства? Нет, дело именно в привычке. И слава богу, если только в ней.

К тому же было еще нечто, куда более важное, чем поцелуй: разговор с Реллингтоном о Свете внутри него и... во мне. Да, о том, что я Светлая, тоже намеревалась ему рассказать. Рано или поздно он об этом узнает сам, так пусть услышит это от меня.

Я все же задремала прямо в платье, так и не накрывшись одеялом. Проснулась уже в разгар дня от яркого солнца, заливающего комнату. Только успела подняться, как в спальню заглянула горничная.

— Джо просил передать. — Она протянула мне небольшой бумажный сверток.

Неужели уже съездил к Генриетте?

Я удивилась, обнаружив в посылке от ведунии два флакона. Содержимое красного я опознала сразу, а вот на втором пришлось прочесть надпись: «От нежелательных последствий. Выпить не позднее чем за полчаса до». До чего именно, было и так понятно. Похоже, Генриетта решила позаботиться и о том, чтобы я случайно не зачала Реллингтону наследника. Что ж, спасибо ей на этом.

С самим Реллингтоном мы увиделись только за ужином.

— Вы хотели о чем-то поговорить со мной? — вспомнила я.

— Наоборот, я жду, что расскажете мне вы. — Его внимательный взгляд обратился на меня, я же некстати отметила, что глаза у него стали еще светлее. — Вы говорили, что это серьезно и касается нас двоих. Так вот, я весь в нетерпении. И хотел бы узнать все именно сейчас. Вы готовы к этому разговору?

И я решилась.

— Пожалуй, да. Только давайте перейдем в другое место, где нам никто не помешает. — И искоса посмотрела на слугу, меняющего блюда на столе.

— Как скажете. Закончим ужин и переместимся в библиотеку. Там нас никто не услышит.

Уже в библиотеке Реллингтон закрыл дверь на замок, предложил мне свое любимое

кресло, а сам присел на край стола.

— Я слушаю. — Он переплел руки на груди.

Я сделала вдох, чтобы немного успокоиться. С чего же начать признание? Ох, как же это нелегко... Про любовное зелье и то проще было рассказывать.

— Дело в том, — я сцепила похолодевшие от волнения пальцы, — что в воде, на которой я последние недели готовила зелья, оказались частицы Света...

— Что? — Реллингтон недоверчиво усмехнулся. — Какой Свет? Откуда?

— Я сама не знаю, милорд...

— Тогда с чего вы решили, что он там есть? — Реллингтон стал раздражаться. — Что вы вообще знаете о Свете? Вы, которая в Дарквайте появилась какой-то месяц назад!

— Достаточно, чтобы не быть голословной. — Нервный спазм сжал горло, и я сглотнула, пытаясь избавиться от него.

— В таком случае вы должны знать, что Свет исчез из этого мира!

— Похоже, не исчез. Откуда-то же он проникает в воду! — Я тоже повысила голос. — И именно поэтому вам становится все хуже, хотя вы принимали свое лекарство! И, судя по всему, именно поэтому вы смогли войти в дом мастера! Неужели вас самого это не удивило? Свет сейчас заполняет те пустоты, где некогда была ваша Тьма.

— Чушь... Что за чушь? — Реллингтон стал нервно расхаживать по библиотеке. — Даже если и так... Если вы говорите правду... Почему мне тогда становится легче в вашем присутствии? На это у вас тоже есть объяснение?

— Есть, — прозвучало хрипло и совсем тихо.

— И какое же оно? — Реллингтон остановился совсем рядом.

— Потому что я сама Светлая, — сказала, будто вынесла себе приговор. И замолчала.

А он смотрел на меня такими глазами, что хотелось провалиться сквозь землю. В них было все: ошеломление, ярость, разочарование и даже боль.

— Я сама до сих пор не могу в это поверить. — Я все же нашла в себе силы говорить дальше. — Потому что не чувствую этого. Не понимаю, откуда это взялось. В моем мире ничего подобного нет. Я там была нормальной... Обычной... А тут совсем недавно со мной стали происходить непонятные вещи.

— Значит, мне не показалось... — вдруг произнес Реллингтон каким-то бесцветным голосом. — Когда забирал вас из дворца, в момент перемещения вокруг вас вспыхнул светлый сферум. Всего на мгновение. Я решил, что это обман зрения.

Я не нашлась, что на это сказать, сама была обескуражена не меньше. А Реллингтон сжал кулаки и продолжил еще более жестким тоном:

— Выходит, вы знали, что в вашей воде Свет, но продолжали меня им травить? Намеренно?

— Нет! — выкрикнула в отчаянии и тоже подскочила на ноги. — Я узнала об этом недавно, но не могла изменить все быстро. Хотела, но не вышло! Лекарство мастера тоже нельзя было отменить, иначе вернулись бы другие боли, от которых мое присутствие не смогло бы вам помочь! Но я уже сделала новую партию зелья на обычной воде. Завтра вечером она будет готова. Вы начнете его принимать, и станет легче. Не сразу, но станет. А если вдруг... Вдруг вы согласитесь принять этот Свет...

— Я? — оборвав меня, взревел Реллингтон. — Принять Свет? Стать Светлым? Не быть этому никогда!

— Тогда остается просить помощи у Тьмы, чтобы она избавила вас от накопившегося Света. — Я пыталась говорить примирительным тоном. — Генриетта знает, как это

сделать. Она подскажет.

— Опять эта ведьма! Откуда она все знает?

Я намеренно пропустила его вопрос и продолжила:

— Если хотите, я останусь рядом, пока вам не станет легче. Пока не найдете выхода из этой ситуации...

— Нет. — И от его взгляда у меня прошел мороз по коже. — Вы мне больше не нужны. Я приду в вашу спальню через час. Будьте готовы. И не забудьте принять ваше зелье забвения. Да, и постарайтесь усмирить свои... протесты. Давайте уже покончим с этим раз и навсегда. О разводе не беспокойтесь. Я тоже сотру о вас воспоминания отовсюду, где бы ни появлялось ваше имя. Не пройдет и недели, о нашем браке никто и не вспомнит. И да, так уж и быть, я никому не сообщу, что вы Светлая. Жалость за жалость. — И с этими словами он покинул библиотеку, громко хлопнув дверью.

Я вернулась в свою комнату на негнущихся ногах. Реакция Реллингтона была вполне предсказуема, только на сердце все равно будто камень лежал. Мне даже трудно было дать определение чувствам, обуревавшим меня в эти мгновения. Хотя нет, не трудно, скорее, боязно. Вдруг я пойму о себе что-то такое, чего лучше не знать? Без чего живется намного проще и легче.

Пятнадцать минут из отведенного часа уже прошли, Реллингтон должен был скоро появиться в моей спальне и... Нет, я не знала, что меня ждало. Но лучше бы все действительно закончилось сегодня. Свет, не подведи меня, позволь мне наконец покончить с этим... Раз и навсегда.

Чтобы не томиться в ожидании, я начала собирать чемодан. Решила, что если все получится, то уйду отсюда, не дожидаясь утра. Даже успела сходить к Джо и предупредить его, что, возможно, через несколько часов мне понадобится его помощь. Ну и зелья... Против нежелательных последствий выпила, не задумываясь, а вот на «забвении» рука внезапно дрогнула. Я долго стояла в ванной напротив зеркала, смотрела на свое бледное взволнованное лицо и никак не могла заставить себя сделать глоток.

В комнате хлопнула дверь, и сердце чуть не выскочило из груди. Пришел? Уже? Я последний раз посмотрела на флакон в руке и... выплеснула его содержимое в раковину до последней капли. Вот и все. Выбор сделан.

Я вышла из ванной. Реллингтон стоял посреди комнаты и, не двигаясь, смотрел на меня. И мне вдруг показалось, что он растерян не меньше, чем я. Его взгляд метнулся к моей руке, которая до сих пор сжимала пустой пузырек.

— Выпили? — спросил он.

— Да, — солгала я и оставила флакон на туалетном столике. Ему не нужно знать о моем выборе.

Теперь Реллингтон смотрел на мой чемодан.

— Я решила ночевать в доме мастера, — сказала я. — Хочу проснуться там. Тогда не понадобится никаких объяснений.

— Как хотите, — произнес он после некоторой паузы, но снова не сдвинулся с места.

Бойтесь прикоснуться ко мне? Думает, что опять буду биться током? Нет, не буду. Сложно объяснить, но я чувствовала, что сегодня не будет никаких препятствий.

Тогда я подошла к нему сама. Едва касаясь, провела ладонью по его груди. Реллингтон затаил дыхание, а я ощутила, как быстро бьется его сердце, почти в унисон с моим. Пальцы сами потянулись к пуговице на его рубашке. Освободила одну из петель... Другую... Третью... Я чувствовала на себе его взгляд, сама же боялась поднять глаза.

Реллингтон вскоре не выдержал, перехватил мое запястье, останавливая. Наши взгляды встретились, мгновение — и его ладонь уже лежит на моем затылке, а губы впиваются в

мои жадно, чуть ли не грубо. Секундное замешательство сменилось внезапной ответной жаждой. Я стала целовать его так же исступленно и ненасытно, словно на кону стояла моя жизнь, мое будущее, я сама. Впрочем, едва ли это было не так.

Не разрывая поцелуя, Реллингтон подтолкнул меня к кровати. На ходу скинул рубашку и следом за мной опустился на постель. Ткань моей сорочки треснула под его нетерпеливыми пальцами, обнажая тело. Теперь губы Реллингтона ласкали мою грудь, живот, бедра, а я, задыхаясь, выгибалась им навстречу. Я сама себя не узнавала, не понимала, сходила с ума и желала новых прикосновений, жаждала касаться самой руками, губами, каждой клеточкой своего тела. В момент, когда мы стали едины, время остановилось. Мы двигались в одном ритме, безотрывно глядя друг другу в глаза. И даже в момент самого пика наши взгляды по-прежнему были направлены друг на друга, и в их глубине мы ловили отражение нашего экстаза.

Но едва последняя волна страсти схлынула, все вновь встало на свои места. Взгляды разорвались, тела разъединились, и вернулась горькая реальность. Реллингтон растянулся рядом и отрешенно уставился в потолок.

Все кончено? Приворот спал? «Вы ко мне больше ничего не чувствуете?» — хотелось спросить его. Но не смогла. Сейчас я не готова была услышать ответ. Может, потом, когда воспоминания о нашей близости померкнут.

Вместо этого поинтересовалась как можно равнодушной:

— Я могу идти?

И снова его излюбленное молчание — долгое, выматывающее.

— Можете, — ответил он, даже не повернув головы.

Я замоталась в покрывало, взяла свою одежду, которую приготовила заранее, и направилась в ванную. Одевалась быстро, стараясь не смотреть на себя в зеркало. Волосы тоже уложила кое-как, о косметике даже не задумалась. Когда вернулась в комнату, Реллингтон лежал в том же положении, лишь прикрыл наготу одеялом. В руке у него я заметила пустой пузырек от моего зелья. Проверял, выпила ли все до конца?

— Завтра приходите за вашим новым лекарством, милорд, — сказала я напоследок. — Ну или же присылайте Джо, если не желаете меня видеть. Я все равно не вспомню почему. И в будущем можете не волноваться. Я сделала себе пометку в рецепте, что воду нужно брать в другом месте. А насчет того, как избавиться от светлых частиц, я уже вам объяснила. Желаю, чтобы у вас все получилось. Темной ночи, милорд.

Я подхватила кукушку, другой рукой взялась за ручку чемодана и покатила его к двери. Все ждала, что Реллингтон тоже хоть что-нибудь скажет мне на прощанье. Но он молчал и, кажется, даже не смотрел в мою сторону. Уже в коридоре, когда закрыла за собой дверь, мне показалось, что в комнате что-то разбилось. Но проверять не стала. Меня уже это не касалось.

Джо ждал меня внизу. Помог снести чемодан и часы с кукушкой, погрузил все это в автомобиль.

— Куда едем, миледи? — спросил, заводя мотор.

— А разве непонятно? — Я усмехнулась. — Назад... В дом мастера Коуна.

ГЛАВА 30

— Здравствуй, дом, — тихо сказала я, переступая его порог. — Я вернулась... Теперь мы снова будем вместе.

Я прошла по первому этажу и зажгла везде свет. Так-то лучше, а то темнота угнетает. Затем занесла чемодан в свою спальню, сбегала за кукушкой и повесила ее домик на прежнее место.

— И тебя с возвращением домой.

Птичка на миг высунула голову, произнесла довольное «ку-ку» и спряталась обратно. Ну хоть кому-то хорошо.

Я снова спустилась на первый этаж, в кухню. Поставила чайник и, пока тот грелся, провела ревизию продуктов: завтра однозначно придется идти по магазинам. И прибраться не помешает... Но потом, все потом. В конце концов, у меня всегда есть палочка-выручалочка в виде чистящей пылицы. Из чайника повалил пар, и я достала заварочник. Сложила в него листья мяты и остатки засохшего лимона, залила кипятком. Усмехнулась: почти мохито, только в горячем виде. Ну, люблю я это сочетание, что поделать? «Ваш напиток мне понравился больше», — тут же зазвучал в ушах голос Реллингтона, и улыбка сползла с лица. Как он там? Вернулись ли головные боли, когда я уехала?

Черт! И зачем я опять об этом вспоминаю? Он же сказал, что я ему больше не нужна. Значит, пусть справляется сам... Сам.

— Надо было выпить зелье, тогда бы ничего не помнила, — со злостью осадила себя вслух. — Сама так решила, вот и справляйся с этим сейчас.

Да, решила... Ну кто ж знал, что воспоминания окажутся такими болезненными?

Чай пила медленно, но вкуса почти не ощущала. Как ни пыталась отвлечься, мысли все равно уносили меня туда, куда не следовало бы. Напиток совсем остыл, когда в чашке его была еще половина. Допивать не стала, вылила остатки в раковину, сполоснула посуду и отправилась спать.

Однако ночь не принесла желанного отдыха: сон был поверхностным, я часто просыпалась, ворочалась с боку на бок, и мысли, мысли, бесконечные мысли... Встала еще более измотанная, чем ложилась. Даже есть ничего не хотелось, но я все же заставила себя сварить кашу и положить в рот хотя бы несколько ложек.

Календарь в кухне напомнил, что сегодня лунодень. Последний день праздника Черной розы, а еще повод посетить службу в храме. С момента свадьбы я там не была, даже не задумывалась над тем, чтобы заглянуть туда, но сегодня вдруг захотелось сходить. А почему бы и нет? Хоть отвлекусь немного.

Оделась согласно случаю, уложила волосы. Чтобы не так были заметны синяки под глазами, пришлось использовать чуть больше косметики, чем обычно. Ну и сумку не забыть с деньгами: на обратном пути все же надо затовариться продуктами. Уже во дворе, прежде чем покинуть дом, решила проведать яблоню. Оказалось, яблоки на ней уже совсем созрели, налились соками. Я сорвала одно и начала есть на ходу: кисло-сладкие, хрустящие, такие, как люблю.

О том, что в храм может прийти и Реллингтон, я вспомнила уже на его крыльце. Хотела было трусливо повернуть назад, но потом передумала: ведь мы можем столкнуться где угодно, потому не стоит лишь из-за малой вероятности такой встречи менять планы, а то и прятаться. Тем более мне, возможно, все равно придется его увидеть вечером, если он, конечно, не прийдет за лекарством Джо. И, признаться, для меня так было куда легче.

На службу я немного опоздала. Нашла самое неприметное место на заднем ряду, еще и спряталась удачно за крупной дамой в огромной шляпе. Пробежалась глазами по залу: Реллингтона нигде не видно. Правда, в первом ряду разглядела макушку Паулы, но она, к счастью, меня не увидела. Я слегка расслабилась и попыталась вникнуть в речь священника, но не заметила, как вновь угодила в паутину своих мыслей и переживаний

и настолько в них завязла, что пропустила момент, когда служба закончилась. Вынырнула в реальность и поняла, что в храме я осталась одна. А потом в тишине зала раздались тихие шаги. Я обернулась на звук: ко мне направлялся пожилой мужчина в рясе служителя. Однако это был точно не священник, который вел службу, и не тот, кто венчал нас с Реллингтоном. Я приподнялась, думая, что сейчас меня выпроводят, но он вдруг махнул рукой, призывая меня вернуться на место, и улыбнулся.

— Доброго дня, — произнес мужчина, присаживаясь рядом.

— Доброго, — отозвалась я, и лишь потом осознала, что только что услышала. Доброго дня? Доброго?

Я с опаской взглянула на священника: может, это проверка? Или я не так расслышала? А он вновь улыбнулся.

— Не бойтесь, вы не ослышались. И это не провокация.

Он что, мои мысли читает?

— Кто вы? — спросила осторожно. И, понизив голос, уточнила: — Вы Светлый?

Он отрицательно покачал головой.

— Я не Светлый. А вот вы — да. И я знаю об этом еще с момента вашего венчания с Темным лордом.

— Но ведь это не вы нас венчали... — заметила я.

— Не я, а Вальтер. Но он мне и рассказал о вас и вашем супруге.

— Мы уже не супруги с ним, — поспешила уточнить я. Отчего-то сообщить ему это мне было очень важно.

Но священник будто не обратил на мой протест внимания.

— Вы печальны... — вместо этого заметил он.

— Это временно, — отозвалась я и слабо улыбнулась. — Ничего страшного. Все проходит — и это пройдет.

— Мудро... — Мужчина усмехнулся и погладил свою короткую седую бороду.

— Как вы узнали, кто я? — спросила и оглянулась, не подслушивают ли нас.

— Ваша кровь во время ритуала сказала все за вас. Вальтер даже испугался тогда, — ответил священник. — Он не мог поверить, что Темный и Светлая решили заключить брак.

— Тогда я еще не знала, что Светлая. И на самом деле я совсем из другого мира, а в Дарквайте совсем недавно.

— Вы будто оправдываетесь передо мной. — Его улыбка была добродушной и ласковой.

— А разве в этом мире Темных не нужно оправдываться за то, что Светлая? — ответила немного на эмоциях. — И вообще, вы так до сих пор не ответили на мой вопрос: кто вы? И что вам от меня надо?

— Простите, меня зовут Филипп Боэ, и я — статер.

— Статер? — переспросила я.

— Вы никогда не слышали о статерах?

Я покачала головой.

— Впрочем, неудивительно. — Филипп Боэ продолжал улыбаться. — Нас так мало осталось, что многие начинают забывать, что помимо Светлых и Темных существуем еще

мы, статеры. Идемте, я вам расскажу... — Он поднялся и поманил меня за собой. — Не волнуйтесь, храм закрыт. Нас никто не услышит.

Я последовала за ним, как оказалось, к статуям у алтаря.

— Вы, — начал священник, — дитя светлых богов Кона и Вей. — Он показал на девушку с яблоком. — Вечно юная и прекрасная, яблоко в ее руках означает плод, то есть рождение. Рождение всего сущего, создание. Кон — это сила духа, чувства, эмоции. Его взгляд всегда обращен вверх, к солнцу и Свету. Темные боги Мор и Тьярра. — Мы перешли к статуям женщины и мужчины с мечом. — Часы в руках Тьярры — символ того, что любая жизнь конечна. Она богиня смерти и разрушения. Вместе с Веей они создают извечный круговорот рождения и смерти, разрушения и созидания. Мор... Если Кон отвечает за силу духа, то Мор — это сила плоти, ловкость, неуязвимость. Он — защитник физических тел, Кон — души. А это... — Филипп остановился около мужчины в плаще. — Саран. Бог Равновесия. В его мудрой книге хранятся знания нашего мира. И мы, статеры, — его последователи. Мы были призваны помогать ему сохранять равновесие в этом мире, но... Не сумели. — Улыбка на его губах потухла.

— Почему не сумели? — спросила я тихо.

— Нас оказалось слишком мало, чтобы усмирить гордыню Светлых и ярость Темных.

— Это из-за войны, которую развязали Темные?

— Почему вы решили, что это они развязали войну? — Филипп внимательно посмотрел на меня. — В этой войне виноваты были обе стороны. И, как ни прискорбно, именно Светлые первыми решили, что они лучше, добрее, духовнее. Правильнее. И нужнее этому миру. Казалось бы, это все слова... Они ничего не делали, просто повторяли раз за разом, насколько они лучше. Но эти слова оказались опасней оружия. Темные взбунтовались. Статеры призывали их к перемирию. Не вышло. Гордыня не позволила Светлым вовремя остановиться и признать, что они не правы. Не позволила им извиниться перед Темными и развязала тем руки. Равновесие пошатнулось. Беспощадные Темные и горделивые Светлые. И если боги Тьмы охотно поддержали своих детей, то светлые боги не вынесли такого поведения своих. Они спрятали Свет и ушли из этого мира, а с ним исчез и бог Равновесия. И Дарквайт оказался во власти Темных. Но так не могло продолжаться бесконечно. И то, что происходит сейчас в мире, все те беды, что обрушиваются на него раз за разом, — это результат нарушенного равновесия. И если его не восстановить — Дарквайт погибнет. Жаль, этого никто не понимает.

— А если это все поймут, то боги Света и Равновесия вернуться? — Я во все глаза смотрела на Филиппа.

— Не уверен. — Он покачал головой.

— Но как тогда их вернуть? — разволновалась я. — Ведь это ужасно, если мир погибнет вот так...

— Вы искренне переживаете за Дарквайт. — Священник вновь улыбнулся. — Значит, я не ошибся, когда решил открыться вам. И вы даже немного похожи на богиню Вею...

— Вы преувеличиваете, — смутилась я. — И только, пожалуйста, не говорите, что я сама еще и какое-нибудь воплощение Вей. Я тогда точно сойду с ума. Я еще пока даже не смирилась со своим «светлым» положением.

Но Филипп на это рассмеялся.

— Нет, вы точно не воплощение Вей, не волнуйтесь. Но то, что вы в наш мир пришли с ее помощью, вполне может быть. Как давно, говорите, вы оказались в Даркваите?

Если первые минуты разговора я относилась к Филиппу настороженно, то теперь чувствовала к нему расположение. Его взгляд, улыбка, слова, то, с какой любовью и печалью он говорит о Даркваите, — все это убедило меня, что этому человеку можно доверять.

Мы перешли в его комнату, небольшую и сплошь заставленную книжными шкапами, где

уже в более спокойной обстановке я рассказала ему обо всем, что случилось со мной за последние месяцы. Единственное, о чем умолчала, — о нашей связи с Реллингтоном. Упомянула об этом вскользь, но Филипп и не настаивал на большем. Как оказалось, он хорошо знает Розу и Генриетту, а также наслышан о мастере Коуне.

— Мой помощник сейчас в священных горах Парамы, где в единственном храме бога Сарана должны храниться свитки с наставлениями нам, его последователям, — признался он мне на прощанье. — Через неделю, может, полторы помощник должен вернуться с ними. Мы очень надеемся, что там найдется ответ на то, как спасти Дарквайт от гибели. И я буду рад, если вы прочитаете те свитки с нами. Генриетту и Розу тоже приводите с собой. Лишние умы нам сейчас не помешают.

От Филиппа я уходила на удивление умиротворенной. После разговора с ним многое встало на свои места, виделось по-иному. И даже мой Свет меня больше не пугал. Я потихоньку принимала его, и он отвечал мне взаимностью.

«Если бы Реллингтон тоже смог принять Свет», — мелькнула было глупая мысль, но я быстро выбросила ее из головы. Не бывать этому, не бывать... Но на сердце вновь стало тяжело. И больно.

ГЛАВА 31

Пребывая под впечатлением от беседы с Филиппом Боэ, я не сразу вспомнила, что собиралась купить продуктов. Пришлось возвращаться к рынку, а затем заходить в магазины, чтобы затовариться всем необходимым. Купила хлеб, масло, мясо, овощи, немного фруктов, молоко... И шоколад. Надо же как-то восстанавливать нервные клетки. Хотела взять рома для коктейля, но решила, что алкоголь в моем нынешнем состоянии сделает только хуже. И уж точно не успокоит сердце.

Дом мастера встретил меня тишиной, которая с недавних пор навевала на меня тоску. Еще и время близилось к вечеру... Я поднялась в лабораторию, открыла шкафчик, где хранилось лекарство для Реллингтона. Возник было порыв отдать ему сегодня все запасы, чтобы он или его Джо еще долго не приходили за зельем, но потом подумала, что это будет выглядеть странно, ведь прежняя Лия так бы не сделала, как и мастер. А мне теперь нужно правдоподобно изображать потерю памяти, иначе Реллингтон может что-то заподозрить. И кто знает, что он сделает, если поймет, что я ему солгала и на этот раз? Как он сказал? «Не забудьте выпить зелье забвения», — жестко, категорично. Нет, нет, мне надо быть осторожной. Очень осторожной. Ничем себя не выдать: ни взглядом, ни словом.

Я выглянула в окно. Темнеет... Ну, где же он? Или Джо? «А вдруг ему так плохо, что он не в состоянии даже выйти из дома? — пронзила мысль, и в груди все сжалось. — Ведь уже было такое... Без меня...»

На дороге мелькнул свет фар, и недалеко от калитки остановился автомобиль. Его автомобиль. Значит, приехал Джо? Секундное облегчение сменилось тоской, но после сердце забило раненой птицей: в выходящем из машины мужчине я узнала Реллингтона. Он все-таки пришел сам? Но почему не через сферум?

Реллингтон остановился у калитки, однако открыть ее не пытался. Ждал меня.

Надо идти. К нему. Взять лекарство и идти. Ведь это так просто... Всего лишь спуститься, подойти и отдать. Давай, Юля, сделай это. Давай!

Я усилием воли заставила себя двинуться к двери... Спуститься по лестнице... Выйти на крыльцо... Лекарство я крепко прижимала к груди, точно это какая-то драгоценность. Даже руки вспотели от напряжения. Нет, так нельзя. Нужно расслабиться, быть спокойней. Иначе он догадается. Я вытерла ладони о юбку, распрямила плечи, подняла подбородок. Заставила себя улыбнуться. И двинулась к калитке уже бодрой походкой. Да, нужно не забыть добавить в улыбку и жесты немного заискивания.

— Темного вечера, милорд! — Я распахнула калитку. И встретилась с ним взглядом. Ноги тут же предательски ослабли, а улыбка едва удержалась на губах.

— Темного. — От его непривычно хриплого голоса по спине пробежали мурашки.

«Как вы себя чувствуете, милорд?» — в порыве чуть не спросила я. Но сдержалась. Я не могу знать о его болях.

— Ваше лекарство, милорд! — произнесла как можно беззаботней и протянула ему пузырек.

Реллингтон перевел на него взгляд, но брать не спешил, будто пытался вспомнить, зачем он ему.

— Ваше лекарство... — повторила я. Мои губы задрожали от напряжения. И чтобы он не видел этого, я опустила голову, изображая поклон.

Бери же скорее, бери. И уходи, пожалуйста...

Его пальцы коснулись моих, забирая пузырек. Задержались, будто невзначай, скользнули по ладони, вызывая внутренний трепет. Тоже случайно?

— Благодарю.

Реллингтон никогда раньше не благодарил за лекарство ни мастера, ни меня. Просто оставлял деньги и уходил. Но я не подала вида, что меня это удивило. Только кивнула в ответ и сжала в руке мешочек с деньгами.

Он наконец развернулся и направился к машине, а я с нетерпением ждала, когда смогу поднять голову. Заработавший мотор дал мне понять, что можно больше не притворяться. Автомобиль уехал. Я закрыла за собой калитку и медленно пошла к дому. Мешочек с деньгами сегодня мне казался тяжелее обычного, наверное, от волнения руки ослабели. Надо будет пересчитать монеты и положить в сейф. И вообще не помешало было подбить баланс. Из-за праздников уже неделю этого не делала. Значит, сейчас и займусь. Все ж лучше, чем думать о... О том, что осталось в прошлом. А завтра станет легче: новый день, работа, покупатели. С Паулой поболтаю, Рей прибежит, может, к его бабушке в гости загляну. Да и к Генриетте не помешает зайти. Нужно ведь еще им про Филиппа Боз рассказать. Интересно, как они это воспримут?

С такими отвлекающими мыслями я вернулась в кухню. Заварила себе какао, принесла сверху бухгалтерскую книгу, после чего высыпала на стол кристолы Реллингтона и принялась их пересчитывать. Дойдя до третьей сотни, я поняла, что еще осталось никак не пятьдесят монет, а больше, намного больше. Четыреста пятьдесят? Пересчитала еще раз: нет, не ошиблась, именно столько и было. Значит, Реллингтон ошибся? Случайно отсчитал на сотню больше? Конечно, если он это делал, когда у него болела голова, то немудрено обсчитаться. А если намеренно? Вдруг это своего рода отступные при разводе? Прямо дать он мне их не может, вот и решил исподтишка... Хотя нет, глупости какие-то. Зачем ему это? Нет, наш милорд точно так не поступил бы, это совсем не в его характере. Но в любом случае по какой бы причине в мешочке ни оказались лишние сто кристолов, я их не возьму. При следующей встрече непременно верну ему.

Я сложила вместе с остальными остаток кристолов обратно в мешочек, отнесла в сейф и сосредоточилась на бухгалтерии.

После трехдневных праздников в рабочий ритм входить было нелегко всем. Город все еще жил воспоминаниями о веселых выходных и не спешил погружаться в трудовые будни. Люди сбивались в группки, обсуждали, смеялись, делились впечатлениями. Продавцы в лавках и лоточники были рассеянны, а покупатели — терпимы и благодушны. Я тоже не излучала бодрость, правда, несколько по иной причине, зато клиенты сегодня не выматывали вопросами и сомнениями, верили каждому моему слову и брали все, что бы ни предложила. Когда в лавке случалось очередное затишье, я изучала газеты. Сегодня утром по пути в «Зелья» я не пропустила ни одного газетного лотка и скупила всю возможную прессу, включая желтую. Мне нужно было знать, сдержал ли Реллингтон обещание избавить газеты от статей о нас. Для меня сошло бы даже официальное заявление о расторжении нашего брака. Однако развод нигде не фигурировал, впрочем, как и другого рода заметки обо мне и Реллингтоне. Газеты молчали о нас впервые за последние две недели, и заслуга в этом, похоже, была именно милорда. Надеюсь, он не забыл главного: поставить в бумагах о разводе свою подпись рядом с уже имеющейся моей.

— Ну как императорский бал? — с порога поинтересовалась впорхнувшая в лавку Паула. — Я уже горю от нетерпения! Рассказывай!

Но я сообщила ей совсем другое:

— Мы с Реллингтоном разошлись.

— То есть? — Паула опешила.

— То есть приговор снят, и нас больше ничего не связывает. — Я попыталась улыбнуться. — Наконец-то все закончилось.

— Значит, вы с ним... Того? — Паула почти прошептала этот вопрос.

— Значит, того... — Чтобы не выдать всколыхнувшихся чувств, я принялась переставлять флаконы на витрине с места на место.

— И как? — Любопытству Паулы не было границ. — Как все прошло?

Я лишь пожала плечами, а потом подумала, что стоит ее предупредить:

— Для него и для всех остальных я ничего не помню, ясно?

— Он думает, что ты выпила то зелье?

— Да. Он сам настоял, но я... Не сделала этого.

— Почему?

— Так надо было, — ушла от ответа. — И не спрашивай меня больше ни о чем, пожалуйста. Пока я не хочу обсуждать это. И про праздник Черной розы тоже расскажу чуть позже, ладно?

— Ладно, — Паула обиженно надула губки, — только скажи, был там хоть мой лорд?

— Был. — Я усмехнулась. — Беседовал с принцем.

— С принцем? — В глазах Паулы этот факт явно прибавил Паттисону новые очки.

Она хотела продолжить, но я приложила палец к губам, призывая молчать: за ее спиной стал появляться темный сферум. В первое мгновение мне подумалось, что это Реллингтон, я даже перестала дышать на несколько мгновений, но потом очертания стали четче, и стало понятно, что радоваться как раз надо подруге. Это был Паттисон, легок на помине.

— Милорд, — простонала она почти в экстазе и чуть не споткнулась, изображая поклон.

Я приветствовала Темного более сдержанно, мысленно костеря его на чем свет стоит. Вот какого черта он тут опять забыл? Бабуля снова достает? Сомневаюсь что-то...

Но Паттисон сразу направился ко мне.

— Как вы, Лия? — спросил он непривычно обеспокоенным тоном.

— Прекрасно. — Я закрепила ответ улыбкой. — А вы, милорд? Что вам предложить?

— Я пришел не за этим. — Паттисон стал раздражаться. — Хотел узнать, все ли с вами в порядке. Вы потеряли сознание на балу и больше туда не вернулись.

— Я не понимаю, о чем вы, милорд? — Я постаралась придать голосу искреннее недоумение. Ведь для Паттисона я тоже должна ничего не помнить. Если же захочет узнать причину, пусть выясняет у Реллингтона. Тот обещал все уладить, вот пускай и разбирается.

— То есть... — начал было Паттисон, но тут на сцену вышла Паула.

— Ах... — Она качнулась. — Ох... — Театрально приложила ладонь ко лбу. — Как-то мне нехорошо...

Еще пару заплетающихся шажочков в сторону Паттисона, эффектный разворот и... Нет, она что, действительно собралась упасть? Надеется, что он ее поймает? «Это же Паттисон!» — хотелось образумить подругу, и я бросилась было ей на помощь сама, но Паула уже благополучно приземлилась в желанные объятия любимого.

Мне это не мерещится, нет? Он все-таки сделал это? У Паулы сработало, что ли? Я пребывала в полнейшем шоке, из которого меня вывел голос Темного:

— Госпожа, Лия! Принесите же воды наконец!

— Да, конечно, милорд.

Глядя, как естественно Паула изображает обморок, я уже начала сомневаться в его наигранности. Вдруг подруге и вправду стало нехорошо? Я вспомнила, что у меня в продаже есть нюхательная соль с зубодробительным запахом плесневелого сыра, и решила воспользоваться ей. Не знаю, почему мастер захотел придать этой соли именно такой «аромат», но у дам она шла на ура. Вот и Паула тут же дернулась, стоило поднести

открытый флакончик к ее носу, и открыла глаза.

— Ах... — снова протянула она. — Что со мной? Милорд? — Она покраснела вполне естественно. — Зачем же вы... Мне так неловко перед вами... Вы так утруждаете себя... Не нужно меня держать! Я сейчас же поднимусь... Так неловко, так неловко... Простите меня, милорд...

— Ничего, — буркнул Паттисон и даже помог ей встать. — В следующий раз будьте осторожны. До встречи.

После этих слов он так быстро испарился, словно за ним кто-то гнался. Вот так чудеса...

— Я сейчас действительно упаду в обморок, — простионала счастливая Паула. — Я была в его объятиях, представляешь? Он прижимал меня к своей груди... О боги, что за удача снизошла на меня?

— Значит, это был не настоящий обморок? — уточнила я.

— Нет, конечно! — фыркнула подруга. — Главное, что милорд поверил! Не все же тебе в обмороки падать!

— А я даже было испугалась, — призналась со смехом.

— Надеюсь, милорд испугался тоже. — Она улыбнулась и жеманно повела плечами.

И вот, спрашивается, зачем такой артистке нужно было приворотное зелье?

ГЛАВА 32

Следующий день выдался пасмурным. И это было впервые за все время моего пребывания в Талоссе, когда небо затянуло тучами. К обеду начал накрапывать дождь, а свой зонтик я оставила дома. До последнего надеялась, что к вечеру небо прояснится, однако стало только хуже. Пришлось раскошелиться на новый зонтик, благо в соседней лавке продавали галантерею. В другой раз я бы не стала этого делать и дошла бы как-нибудь домой под дождем, в конце концов, не сахарная, не растаяла бы, но вчера прибежал Рей и позвал меня в гости на ужин. Я с радостью приняла приглашение: во-первых, все равно собиралась их навестить, а во-вторых, проводить еще один вечер в одиночестве и удручающих мыслях не хотелось. А сегодня этот дождь... Но не отказываться же из-за него от планов?

С собой я прихватила целый пакет яблок: вчера все-таки хорошенько потрясла яблоню и собрала неплохой такой урожай. Подумывала даже сварить варенье, однако на это требовалось время, которого пока у меня не было. Но, возможно, займусь этим в выходной.

Дом Розы встретил меня теплом и запахом мясного рагу.

— Бабушка специально отправила меня на рынок за ребрышками, — похвастался Рей. — Хотела угостить тебя нашим любимым блюдом. Мы его готовим только по праздникам.

Мне такая забота была приятна, но немного смутила. Все-таки они жили небогато, а тут пришлось потратиться ради того, чтобы угостить меня.

Вскоре пришла Генриетта и сразу стала расспрашивать, как мои дела. Скрывать от нее, что не выпила ее зелье, было бессмысленно, она раскусила бы меня на раз-два, поэтому пришлось признаться, что я его вылила.

— Я отдам вам за него деньги, не волнуйтесь, — пообещала я.

— А я и не волнуюсь, — хмыкнула Генриетта. — Сдались мне твои деньги. Я больше за тебя тревожусь. Как бы ты не пожалела об этом...

— Уже все равно ничего не изменить, — вздохнула я. — Как есть, так и есть...

— А лорд-то как? Снялся хоть приворот? Рад небось? — Ведунья запыхтела своей трубкой, чем вызвала гневный взгляд Розы.

— Думаю, снялся, — ответила я, отводя глаза в сторону. — А вообще, мы это не обсуждали. Я сразу ушла, а когда виделась потом, он ничего не говорил. Меня только волнует, как он себя чувствует... Без меня. Ведь светлые частицы еще в нем.

— Если не прибежал к тебе, значит, справляется, — довольно жестко ответила Генриетта. — Тебе жалко Темного?

— Да, — ответила я честно. — Тяжело видеть, когда кто-то страдает, к тому же по твоей вине. И не важно, Темный он, Светлый, маг, человек, статер... Разве Свет не должен быть милосердным? Если мы не умеем сострадать, то чем отличаемся от тех же Темных? Гордыня уже сыграла раз со Светлыми злую шутку.

— Лия правильно говорит, — тихо заметила Роза.

— Правильно-то, может, и правильно, — Генриетта усмехнулась, — только в Лие сейчас не только сострадание говорит... к Темному. А, по-моему, нечто совсем иное.

— Прошу, давайте не будем об этом, — отозвалась я. Слова ведуньи били в самое сердце, делая меня уязвимой, а мне не хотелось оправдываться.

— Давай не будем, — легко согласилась та. — Но если уж совсем станет неважно, у меня и на эту беду есть средство.

— Спасибо, буду иметь в виду, — быстро ответила я, желая поскорее сойти с этой скользкой темы.

— А теперь о другом. — Генриетта сделалась серьезной. — Откуда ты узнала о статерах и остальном?

— Мне рассказал об этом Филипп Боз.

Генриетта переглянулась с сестрой.

— Филипп в городе? — спросила уже Роза. — Где ты с ним виделась, в храме?

— Да, позавчера, после службы, — ответила я. — Он сам ко мне подошел. Узнал во мне Светлую, мы долго разговаривали. Он сказал, что тоже хочет видеть вас. Чтобы мы в следующий раз приходили вместе. Возможно, у него скоро будет ответ, как остановить бедствия, которые нависли над Дарквайтом.

— Значит, он вернулся. — Роза тепло улыбнулась. — И это хорошо. Генри, сколько прошло с тех пор, как он покинул Талосс? Лет двадцать?

— Да, не меньше, — подтвердила Генриетта, тоже улыбаясь. — Я уж думала, он никогда не вернется. Полагаю, нам стоит его навестить. Например, завтра. Пойдешь с нами? — спросила она уже меня.

Я задумалась о своих планах и вынуждена была ответить с сожалением:

— Завтра не смогу. Договорилась на вечер с Флорой, ее водитель должен подвезти заказ на кое-какие травы.

— Ничего, — Роза погладила меня по плечу, — сходим потом еще раз вместе. А теперь давайте все к столу. Еда стынет.

— Угощайтесь яблоками, — сказала я уже за чаем, показывая на блюдо, куда Роза выложила фрукты. — Очень сочные и вкусные. Я вчера за вечер штук пять съела, а то и больше.

— О, те самые светлые яблочки, — улыбнулась Генриетта и вытянула ладонь, куда сразу запрыгнуло одно яблоко. Само.

Я вспомнила, как нечто похожее делал Паттисон, когда пытался помочь донести мне свертки с одеждой. И Реллингтон пару раз вот так «призвал» к себе предметы. Но я думала, что это способность Темных, а оказалось, не только их.

За Генриеттой то же самое повторил Рей, и только Роза взяла яблоко обычным способом.

— А я тоже так смогу? — Во мне загорелось любопытство.

— Попробуй, — предложила Генриетта, откусывая от яблока. — Может, уже и сможешь. Просто подумай о том, что хочешь сделать, и все.

Просто подумать? Ну что ж. Хочу вон то яблоко.

Гипнотизируя желанное яблочко взглядом, я раскрыла ладонь — и в следующий миг оно оказалось у меня.

— Здорово! — в полном восторге воскликнула я. — А что еще можно делать?

Генриетта с усмешкой пожала плечами.

— Почти все, что умеют маги. Ну и сферум — самое главное. Только не стоит это показывать на людях. Сама понимаешь...

— Да уж понимаю. — Я посмотрела на свои ладони и чуть не подпрыгнула от очередного удивления. — Они светятся! Смотрите! — Я показала руки, вокруг которых появилось белое свечение. — Это что такое? Сферум?

— Он самый, — ответил на этот раз Рей, сияя.

На одной из моих ладоней вдруг появилась бабочка. Затрепетала крылышками, вспорхнула и рассыпалась в воздухе золотистой пылью.

— Скоро, уже совсем скоро сможешь им пользоваться, — посмеиваясь, сказала Генриетта.

— А вы меня научите? — Я все еще не отрывала глаз от своих рук.

— Конечно, — пообещала уже Роза. — Думаю, через неделю можно будет попробовать. А теперь спрячь его. Просто расслабься и подумай о чем-нибудь постороннем.

Этим вечером я долго не могла заснуть, испытывая свой сферум. Это было так непривычно и потрясающе, что каждый раз, вызывая это свечение, я испытывала восторг. Ну а если появлялась бабочка, у меня и вовсе замирало в груди.

Весь следующий день я продолжала украдкой этим заниматься, и с каждым разом у меня получалось все лучше и быстрее. Я уже даже предвкушала день, когда смогу появляться и исчезать, как Реллингтон. Только в сопровождении бабочек, а не его дыма. Вот бы так появиться перед ним неожиданно, чтобы увидеть удивление, а может, и испуг в глазах. Впрочем, я скорее увижу в них злость и раздражение, если чего не похуже... И вообще, почему я даже в такие моменты вспоминаю его?

Но не вспоминать о своем случайном супруге я не могла: незаметно подошел очередной день нашей встречи. После того, как от меня уехал водитель Флоры, я не находила себе места, ожидая, когда Реллингтон придет за очередной порцией своего лекарства.

На улице по-прежнему шел дождь, солнце со вчерашнего дня так и не показалось из-за туч, те же стали только гуще и тяжелее. Погода испортилась окончательно и, похоже, надолго. Я снова раз за разом выглядывала в окно, когда же у дома остановился знакомый автомобиль, еще несколько минут пыталась унять колотящееся сердце и хотя бы напустить на себя спокойствие. Наконец кое-как взяла себя в руки, прихватила зонтик и вышла из дому.

У калитки стоял Джо. Я невольно скользнула взглядом к машине, думая, что Реллингтон остался сидеть там. Но нет, салон автомобиля был пуст. Что ж, можно немного расслабиться...

— Темного вечера, миле... госпожа, — тут же поправился Джо, я же сделала вид, что не заметила оговорки.

— Темного вечера, — ответила я и сразу протянула ему лекарство.

— Дело в том, госпожа Лия, — произнес вдруг Джо, — что милорд не сможет вам сегодня заплатить за лекарство.

— Почему? — растерялась я. Это что еще за новости?

— Милорд приносит свои извинения...

Извинения? Реллингтон?

— ...но у него сейчас небольшие трудности с финансами.

Что? Что за ерунда? У Реллингтона трудности с финансами?

— Он просит принять вместо оплаты вот это... — И у Джо в руках появился футляр. Очень знакомый футляр. Он еще не открыл его, а я знала, что в нем увижу. Изумрудное украшение. Мой подарок, который, уходя, я намеренно не унесла с собой.

Что за очередной фарс?

— И что мне с этим делать? — Мне стоило труда подавить в себе вновь нахлынувшие эмоции и задать этот вопрос с нотками скептицизма.

— Милорд сказал, что это украшение намного дороже, чем стоит лекарство. Вы можете продать его... Или оставить себе.

— Почему же милорд сам не продал его? А из вырученных денег просто заплатил бы за лекарство?

— Я не могу этого знать, госпожа. Только передаю слова милорда.

— Ладно... — вздохнула я. — Сделаем так. В прошлый раз милорд случайно положил мне больше кристелей, чем надо. Я как раз сегодня хотела их вернуть. — Я показала на мешочек с монетами. — Но раз так... Будем считать, что они пойдут в счет новой порции. Остальные деньги милорд отдаст мне в другой раз. А украшение пусть останется у него. Я ценю его щедрость, но не могу взять такую дорогую вещь. Уверена, мастер Коун на моем месте сделал бы то же самое.

Насчет Коуна я, конечно, приврала. Он бы уж точно не упустил возможности нажиться. Но я находилась в ином положении.

Я быстро отдала Джо лекарство, попрощалась и поспешила назад в дом. Меня вдруг начали душить слезы, и я боялась выдать себя.

Что это Реллингтон задумал? Проверяет меня? Хочет убедиться, что я все забыла? Может, я вчера была неубедительна и он засомневался? Еще и Джо прислал вместо себя...

Чтобы как-то успокоиться, я выпила стакан воды и отправилась в лабораторию. Поработать. Но, как назло, делать там оказалось нечего: все, что можно было, я уже сварила, настояла, профильтровала... Осталось разве что навести порядок вручную. Я вооружилась метлой и мокрой тряпкой и принялась бороться с невидимой грязью. Протирая стол, я случайно задела мензурку, и та, упав на пол, разбилась. Я обреченно взялась за метлу и стала собирать осколки. Один из них улетел под шкаф, и пришлось присесть, чтобы достать его. Однако вместе с осколком вымела еще кое-что. Малюсенький сверток, который я сразу узнала. И меня бросило в жар. Как он здесь оказался? Ведь я... Я же использовала его. Должна была использовать! Аккуратно вскрыла упаковку, все еще надеясь, что найду там что-то другое. Но нет. Это было именно то, что и думала. Крылья лунного мотылька. Один из главных ингредиентов любовного зелья.

ГЛАВА 33

Минуты бежали, а я все смотрела на крылья мотылька и не могла понять: как? Как я могла его не положить в зелье? Да, очень волновалась, да, руки тряслись... Но ведь проверяла все, старалась быть внимательной. Я открыла рецепт с зельем и заметила, что последняя в списке строчка совсем расплылась, будто от капли воды. И судя по ингредиентам до нее, в ней скрывались те самые крылья. Неужели от волнения не заметила? Вот так дела... Но ведь цвет, запах — все соответствовало описанию. А эффект?

Я немедленно бросилась вниз. На ходу схватила плащ и зонт. У крыльца ступила в глубокую лужу, но даже не обратила внимания, что ноги тут же промокли насквозь. Был уже поздний вечер, темно, дождь, на улицах — ни души. Но я и этого не замечала, со всех ног мчалась вперед, стремясь поскорее узнать правду и чем эта правда могла мне обернуться.

— Что случилось? — Я впервые видела удивление на лице Генриетты. — Ты похожа на мокрую кошку. Чего так запыхалась?

— Случилось... Сама не знаю, насколько все серьезно, но случилось, — отозвалась я, пытаюсь выровнять дыхание.

— Сейчас разберемся. — Генриетта помогла мне снять плащ, повесила его вместе с зонтом у камина, а меня усадила в кресло неподалеку. — Ну что за беда тебя пригнала?

— Вот. — Я достала злополучный сверток.

— Крылья лунного мотылька, — спокойно констатировала ведунья. — И о чем мне это должно сказать?

— Я покупала их специально для приворотного зелья. Того самого. Но, похоже, не добавила в него. Нашла их только что под лабораторным шкафом. Упали, наверное, завалились... Не знаю, как это произошло, вроде так следила за процессом, а тут... Ошибка на ошибке. — Я горестно вздохнула.

— То есть ты не добавила в зелье главный ингредиент? — уточнила Генриетта. — Тот самый, который, вступая в реакцию с ведьминым когтем и тисовой пылью, запускает процесс приворота?

— И что это означает?

— Это означает одно: ты сделала пустышку. — Генриетта хохотнула.

— Но ведь цвет, запах, консистенция...

— За них отвечают другие ингредиенты. А крылья дают лишь едва заметный перламутровый отлив. Он был?

— Откуда же я помню? — ответила подавленно. — Кажется, нет...

— И не могло быть! — припечатала Генриетта. — И теперь мне наконец-то все понятно.

— Что именно? — Я не понимала причины ее веселья.

— Ладно, открою тебе секрет. — Ведунья сделала многозначительную паузу. — Думала, сами разберетесь. Но раз ты пришла и мои догадки подтвердились... В общем, вчера у меня был твой муженек.

— Реллингтон? — Я даже выпрямилась в кресле.

— У тебя есть еще мужья? — хмыкнула Генриетта. — Так вот... Пришел на ночь глядя, вот как ты сейчас, и с порога: «Ты меня обманула, ведьма! Отворот не подействовал!» Давай, мол, снимай другим способом или... В общем, пыхтел тут как чайник. Говорит, после твоего того способа только хуже стало. — Генриетта рассмеялась, а я, вспомнив о «том способе», покраснела. — Ну а я ему: помните, о чем сразу предупреждала, милорд? Если чувства настоящие, то смысла в отвороте нет.

— А он? — Мое сердце пропустило удар.

— Сразу замолчал. Растерялся, сник, даже смотреть больно стало. Потом развернулся и ушел, хлопнув дверь. Бедняга... А теперь, оказывается, и приворота никакого не было.

— Тогда что это было? — спросила, боясь ошибиться в своих догадках, слишком невероятными они казались. — Реллингтон ведь сам подтвердил, что после того, как выпил зелье, я ему стала сниться и мысли все обо мне не отпускали...

— А разве красивая девушка не может просто так присниться молодому мужчине? — усмехаясь, заметила Генриетта. — Сколько вы уже к тому времени были знакомы?

— Недели две, наверное... — попыталась вспомнить я. — Но ведь дальше...

— А дальше сработало убеждение, что дело все в приворотном зелье, — закончила за меня ведунья. — Мужчинам вообще проще поверить в приворот, чем признать, что чувства реальны. А Темным и подавно. Любовь для них сродни слабости.

— И что мне теперь делать? — Я была сбита с толку. Одна часть меня замирала от счастья, другая готова была плакать навзрыд от безысходности.

— Тут уж я тебе не советчица. — Улыбка Генриетты погасала. — Решать тебе. И ему. Трудно предположить, к чему приведет союз Темного и Светлой. И есть ли у него будущее. Тут у Светлых со Светлыми не всегда выходит. — Она вздохнула каким-то своим мыслям. — А ваш случай... Сложно. Все, что могу сказать: если не знаешь, что делать, доверься судьбе. Вдруг она лучше знает?

Довериться судьбе... Самое простое решение. И одновременно самое сложное.

— Но если еще получается бежать от этих чувств, — вдруг заговорила ведунья снова, — то лучше беги...

Она повернулась к камину, ощупала мой плащ.

— Вроде высох... — И подала его мне.

Похоже, это намек, что мне пора уходить.

— Спасибо, Генриетта. За все, — сказала я, надевая плащ.

Но она ничего не ответила, подошла к окну и произнесла, нахмурившись:

— Какой-то дождь нехороший. Все усиливается и усиливается. Еще пару таких дней — и река выйдет из берегов. Филиппу он тоже не нравится.

— Вы были у него? — поинтересовалась я.

Генриетта кивнула.

— Вчера. Передавал тебе наилучшие пожелания. В лунодень встречаемся все у Розы. Филипп надеется, что к тому времени свитки будут у него. Тебя тоже ждем, не забудь.

— Конечно, не забуду. — Я улыбнулась и, попрощавшись, вышла прочь.

Домой уже шла медленно, несмотря на проливной дождь. Все мои мысли снова были об одном. Я до сих пор сжимала в руке крылья мотылька и все еще никак не могла поверить, что мое любовное зелье оказалось пустышкой. Ах, если бы я обнаружила это сразу, хотя бы в тот же день, когда отдала зелье Реллингтону! Скольких бы проблем можно было избежать, скольких опрометчивых поступков не совершить! И главное, не возникло бы никаких чувств, никаких терзаний, никаких воспоминаний. И Реллингтон, возможно, скоро забыл бы и о своих снах, и о своих мыслях... И это было бы для всех лучше. Для всех.

Ну а теперь не остается ничего другого, как последовать совету Генриетты и пустить все на самотек. К чему-нибудь да и приплывем...

«Но если получается бежать от этих чувств, то лучше беги...» — еще один совет ведуньи.

Хотелось бы сбежать, да не знаю куда. Не на болото же опять? Да и там не спрячешься от самой себя.

Дождь продолжал идти, набирая обороты, усилился ветер. Он раскачивал деревья, срывал с них листву, гнул к земле. Всю ночь я не спала, слушала, как в окно под завывание непогоды бьются ветки, готовые вот-вот сломаться.

Утром ветер немного стих, чего не скажешь о дожде. Тот перерос в настоящий ливень, от которого не в состоянии был спасти даже самый плотный зонт. Весь день в лавке я только и занималась, что пила чай. Мало того что утром, пока шла на работу, вся промокла и промерзла, так еще и покупателей почти не было, видимо, в такую погоду никому не хотелось высовывать нос из дому, даже Пауле и Рею. В общем, зелья в витрине одиноко «взирали» сквозь мокрое стекло на пустынную серую улицу, и я вместе с ними.

От ненастья за окном на душе становилось еще тоскливее. По дороге домой я решила зайти в продуктовый, чтобы побаловать себя хоть чем-то вкусным на ужин. Запекла мясо, приготовила салат, даже мохито сделала, но, расставив все это на столе, вдруг поняла, что ничего не хочу. Совсем, даже кусочка не могу в рот положить. Убрала все в холодильник и снова заварила чай, с которым устроилась у кухонного окна.

Дорожки дождя бежали по стеклу, размывая обзор, поэтому я не сразу увидела у калитки мужской силуэт. Сердце узнало его первым, сжавшись в тревожной радости. В висках застучало, закружилась голова, бросило в жар. Что он здесь делает? Зачем пришел?

А Реллингтон между тем открыл калитку, совсем как тогда, вошел и направился к дому, на этот раз без заметного сопротивления. Я сбросила охватившее меня оцепенение и кинулась к нему навстречу. Выскочила на крыльцо, а он был уже совсем близко, без шляпы, без зонта, промокший насквозь. Я сбежала по ступенькам, тоже наплевав на ливень, и остановилась рядом.

— Что-то случилось, милорд? — Я посмотрела ему прямо в глаза.

А Реллингтон взял мое лицо в ладони и произнес со смесью отчаяния и ярости:

— Вспомни меня!

Его губы тут же накрыли мои, не давая возможности ответить. Он целовал меня жадно, неистово, точно на надрыбе, кусал мои губы и тут же ласкал их языком. Мою попытку обнять его он сгоряча воспринял как желание вырваться, поэтому тут же, не переставая целовать, перехватил мои руки и сгреб меня в охапку, крепко прижав к себе.

— Вспомни меня, — повторил уже шепотом между поцелуями, — вспомни...

— Я помню, — отозвалась я, целуя его уже сама. — Я все помню... Я не пила то зелье.

Неожиданно из моих глаз полились слезы, но, к счастью, они тут же смешивались с дождем, оставаясь незамеченными.

Реллингтон оторвался от моих губ и с недоверием заглянул в глаза.

— Не пила?

Я качнула головой.

— Нет, я его вылила.

— Ты опять меня обманула? — спросил Реллингтон, и губы его дрогнули в едва уловимой улыбке.

— Опять. — Я улыбнулась смелей и провела рукой по его мокрым волосам.

— Ты невыносимая. — Он тоже запустил пальцы в мои волосы, убрал прилипшие пряди со щеки и снова поцеловал, на этот раз коротко, но все так же страстно. — Идем в дом, — сказал потом.

— А ты сможешь войти? — Я с опаской оглянулась на крыльцо.

— Смогу, — ответил Реллингтон спокойно.

— Но в прошлый раз тебе было плохо...

— Это было в прошлый раз. — И он взял меня за руку. — Сегодня мне намного лучше. Но если тебе нравится мокнуть под дождем, можем подождать здесь.

— Чего подождать? — не поняла я.

— Кого. Джо, он скоро приедет за нами. Мы возвращаемся ко мне.

ГЛАВА 34

Мы все-таки зашли в дом.

— Надо бы переодеться, — сказала я, глядя, как с нас обоих ручьями стекает вода.

— Переодевайся, я подожду. — Заметно было, что Реллингтон все же чувствует себя здесь неуютно, хотя и пытается казаться безразличным.

— Я могу поискать что-нибудь и для тебя у мастера. Думаю, он не будет против, — предложила я.

— Не надо, скоро приедет Джо, так что поторопись.

— Ты уверен, что это правильно? — задала я мучивший меня вопрос. — Чтобы я поехала с тобой? После всего, что ты узнал обо мне... Или ты забыл, о чем я тебе рассказывала?

— Я тоже не пил зелья забвения, — он посмотрел на меня с упреком, — и все прекрасно помню. Остальное обсудим позже.

Что ж, позже так позже...

Переодевалась я так быстро, насколько это было возможно: мокрым было все, вплоть до белья. Потом задержалась у зеркала, поправляя волосы. Щеки горят, глаза блестят, словно у меня лихорадка, еще и губы, вспухшие от поцелуев, — и это все я? Как девчонка, ей-богу. В голове тоже сумбур, и сердце колотится то ли от счастья, то ли от страха, а может, и от всего одновременно. Пока мой разум отказывался понимать, что все происходит в реальности, и даже боязно было предположить, что ждет дальше.

Спустившись, я застала Реллингтона в кухне около блюда с яблоками.

— Только не ешь! — воскликнула я. — Они тоже... С частицами. Тебе нельзя.

— Яблоки вообще фрукт Светлых. — Он все же взял одно и подбросил на ладони. — И я их никогда не ел... — И с этими словами вонзил в него зубы.

— Но там же... Свет, — растерянно произнесла я.

— Да какая уже разница? — Реллингтон продолжал задумчиво есть яблоко.

— Я принесла тебе полотенце, вытрись хотя бы им. — И накинула ему на голову. — Простынешь же...

Он на миг опешил от моего поступка и, кажется, даже смутился, потому что торопливо проговорил:

— Темные не простужаются. — Стянул полотенце и отдал его мне. — Кстати, Светлые тоже.

Да уж, лорд Реллингтон, не привыкли вы, чтобы о вас заботились. Все на жалость пеняете.

— Вкусное хоть яблоко? — спросила его с усмешкой.

Он пожал плечами.

— Съедобное. Но от второго воздержусь.

— У меня есть мясо, готовила себе на ужин, но так и не съела, хочешь? Да, еще мохито. — Мне нравилось наблюдать за смущением, которое Реллингтон пытался скрыть за своей излюбленной холодностью.

— Я не голоден. Но давай, — ответил он, будто сделал одолжение, но в глазах при этом вспыхнул интерес. — Мохито...

— Его можно не бояться пить. — Я поставила на стол кувшин и два стакана, разлила

коктейль. — Ром и содовая из бара, остальное, понятное дело, тоже из магазина. Моей воды тут нет.

Реллингтон взял стакан и сделал несколько жадных глотков.

— Ты точно чувствуешь себя хорошо? — спросила я с беспокойством. — Все-таки уже прошло почти полчаса, как ты здесь.

— Действительно, — он посмотрел на часы и недовольно сдвинул брови, — уже прошло столько времени, а Джо все нет! Где он запропастился?

Так, значит, игнорируем мой вопрос. И это наводит на подозрения. Как бы не оказалось, что приступы вернулись.

— Милорд, — произнесла я уже более строго, — наверное, вам стоит покинуть этот дом. Я дам вам зонт.

Реллингтон заметно вздрогнул и посмотрел на меня в замешательстве, потом сузил глаза.

— Ты выгоняешь меня?

Ответить я не успела, за окном моргнула фарами подъезжающая машина.

— А вот и Джо, — сказала я и двинулась к дверям.

Но Реллингтон схватил меня за руку, останавливая:

— Ты отказываешься ехать со мной?

— Обсудим это позже, — ответила его же словами. — А теперь идем.

Потом взяла кувшин с остатками коктейля, закрыла горлышко крышкой и вручила ему.

— Это можно забрать с собой. И это. — Уже в прихожей я дала ему один зонт, второй достала себе.

Погасила в доме свет, дверь закрыла на ключ, на всякий случай. Реллингтон все это время настороженно молчал и следил за моими действиями.

— Ты все-таки решила ехать? — спросил он, когда я захлопнула за собой дверцу автомобиля.

— Я уже еду, разве не видно? — Я разгладила складки на платье, которое уже тоже успело намочнуть за те минуты, пока шла от дома до ворот. И решила его поддразнить: — Хотя на самом деле меня несколько покорила ваша уверенность, что я непременно последую за вами. А если бы я отказалась, милорд?

— Я рад, что вы не отказались, миледи, — отозвался он совсем тихо и бросил взгляд на Джо: не подслушивает ли?

— Тебе лучше? — спросила я уже другим тоном, нашла его руку и накрыла своей ладонью.

Реллингтон улыбнулся одним краешком губ, будто только что разгадал мою уловку, и кивнул.

— А как прошли последние дни? — осторожно поинтересовалась я дальше. — Лекарство помогало? Или все по-прежнему?

— Мне было уже не так плохо, — помедлив, отозвался он. — Уже терпимо. Иногда даже совсем отпускало. Наверное, привыкаю... к тому, что внутри меня. — В его голосе не было больше злости, скорее печаль и некая обреченность. И «свет» он намеренно не произнес.

На этот раз слуги в доме Реллингтона встретили меня еще более настороженно. Кроме Джо конечно же. А Берта и вовсе почернела, особенно когда Реллингтон сообщил:

— Миледи отныне будет жить в моей комнате. Клара, ты остаешься ей прислуживать.

— Постой, но у меня же была другая комната, — сказала я, когда слуги разошлись. — И, наверное, будет неприлично...

— Неприлично, если моя жена будет спать со мной в одной комнате? — Его бровь удивленно изогнулась.

— А как же развод? — напомнила я.

— Не было никакого развода. Я не подписал те бумаги.

— Очень интересно, — протянула я. — Значит, ты тоже нарушил наш договор?

— Я просто решил отложить это на время. — Он быстро спрятал ухмылку.

— Зачем же откладывать? — Я передернула плечами. — Можешь сделать это прямо сейчас. Я не стремлюсь быть леди Реллингтон, мне хорошо и без этого титула, и без статуса твоей жены. Я привыкла быть свободной женщиной. В нашем мире это нормально. И вообще... — Но мне не дали договорить, заткнув рот поцелуем.

Мне захотелось прильнуть ближе к Реллингтону, но я наткнулась на препятствие: нечто объемное и твердое уткнулось мне в грудь. Я нащупала это рукой и отпрянула в удивлении.

— Что это?

Оказалось, мой кувшин с мохито.

— Ты сама мне его дала, — невозмутимо ответил Реллингтон.

Я расхохоталась.

— И ты до сих пор носишь его?

— Не отдавать же слугам. — Он тоже усмехнулся и, взяв меня за руку, потянул за собой. В свою спальню.

Там Реллингтон сразу стал избавляться от одежды, которая все еще была мокрой.

— Темные и Светлые правда не простужаются? — спросила я, прохаживаясь в это время по комнате. Я была здесь всего пару раз, но едва успела что-то разглядеть.

— Правда. — Я не смотрела на него, только слышала за спиной шелест сбрасываемой одежды. — Мы вообще редко болеем.

— Но ведь обращаетесь же иногда к врачу или в аптеку. Вон у мастера целых два Темных клиента — ты и Паттисон.

— У меня особый случай. А проблемы Паттисона меня не волнуют.

— Там что-то с его бабушкой...

— Да плевать. — Меня обняли сзади, и кожу на шее обожгло поцелуем.

Я прикрыла глаза, наслаждаясь прикосновением его губ, которые теперь осыпали поцелуями плечи и ключицы.

— Марк... — Я впервые назвала его по имени, даже самой волнительно было произносить, а реакции страшилась еще больше.

Его губы на миг замерли, а затем раздался хриплый шепот:

— Да?

— А если бы я на самом деле все забыла?

— Я бы все равно заставил тебя вспомнить...

Молния на платье поехала вниз, и вскоре оно лежало на полу у моих ног. Реллингтон подхватил меня на руки и перенес на кровать.

— Мне надо еще кое-что тебе сказать, — попыталась вставить я между поцелуями.

— Это вопрос жизни и смерти? — Он посмотрел мне в глаза.

— Нет, не думаю, но все же...

— Значит, расскажешь потом. — И меня снова заставили молчать с помощью упоительного поцелуя, за которым последовали не менее жаркие ласки — и я на время потеряла себя. Растворилась в этом чувственном безумстве, раз за разом умирая в сладостных муках и возрождаясь вновь.

— Теперь рассказывай, — попросил Реллингтон, расслабленно перебирая пряди моих волос.

Я лежала у него на груди, слушала стук его сердца и так же лениво чертила пальцем невидимые узоры на его коже.

— Не буду, — отозвалась я, подавляя зевок. — Я передумала. Вдруг ты опять начнешь злиться, выставишь меня из дому... А там дождь.

Я даже не успела вскрикнуть, как уже лежала на спине, а Реллингтон нависал надо мной, испытующе глядя прямо мне в глаза.

— Что еще меня может разозлить?

— Возможно, то, что никакого любовного зелья не было? — призналась я и виновато улыбнулась.

— Как не было? — переспросил он в полном недоумении.

— Оказывается, я неправильно его сделала, забыла один компонент. В общем, как сказала Генриетта, без него получилась пустышка. Но это выяснилось только вчера, — торопливо добавила я.

— То есть ты меня не привораживала?

Я отрицательно покачала головой.

— Тогда что это было?

— Решай сам. — Я погладила его по щеке с легкой щетиной. — Я не знаю. Может, ты просто поверил в это и начал чувствовать то, чего нет? Правда, снилась я тебе раньше, чем ты узнал про приворот, и думал обо мне тоже до этого. — Я притворно вздохнула. — Так ведь?

— Возможно... Наверное. — Он тоже перекатился на спину, а потом притянул меня к себе, заставив лечь на своей груди, как раньше. — Но я не хочу больше гадать. Это все равно ничего не изменит.

— Марк... — снова тихо позвала я.

— Мм? — отозвался он сонно.

— Ничего... Потом... Спи...

Этот разговор, пожалуй, слишком важный, его действительно стоит отложить до другого раза. Его все равно не избежать, как бы мы ни пытались делать вид, что проблемы не существует. Нам предстоит выбор, и только от него зависит, есть ли у нас будущее.

Утро началось с улыбки. А я уже и забыла, насколько приятно просыпаться в объятиях любимого мужчины. Да и были ли они когда-нибудь — любимые?

— Куда? — При первой же попытке подняться меня потянули назад.

— На работу. — Мне все-таки удалось освободиться из захвата и выбраться из-под одеяла. — Смотри, кажется, дождь прекратился...

Я подбежала к окну и распахнула шторы. Белесый свет полоснул по глазам, и я на миг зажмурилась. Когда же взглянула в окно снова, только и смогла выдохнуть:

— О боже...

Дождь прекратился, однако теперь все кругом было скрыто густой пеленой тумана.

ГЛАВА 35

— У вас такое уже бывало в Талоссе? — спросила я, когда Реллингтон подошел к окну следом за мной.

— Нет, впервые вижу такое, — ответил он, распахивая створки. На нас сразу пахнуло сыростью и прохладой.

— Температура тоже понизилась, — заметила я и поежилась. — А туман такой густой, почти ничего не видно. Как на работу добираться?

— Я поеду с тобой.

— Но я же с Джо буду.

— Мне так спокойней. Кто знает, что еще погода нам приготовит сегодня? Заодно проверю обстановку в городе.

В этот момент мне так хотелось поделиться с ним всем тем, что я узнала от Филиппа Боэ, но пока не стала этого делать. Трудно предугадать, как Реллингтон к этому отнесется.

Через час мы уже сидели в машине и со скоростью черепахи двигались к центру. Я куталась в мужской плащ, перепавший мне от Марка: за всеми бурными событиями свой я вчера умудрилась оставить в доме мастера. Сам Реллингтон сидел на переднем сиденье и помогал Джо ориентироваться в непроглядном тумане.

— Такое чувство, что сейчас откуда-нибудь выскочит монстр, — пробормотала я, вспоминая фильмы ужасов, где фигурировал туман.

— Не волнуйтесь, миледи, — на полном серьезе отозвался Джо, — я слежу за обстановкой. Пока все спокойно.

Спасибо, успокоил...

В центре Талосса туман стал чуть реже, во всяком случае, можно было прочитать вывески и разглядеть на тротуаре редких прохожих.

— Кто сегодня придет за зельями, ума не приложу, — вздыхала я, открывая лавку. — И без того из-за дождей в последние дни упали продажи, сейчас еще и эта напасть. Что пишут в ваших газетах? — спросила уже Реллингтона, который прихватил с собой свежий номер «Темного вестника» и «Ежедневника Дарквайта».

— Похожий туман опустился и на Голдвайн, — озабоченно ответил тот. — В Спотривере пока идут проливные дожди.

Спотривер — тоже один из крупнейших и значимых городов Дарквайта, он находился южнее Талосса.

— Кажется, дожди движутся с севера на юг, — заметила я.

— На юге сейчас не помешают дожди с такой-то засухой и мором... — отозвался Реллингтон, не отрывая глаз от газеты.

— Но люди страдают и от одного, и от другого. Не засуха, так потоп. Что лучше? — Я взяла из-под прилавка чистящую пыльцу и принялась ею по привычке опрыскивать зал. — По-моему, страшна любая напасть. А император как-нибудь это прокомментирует?

— Нет, лишь то, что он «крайне обеспокоен» и «принимает все меры для предотвращения сложившейся ситуации».

— Все как везде. — Я покачала головой. — Стандартная отписка. Значит, он сам не знает, что делать.

Звякнул колокольчик, и я обернулась. В дверях стоял запыхавшийся Рей.

— Привет! — Я улыбнулась ему и одновременно покосилась на Реллингтона. Но тот уже смотрел на Рея, а тот на него. Только бы не вышло, как в прошлый раз, на болоте.

— Здравствуйте, милорд, — первый выдавил из себя Рей, почти прошептал, и вжал голову в плечи.

Реллингтон несколько раз растерянно моргнул, оттянул воротничок рубашки и хрипло отозвался:

— Привет.

Ну что, будем надеяться, сегодня пронесло?

— Что случилось? — Я взяла мальчика за руку и заглянула ему в глаза. — Зачем прибежал в такой туман?

Рей сглотнул и быстро ответил:

— Бабушка зовет тебя. К ней пришел Филипп Боз, у него какие-то новости.

Я заволновалась: а вдруг свитки уже доставили? Или это касается тумана? Но в любом случае пойти надо. Я глянула на Марка. Но как же объяснить ему? Не могу же я взять его с собой.

— Мне надо отлучиться ненадолго, — призналась ему. — Это очень важно. Постараюсь вернуться быстро.

— Одна? — уточнил он напряженно.

— С Реем. — Я обняла мальчика за плечи. — Ты же слышал, что мы идем к его бабушке.

— Кто такой Филипп Боз?

— Расскажу вечером, ладно? — пообещала я.

— Ладно, — нехотя ответил Реллингтон. — Поезжайте с Джо. Я подожду тебя здесь.

— Только, пожалуйста, — я посмотрела на него умоляюще, — будь с покупателями не очень резок. Если, конечно, кто-то заглянет в такую погоду.

— Разберемся, — проворчал он, садясь на стул за прилавком и открывая газету. — Не задерживайся.

— Не задержусь, — заверила я и покинула лавку следом за Реем.

— Вы снова с этим лордом муж и жена? — тихо спросил меня Рей уже в машине. — По-настоящему?

— Выходит, что да, — ответила я честно. — Тебе это неприятно, да?

— Нет, все нормально. — Он пожал плечами, но опустил глаза.

— Извини, что так вышло... — Мне почему-то важно было ему это сказать.

— Ты не виновата ни в чем, — отозвался Рей. И улыбнулся.

Только Джо с его даром поисковика удалось в таком тумане быстро доехать до дома Розы.

— Я уж думала, что вы заплутали, — посетовала Роза, открывая дверь. — Что с погодой творится?

— С нами все в порядке, — заверила ее я. — Просто ехать пришлось медленно.

— Лия, наконец-то! — Филипп Боз поднялся мне навстречу. — Я рад вас видеть.

— Я вас тоже, — ответила с улыбкой. — Но что за срочность? Ваш помощник уже вернулся?

— Нет, но ко мне попало кое-что другое, однако не менее важное. — Он был взволнован. — Послание Светлых богов. Оно хранилось у Светлых отшельников долины Лайлак, что на юго-востоке Дарквайта. Другой мой ученик был паломником в тех местах и случайно набрел на письмена.

— И что же в этом послании? — Я села за стол, за которым уже находились Роза и Генриетта. Хозяйка сразу подвинула мне чашку со своим фирменным травяным чаем.

— В нем указано место, где спрятан Свет. — Глаза Филиппа излучали радость. — Вернее, как его найти. Вот, смотрите. — Он развернул лист бумаги, похожий на пергамент, и надел очки. — «В нужный час в Дарквайт придет Иная, пробудится источник, а древо Света, что умерло вместе с ним, вновь зацветет. Спадет барьер, но лишь тогда, когда в Дарквайт вернется Равновесие».

— Тебе это ничего не напоминает? — спросила у меня Генриетта. — Источник... Древо Света...

— Родник во дворе мастера? — ошеломленно проговорила я. — Яблоня?

— И Иная. — Она направила указательный палец на меня. — Все началось, когда ты пришла из своего мира и стала работать на Коуна. Мы с Розой сразу поняли, что ты здесь неспроста. И вот подтверждение.

Мне стало не по себе: обо мне упомянули сами боги Света? Просто не верится...

— Значит, Свет где-то в доме мастера? — уточнила я.

— Скорее всего, под ним, — предположила Роза. — А дом и есть барьер. И войти в него могут только те, в ком заключен Свет.

— А мастер Коун знал об этом? — Я еще больше разволновалась. — Может, стоит связаться с ним?

— Уверена, он знает, — фыркнула Генриетта. — Все знает. Может, поэтому и смылся, почуввав, что Свет просыпается.

— Но если он отказался от Света, почему тогда смог жить в своем доме? — задумалась я.

— А вот это нужно у него спрашивать.

— Не торопитесь, — сказал Филипп. — Еще успеем связаться с Бенджамином. Давайтеждемся лунодня и моего помощника.

— А что же теперь делать мне? — Я была растеряна. — Я имею в виду, с домом.

— Пока ничего. — Филипп улыбнулся. — Живите в нем, как жили раньше.

— А если я буду жить в другом месте? — смущенно поинтересовалась я.

— Темный все-таки задавил собственную гордость? — Генриетта сразу догадалась, о чем я. — Или это сделала ты?

— Он сам пришел, — призналась я. — Вчера...

Генриетта на это лишь хмыкнула и покачала головой.

— Вы о своем супруге, Лия? — вкрадчиво спросил Филипп. Я кивнула, и он продолжил: — Можете приходить в храм послезавтра с ним. Если ему тоже небезразлична судьба Дарквайта.

— По правде говоря, не уверена, что он согласится, — ответила я. — У нас все... Сложно.

— Он изгнанник Тьмы, — пояснила Генриетта за меня. — Но Светлых все так же не любит. Кроме одной. — И она с усмешкой посмотрела на меня.

— Мы еще не обсуждали эту тему, — заметила я.

— Но вы ему предложите. — Филипп продолжал улыбаться. — Я буду рад встретиться с вашим супругом.

— Хорошо, я попробую. — Я улыбнулась в ответ.

Рассиживаться у Розы я долго не могла, поэтому, спешно допив чай, засобиравшись обратно в лавку. Подъезжая, уже начала переживать, как там Реллингтон и остались ли у моей лавки еще клиенты. Однако «Зелья» встретили меня тишиной и пустым залом, зато из подсобки неслись приглушенные голоса. На звук дверного колокольчика оттуда выглянула Паула.

— Это наша Лия! — Она вся светилась счастьем. С чего бы это? И где Марк, черт побери? — Проходи к нам...

К нам? Они там вместе, что ли? Я на всякий случай повесила на двери табличку, которая сообщала клиентам о временном перерыве, сама направилась в подсобку. Я думала, лимит моего удивления на сегодня уже был исчерпан, а нет, меня ждал очередной сюрприз: за маленьким столом друг напротив друга сидели Реллингтон и Паттисон и в полнейшей тишине пили чай, бросая один на другого исподлобья не самые любезные взгляды. И только улыбающаяся Паула юлой крутилась рядом, подливая им горяченький напиток.

— Лорд Паттисон, быстрого дня, — приветствовала я гостя.

— Быстрого дня... — отозвался тот. И добавил: — Миледи...

В глазах Реллингтона промелькнуло удовлетворение, и он по-хозяйски позвал меня, показывая на единственный свободный стул:

— Присаживайся.

— Налить тебе чаю? — спросила уже Паула.

— Нет, я пила недавно. И садиться тоже не буду. — Я никак не могла понять, что вообще здесь происходит. — Паула, выйдем на минуту. С вашего позволения, милорды.

И я потянула подругу в зал.

— Что это такое? — шепотом спросила я. — Откуда здесь Паттисон? И ты?

— Не знаю, откуда здесь милорд, — ответила она. — А я тебя навестить пришла, узнать, как ты в такой-то туман... А лорд Паттисон уже был здесь. И Реллингтон за прилавком. Как всегда из-за чего-то препирались. Я сначала хотела убежать, но потом осмелилась и спросила, где ты. Ответил Реллингтон, что пока он за тебя. — Паула хихикнула. — Потом они с Паттисоном опять начали язвить друг другу, злиться, и я решила разрядить обстановку и предложить им чай. Извини, что без твоего разрешения его заварила.

— Это ерунда. Меня поражает, как ты на это осмелилась. Ты же так боялась Темных, — вспомнила я.

— Но ты же не боишься, и я решила, что тоже не буду. Беру с тебя пример. — Она кокетливо улыбнулась.

Хотелось ей сказать, что у меня совсем другой случай и с меня уж точно не стоит брать пример, особенно в отношении Паттисона, но остановил результат: чай-то они сели пить оба! Еще и за одним столом. Вот где чудо!

— Я, пожалуй, пойду. — Из подсобки появился Паттисон, за ним — Реллингтон.

— Да, мне же тоже надо идти, — заторопилась тут же Паула. — Только такой туман жуткий. Хоть бы найти свою мастерскую...

— Я тебя провожу.

Что? Это произнес Паттисон? Я прислушалась: не свистит ли на какой горе рак? Нет, сегодня явно день чудес.

— Скорого дня, миледи. — Паттисон чуть склонил голову передо мной (ох ты бабушки!), затем глянул на Марка, кивнул. — Лорд Реллингтон.

— Лорд Паттисон. — Тот тоже кивнул невозмутимо.

— Сегодня какой-то священный праздник? — спросила я Реллингтона, когда парочка ушла. — Вы не подрались с Паттисоном. Пили чай. А потом он пошел провожать Паулу. Что вообще здесь забыл Паттисон?

— Ну уж точно не лекарство для бабки, — мстительно отозвался Реллингтон. — Пришлось еще раз объяснить ему, что к чему. Кажется, теперь до него дошло. Правда, от его визита все же была польза. — Он с задумчивым видом облокотился о прилавок. — Мы успели обсудить туман и... Паттисон сказал, ходят слухи, что на Темных стала нападать некая болезнь, от которой нет лекарства. В столице уже несколько смертей за последние сутки.

— Болеют только Темные? — переспросила я.

— Да, ни магов, ни обычных людей эта болезнь не трогает... И хоть Паттисон и назвал это слухами, уверен, что все еще серьезней, чем кажется.

ГЛАВА 36

Темные умирают от неизвестной болезни... Час от часу не легче.

— Значит, ты тоже в опасности? — Я со страхом посмотрела на Реллингтона.

— Кто знает? — Он как-то удрученно усмехнулся. — С каждым днем меня все труднее назвать Темным. У меня даже сферум пропадает. Могу вызвать его через раз.

— И когда это началось? — Я разволновалась. — Ведь на балу Черной розы ты его использовал, когда забирал меня из дворца.

— Вот после этого и началось.

— Это из-за того, что я Светлая, да? — У меня вырвался горестный вздох. — Выходит, я опять виновата... Может, нам вообще нельзя быть вместе? Все, что бы я ни сделала, выходит против тебя. Приносит одни проблемы.

Реллингтон ничего не ответил на это, не согласился, но и не опровергнул. Прошелся по залу в задумчивости, потом произнес:

— Я сам это начал. Восемь лет назад. Сам виноват... А все, что происходит сейчас, — закономерно и понятно.

— Ты о Рее? — Мы впервые заговорили об этом, и я внутренне напрягалась.

— Его зовут Рей?

— Да, мальчика, которому ты не дал умереть следом за Светлыми родителями, зовут Рей.

— Почему ты говоришь, что я не дал ему умереть? — Во взгляде Марка появилось недоумение. — В тот раз не было приказа убивать. Только взять в плен.

— Но Роза, его бабушка, сказала, что всех уничтожили. — Я тоже растерялась. — Когда она пришла на то место, в живых был только Рей.

— Наверное, она сама так решила. Если отдают приказ на зачистку, то не остается даже тел. — Реллингтон говорил как-то отстраненно. — Но я повторяю: мой отряд не участвовал в зачистках, только в пленении.

— Тогда это означает, что родители Рея живы? — Во мне зародилась надежда. — Куда их забрали?

— Скорее всего, в Сумрачные пустоши на каторжные работы. Поверь, некоторые лучше выбрали бы смерть.

— И детей туда тоже забирают?

— Всех.

— И ты пожалел Рея? — тихо спросила я.

— Как же я ненавижу это чувство — жалость. — Он скривил губы в подобии улыбки. — А вы, Светлые, его так любите...

Эти слова кольнули в самое сердце. Мы будто вернулись к первым дням знакомства, и между нами вмиг выросла стена.

— Я больше не хочу говорить на эту тему, — уязвленно ответила я. — Надоело объяснять разницу между жалостью, состраданием и унижением. И да, я — Светлая, но это не мой выбор. Извини, что оказалась такой. Вернее, не такой, как ты.

Я, демонстративно не глядя на него, достала из-под прилавка кассовую книгу и с деланным интересом принялась ее изучать. Глаза застлало пеленой слез, но я боялась моргнуть, чтобы Реллингтон не заметил их.

— Лия... — Он все-таки подошел ко мне, обнял сзади неловко и растерянно.

Я прикрыла глаза, и слезы покатались по щекам. Вытерла их с раздражением и обернулась к Марку.

— Давай наконец проясним все раз и навсегда. Как ты представляешь наше будущее? И вообще, есть ли у нас оно? Я — Светлая, и это уже, похоже, не изменить, даже если бы захотела. Ну разве что попытаться перейти на сторону Тьмы!

— У тебя не получится. — Он печально усмехнулся. — Ты не создана для Тьмы.

— А ты для Света? — робко спросила я. — Ведь он сейчас в тебе...

— Я не знаю, смогу ли... — Марк пристально смотрел на меня. — Я не чувствую себя Светлым... Пытаюсь... Но пока не чувствую... Одно хорошо: он перестал мучить меня. Может, когда-нибудь... Я почувствую, что готов... Но пока...

— Я не давлею на тебя и ни на чем не настаиваю. Мне все равно, Темный ты или Светлый. Мои чувства от твоей принадлежности не изменятся. Но считаешь ли ты так же? Вдруг в какой-то момент твоя нелюбовь к Светлым перевесит... те чувства, которые, возможно, ты испытываешь ко мне?

— Этого не случится, Лия. Я уже переступил через себя. Ради тебя. И не жалею, понимаешь? — Он порывисто обнял меня, и я уткнулась лицом ему в плечо. — Я не хочу думать о тебе, как о Светлой.

— А я хочу, чтобы ты помнил об этом, Марк, — прошептала я. — Невозможно закрыть на это глаза и сделать вид, что ничего нет. Особенно когда в вашем мире происходят такие вещи. Когда нужно объединяться, а не разобщаться. Ваш мир гибнет из-за потери равновесия, понимаешь? И в этом виноваты и Темные, и Светлые. И я хочу, чтобы ты пошел со мной к одному человеку в лунодень, Марк. Он тоже хочет, чтобы ты пришел.

— Это тот, кто ждал тебя у бабки этого Светлого мальчишки?

— Да, он статер. И он хочет вернуть в Дарквэйт потерянное равновесие.

— Статер? Откуда он в Талоссе? — Объятия Реллингтона ослабли. — Я уже давно не слышал о них... Говорили, они ушли куда-то в горы.

— А Филипп вернулся. И он знает, где спрятан Свет. — Я подошла еще к одному важному моменту, который не могла больше скрывать.

— Где же? — Марк отстранился, глядя на меня со смесью скептицизма и любопытства.

— Под домом мастера Коуна. Свет запечатан под ним, а дом его охраняет. Но с недавних пор, точнее почти с моим появлением в Дарквэйте, он по каплям просачивается во внешний мир. Вот почему вода в доме стала с частицами Света. Опять не веришь?

— Да нет, уже верю... — Он с усмешкой покачал головой. — Как тут не поверить, когда сам оказался в центре всей этой демоновой заварушки. Вернее, меня в нее втянула моя жена, которая тоже случайно свалилась на мою голову. И как тут после этого не пойти с тобой к этому статеру? Кстати, он молодой, привлекательный? — В его голосе проскочили ревнивые нотки.

— Ты лучше, — отозвалась я и приподнялась на цыпочках, чтобы поцеловать.

Но Марк не дал мне этого сделать, спросив строго:

— А точнее?

— Точнее, не в моем вкусе, — засмеялась я. — А возраста как мастер Коун.

— Как мастер Коун? Кстати, Джо доложил мне, что Коун сейчас выглядит не старше меня. Он изобрел омолаживающее зелье?

— Почти, — ответила обтекаемо. — Только никому не говори об этом, хорошо? Это был его секрет. И да, Филипп выглядит, как мастер до отъезда в Голдвэйн, то есть на свой

реальный возраст.

— Что ж, тем более сходим и проверим, что там за Филипп на самом деле. — И Марк уже сам втянул меня в затяжной поцелуй.

— Мм... — недовольно промычал он через несколько минут и махнул рукой, будто кого-то прогоняет. Потом оторвался от моих губ. — Ты не могла бы убрать свой сферум? — И показал себе на плечо, где примостилась белая бабочка. Другая кружила у него над головой, явно намереваясь приземлиться на макушку. — Немного отвлекает...

Я посмотрела на свои руки, оплетающие шею Реллингтона: светятся.

— Извини, — смущенно улынулась я, пряча все следы сферума. — Еще не до конца научилась его контролировать. Да и привыкаю пока.

— Перемещаться тоже не научилась? — Он стряхнул с плеча остатки золотистой пыли.

— Нет, — призналась я. — Еще и не пыталась. Пока даже не знаю, как это делается.

— Если хочешь, научу, — бросил Марк куда-то в сторону.

— Хочу. — Я закусила губу, сдерживая улыбку.

— Тогда займемся этим вечером.

— С удовольствием. — Я чмокнула его в щеку, и в этот миг колокольчик оповестил о приходе посетителя. Наконец-то!

К вечеру туман стал еще плотнее, дорога до дома мастера, куда мы вынуждены были заехать, чтобы взять хотя бы часть моих вещей (ну и подружку-кукушку, как же без нее?), а также лекарство для Марка, заняла раза в два больше времени, чем обычно. Даже Джо с его способностями и то опасался ехать быстро, чтобы не заблудиться.

— Если завтра туман не разойдется, лавку открывать не имеет смысла, — решила я. — Сегодня зашли всего пять человек, двое из которых — Паула и Паттисон. Завтра, боюсь, вообще никого не будет.

Марк с радостью одобрил эту мысль, пообещав, что раз так, то посвятим это время моему обучению со сферумом. В этот вечер занятия не вышло, поскольку оно незаметно перешло в другую область, а следом и горизонтальную плоскость. Зато солдцедень выдался более плодотворным. Туман, как и ожидалось, никуда не исчез, поэтому пришлось остаться дома. Мы заняли большую гостиную, где было удобней всего тренироваться, и провели там почти весь день, разве что с перерывом на обед.

— Видишь, у Светлых и Темных даже сферум работает по одному принципу, — заметила я спустя несколько часов активных тренировок. У меня к этому времени уже начало получаться перемещаться из одной комнаты в другую, соседнюю, и я была просто счастлива от своих успехов. Правда, ощущения при этом испытывала непривычные и сперва пугающие: тебя будто расщепляет на атомы, и на короткий миг кажется, что перестаешь существовать, но потом раз — и снова целая и невредимая! Потрясающе!

— Только Темный сферум солидней, — ответил Марк, пряча усмешку. — И действует на большие расстояния.

— Зато у Светлых он быстрее трансформируется, — не осталась я в долгу.

У самого Реллингтона со сферумом дела обстояли печальней: тот появлялся далеко не с первого раза и не всегда доносил до нужного места. Это все больше ввергало Марка в уныние, особенно на фоне моих успехов. И больше всего его угнетало, что в храм придется добираться сквозь туман на машине, а не задействовать сферум.

— Мы сделаем это вместе, — приняла я решение утром в лунодень. — Я поделюсь с тобой своим сферумом, а твои светлые частицы помогут в этом.

— Это глупости. — Он поморщился. — И как я буду пользоваться твоей помощью? Как

калека... Не хочу, чтобы...

Но я его перебила, процедив сквозь зубы:

— Еще одно слово о том, что я тебя жалею, и ты меня больше не увидишь, ясно? Уйду в туман! И никогда не переступлю порог этого дома!

Не знаю, то ли он испугался моей угрозы, то ли все же прислушался к голосу разума, но в конце концов согласился на этот эксперимент.

— На руки я взять тебя не могу, как ты меня в Голдвайне, потому просто обними, — попыталась пошутить я, когда Марк объяснил мне, как работает совместное перемещение. Мы как раз уже стояли в холле, готовые к визиту в храм Пяти богов.

— Нас может выбросить в другом месте. — Реллингтон, напротив, был предельно серьезен и сосредоточен.

— Ничего, побродим немного в тумане. Как ежики.

— Какие ежики? — конечно же не понял он.

— Не важно, — отмахнулась я и поторопила: — Давай же... Обнимай меня...

От перемещения на такое расстояние у меня на какой-то миг вышибло весь дух, и закружилась голова. Я ухватилась за Марка, боясь его потерять. Уже знакомая вспышка, рассыпание в пыль — и вот мы уже стоим посреди комнатухи Филиппа Боэ. И, главное, вдвоем! Аллилуйя! Я даже рассмеялась от облегчения.

— Метко, — раздался хриплый голос Генриетты.

А из-за стола поднялся Филипп.

— Рад, что вы не проигнорировали мое приглашение, лорд Реллингтон.

ГЛАВА 37

К нашему появлению все уже были в сборе: и Генриетта, и Роза, и даже Рей. За спиной Филиппа стоял полноватый парнишка, похоже, тот самый помощник. В комнате было тесно и душно, но хозяин не спешил открывать окно: предстоящий разговор никто не должен был подслушать. Филипп на время отпустил помощника, а нам предложил рассестись кому за стол, кому на узкую кровать. Генриетта то и дело с любопытством посматривала на нас с Реллингтоном, Роза тоже нет-нет да и бросала в нашу сторону взгляд, но все молчали, ожидая, пока Филипп развернет толстый свиток.

«Равновесие всегда возьмет свое, — зачитал он первые строчки. — Не через умы, так силой. И чем больше ему сопротивляться, тем страшнее ждут последствия. Мироздание будет стремиться к балансу, и это смогут ощутить на себе даже самые сильные и неуязвимые существа Дарквайта. Мироздание будет мстить, и месть эта будет беспощадна. Заболеют не знающие хвори. Умрут даже бессмертные».

— Это ведь про ту самую неизвестную и неизлечимую болезнь, да? — Я с тревогой посмотрела на Марка.

— О чем вы? — заинтересовался Филипп.

— А вы разве не знаете? Хотя это же только слухи в кругах Темных... Марк, расскажи, что говорил Паттисон, — попросила я.

— Уже несколько дней как Темные умирают от неизвестной быстротечной болезни. Пока это происходит в Голдвайне, но никто не даст гарантии, что со дня на день эта напасть не придет и к нам, в Талосс, — коротко, без лишних подробностей пояснил Реллингтон.

Он намеренно не смотрел на Светлых, а обращался только к Филиппу. И остался бесстрастным даже тогда, когда Генриетта пробормотала себе едва слышно под нос:

— Они это заслужили...

— Мироздание пытается прийти к равновесию... — Филипп задумчиво погладил бороду. — Очень похоже на то... А что у Светлых, ничего подобного не слышно? — уточнил он почему-то у Розы.

— Нет. — Та лишь качнула головой.

— Нас и без того осталось раз-два и обчелся, — снова проворчала Генриетта. Она достала было из кармана свою трубку, но потом засунула ее обратно.

— Среди магов и обычных людей паники тоже пока нет. Беспокойство по поводу тумана не в счет. И газеты молчат... — продолжил Филипп, но потом спохватился: — На чем мы остановились? — И вернулся к свитку: «Спасение в согласии между Тьмой и Светом, которое должно быть скреплено ритуалом крови».

— Ритуал крови? — вздернула бровь Генриетта. — Надеюсь, никому не надо для этого прощаться с жизнью? Впрочем, — ее тон вдруг изменился, голос стал тише, — если это поможет, то я готова...

— Не торопись, Генри, — мягко остановил ее Филипп, — я еще не зачитал условие. Итак: «Для ритуала нужны пять добровольцев. Служитель Равновесия. Тот, кого недавно принял Свет. Тот, кого недавно приняла Тьма. Тот, кто отказался от Света ради Тьмы, и тот, кто отказался от Тьмы ради Света. Они должны явиться в любой из храмов Пяти богов с чистыми помыслами и искренним желанием и пролить часть своей крови на божественный алтарь».

От услышанного все пребывали в растерянности.

— А попроще Саран ничего не мог придумать? — нарушила тишину раздраженная Генриетта. Она снова начала нервно крутить в руках трубку, но закурить так и не решилась. — К чему эти загадки?

— Давайте разбираться... — вздохнул Филипп. — Двух из пятерых я могу определить

точно. От служителей Равновесия пойду я. Тот, кого недавно принял Свет, — это однозначно Лия. — Он посмотрел на меня, я же глянула на Марка, который пребывал где-то глубоко в своих мыслях. — Ты согласна в этом участвовать?

— Конечно. — Я перевела взгляд на Филиппа. И повторила более твердо: — Конечно, согласна.

— А я знаю, кто отказался от Света ради Тьмы. — Генриетта взяла в рот пустую трубку и начала жевать ее кончик. — Бенджамин Коун.

— Но захочет ли он в этом участвовать? — вздохнула Роза.

— Не захочет, заставим. — Генриетта заводилась все больше. Невозможность закурить столь длительное время делала ее нетерпеливой и раздражительной. — Если понадобится, я возьму его на себя.

— Что ж... Осталось два вакантных места. — Филипп выбил дробь пальцами по столешнице. — И оба со стороны Темных. Милорд, может, вы что подскажете?

Я ощутила, как Марк напрягся после этого вопроса. Меня же вдруг осенило:

— А что насчет Паттисона? Разве не он все время хвастается, что его приняла Тьма? Правда, он рожден от Темного... Это считается или нет?

— Бастардов Тьма не всегда принимает сразу, — наконец заговорил Марк. — Они могут даже обладать способностями Темных, тем же сферумом, но не быть полностью признаны Тьмой. Это как в моем случае, только наоборот. Но проблема в другом. Паттисон никогда не согласится в этом участвовать.

— Попробуем с ним поговорить, — предложила я. — Вдруг получится? Я могу это сделать сама.

— Нет, это сделаю я, — заявил Марк. — Неизвестно, как он поведет себя, если узнает, что ты... Светлая.

— Ладно, обсудим это позже. Наедине. — У меня тоже были кое-какие мысли по этому поводу.

— Что ж... Оставим пока вопрос с признанным Темным, — сказал Филипп. — А что с последним? Тот, кто отказался от Тьмы ради Света...

— Это буду я.

В комнате повисла тишина, а все взгляды обратились на Реллингтона.

— Марк... — только и смогла прошептать я.

— Я готов это сделать. Готов принять Свет, — повторил он, глядя только на Филиппа. — Я должен как-то подтвердить это? Какие-то слова, тот же ритуал...

— Преклонить колено перед ликами Светлых богов и объявить им о своем желании со всей искренностью, — медленно ответил статер.

— Этого будет достаточно, чтобы участвовать в ритуале?

— Полагаю, да. — Филипп еще раз перечитал условия в свитке. — Здесь не указано, что Свет должен дать согласие, лишь желание перейти на его сторону.

— Бенджамин тоже Тьма не приняла, — напомнила Роза.

— Нам ничего не остается, как надеяться, что мы верно все поняли. — Филипп развел руками. — Будем рисковать...

Марк между тем резко поднялся.

— Ты куда? — Я подхватила за ним.

— К алтарю, к статуям ваших богов. Сообщу о своем решении. Господин Боэ, идемте со мной, чтобы после подтвердить, что я не обманул и не отказался от своих слов.

— В этом, конечно, нет необходимости. Но раз вы желаете... — Филипп отложил свиток и вышел из-за стола.

— Желаю, — коротко ответил Реллингтон и направился к двери.

За ним последовала я и Филипп, остальные Светлые остались в комнате.

— Марк, — я догнала его, — ты уверен, что хочешь это сделать? Это серьезный шаг, а ты сам недавно говорил, что еще не готов.

— Уже готов. — Его взгляд излучал решимость, однако мне все равно было беспокойно.

— Марк... — Я сама не знаю, почему хотела остановить его. Не знаю, почему не радовалась его выбору. Будто все это было неправильно... Как-то не так...

Но он, как всегда, меня не слушал. Прошел к алтарю и опустился на колени перед статуями Кона и Вей. Закрыв глаза и что-то произнес одним губами. Затем еще несколько минут простоял молча, словно вел с богами мысленный диалог, и только после этого поднялся. Похоже, формальности соблюдены.

Как раз в этот момент в зал вошли и Генриетта с Розой.

— Полагаю, на сегодня можем расходиться, — сказал Филипп тоже несколько рассеянно. — Генри, на тебе Бенджамин...

— Я же обещала, — пожала плечами она. — Только нужен его адрес в Голдвайне. Лия?

Я быстро назвала ей координаты мастера, которые помнила наизусть.

— Прекрасно, я с удовольствием нанесу визит этому проходимцу, — ухмыльнулась Генриетта. — Всем счастливо оставаться. — И в тот же миг рассыпалась облаком бабочек.

— А что насчет первого условия? — напомнила я. — О примирении?

— Роза? — Филипп посмотрел на женщину. — Ты, как старейшина, готова предстать перед Темным императором от лица всех Светлых?

Роза — старейшина Светлых? Я впервые слышала об этом. И у меня даже в мыслях не было, что эта милая маленькая старушка может иметь такое влияние среди Светлых.

— Готова, Филипп, — отозвалась она без тени улыбки.

— Тогда я пойду с тобой, поддержу тебя от лица Равновесия.

Роза только кивнула.

— Лия? Лорд Реллингтон? — теперь Филипп обращался к нам. — Вы говорили о некоем Темном...

— Да, мы попытаемся с ним побеседовать, — отрывисто ответил Марк.

— Хорошо, тогда, с вашего позволения, я пойду. — Филипп чуть поклонился. — Роза, я свяжусь с тобой в самое ближайшее время. Будь готова. С вами тоже свяжусь, Лия, когда придет время следующей встречи. Это может случиться на днях.

Он ушел, но Роза не спешила сделать то же.

— Лорд Реллингтон, — вдруг позвала она нерешительно.

Марк посмотрел на нее настороженно.

— Милорд... — Во взволнованном голосе Розы появилась хрипотца. — Не могли бы вы мне сказать, где похоронены тела моей дочери и зятя? Я была бы вам благодарна...

— Ну конечно! — спохватилась я. — Мы же забыли вам сказать! Не успели! Роза... Ваша дочь и ее муж, возможно, живы. Их не убили тогда, а взяли в плен. Марк, подтверди это!

— В плен? — В глазах Розы заблестели слезы, а Рей уцепился за ее руку и тоже безотрывно смотрел на меня.

— Да, — ответил уже Марк. — Тогда никто не был убит. Всех увели и, вероятнее всего, отправили на каторжные работы.

— Это правда? — прошептала Роза, несмело улыбаясь. — Моя дочь может быть жива?

— Я не могу сказать точно, я не знаю, что с ними стало. Нужно навести справки... Возможно, потом я бы попробовал...

— Спасибо вам, милорд, — звонко произнес Рей и улыбнулся так счастливо, что Марк заметно растерялся, я же тоже не сдержала улыбки.

— Я еще этого не сделал, — прозвучало несколько грубо, но я знала, что за нелюбезным тоном Реллингтон всего лишь пытался скрыть смущение.

— Идем, милый. — Роза тоже улыбнулась. — Всему свое время. Мы еще успеем поблагодарить милорда. До скорой встречи, Лия, милорд...

Она еще раз улыбнулась и, прижав к себе внука, исчезла точно так же, как ее сестра немногим ранее.

— Как ты? — Я повернулась к Марку и обняла его.

— В порядке. — Он с деланным равнодушием пожал плечами и обнял меня в ответ.

— Нам тоже нужно возвращаться.

— Да, надо нанести визит Паттисону.

ГЛАВА 38

— Ты намерен вот так просто пойти в дом Паттисонов? — недоумевала я, услышав подобное от Марка. — И заявить прямо, что нам надо?

— Я предпочитаю разговаривать именно так. Все эти витиеватости, заходы издали, полунамеки — это не по мне, — ответил он, поправляя перед зеркалом воротничок рубашки и галстук.

Прошло всего полчаса, как мы вернулись от Филиппа и еще толком не успели все обсудить, а Реллингтон уже рвался действовать.

— Я полагала, мы продумаем тщательно, что лучше сказать, как преподнести все Паттисону, — пыталась образумить его я. — Возможно, стоит отправить к нему Джо с говорильником, предупредить о встрече. И вообще, может, его и дома не будет.

— Разберусь на месте.

— Разберемся, — поправила его я. — Раз ты такой упрямый, я иду с тобой. Думаю, у меня больше шансов повлиять на Паттисона, чем у тебя.

— Но ты Светлая... — начал было Марк.

— Ты тоже уже не Темный, — вынуждена была напомнить ему. Эту тему мы оба пока обходили стороной: Марк делал вид, что ничего не произошло, я же, глядя на его поведение, не решалась начать разговор первой. Но вот сейчас просто к слову пришлось.

— Думаешь, он поддастся на твое очарование? Собираешься с ним флиртовать?

— Если это поможет делу, то — да, — в пику ответила я. — Как думаешь, стоит ли поменять платье на более легкомысленное?

— Только попробуй. — Реллингтон сузил глаза.

— Я пошутила. — И взяла его под руку. — Даже не собираюсь наряжаться для него. Только для тебя. Ну пошли, что ли?

Комплимент благотворно повлиял на Марка, и он немного расслабился.

— Не думала, что скажу это когда-нибудь, но как хорошо, что дом Паттисона стоит так близко к твоему, — с усмешкой заметила я уже на улице. — Иначе пришлось бы побродить в тумане, а то и заблудиться в трех соснах.

— Меня все равно не радует такое соседство. — Реллингтон остался при своем мнении.

— А если нас не пустят на порог?

— Я не исключаю такого варианта.

Ворота долго никто не открывал, потом все же из тумана вынырнул дворецкий в темно-красной ливрее.

— Передайте лорду Паттисону-младшему, что с ним хотят поговорить лорд и леди Реллингтон, — сообщил ему Марк. — Разговор срочный.

— Простите, милорд, но вам придется подождать ответа здесь. К сожалению, у меня нет разрешения пускать вас в дом, — поклонился дворецкий и скрылся в тумане.

— Ну вот, это вполне в духе Паттисонов, — сказал уже мне Марк.

— Подождем. — Я пожала плечами.

Дворецкий вернулся минут через десять.

— Милорд скоро спустится.

— Все же в дом не пустил, — усмехнулся Марк.

— Не очень-то и хотелось, — подтвердила я. — Правда, вести такие разговоры на улице...

Договорить я не успела, сквозь туман стал проступать знакомый силуэт.

— Реллингтон? — начал Паттисон, еще не доходя до нас. — Не помню, чтобы звал тебя в гости. Впрочем, твою супругу я бы впустил и даже угостил бокалом вина.

— Мы не в гости. Есть важный разговор, Люк. — Марк пытался сохранять спокойствие и не поддаваться на его провокационный тон. — И если ты не хочешь впускать нас к себе, мы можем пройти ко мне.

— Да ладно? — Паттисон сделал изумленное лицо. — Ты зовешь меня к себе? Но, извини, я воздержусь. Говори здесь, что тебе надо. И побыстрее. Я устал и хочу отдохнуть. Только утром вернулся из столицы, был во дворце, навещал Кайла. Ты знаешь, что принц тоже болен?

— Тоже? Ты имеешь в виду ту самую болезнь? — Марк уже не скрывал тревоги. И мне стало не по себе от этой новости.

— Да, и он очень плох. — Теперь и Паттисон убрал с лица надменность, а в голосе его проступила грусть. — Император в отчаянии.

— Тогда тем более ты должен выслушать нас, — с нажимом произнес Марк. — И если так хочешь, можем говорить здесь. Дарквайт в опасности, по-моему, это бесполезно отрицать. Это видит любой здравомыслящий человек. Причина: нарушен баланс Тьмы и Света. Как ни тяжело признавать, но Темные сами в этом виноваты. Впрочем, Светлые тоже не без греха, но сейчас их слишком мало осталось, Свет исчез, поэтому ответственность в первую очередь лежит на Темных. Бедствия будут продолжаться, а Темные умирать, если не привести наш мир в равновесие.

— Ну а я-то тут при чем? — недоверчиво усмехнулся Паттисон. — Зачем ты мне все это вещаешь тоном профессора философии? Я, что ли, как-то могу повлиять на взбесившееся мироздание?

— Можете, милорд, — заговорила уже я. — У нас есть шанс вернуть равновесие в Дарквайт. Мы нашли ритуал, который поможет это сделать. И как раз ваше участие в нем просто необходимо.

— Вы пьяны? — Паттисон начал заводиться. — Какой ритуал? С чего я должен в нем участвовать?

— Мы в трезвом уме, Люк, — отозвался Марк. — И говорим правду. Мы с тобой никогда не ладили, это верно, но хоть раз ты мог уличить меня во лжи? И сейчас у меня нет ни одной причины, чтобы обманывать или разыгрывать тебя. Нам нужна твоя помощь. Дарквайту нужна помощь, пусть это и звучит высокопарно. Для ритуала необходим Темный, которого Тьма приняла совсем недавно. Когда это случилось с тобой? В академии ты еще был вне ее, я знаю точно.

— Не так давно. — Кадык Паттисона нервно дернулся. — Но что из этого? Я не собираюсь в этом участвовать.

— Мы с Марком тоже участвуем в ритуале, — вставила я.

— Вы? А вы тут при чем?

— Узнаешь, если согласишься, — ответил Марк. — Я не могу рассказать тебе всех деталей, пока ты не решился. Поверь, это намного серьезней, чем ты думаешь. Подумай о своих близких, которых может постичь судьба принца и других погибших. Да и ты не бессмертный. Возможно, завтра эта страшная болезнь придет в твой дом.

— Прекрати, я не пугливый мальчишка. И нет, я отказываюсь в этом участвовать, — отрезал Паттисон. — Разберитесь как-нибудь без меня. И уходите. Благодарю, что навестили. — И он пошел прочь.

— Люк! — крикнул ему вслед Марк. — Все же подумай над этим! У нас совсем мало времени...

Но тот ничего не ответил и скрылся за пеленой тумана.

— Нечто подобное я ожидал, — удрученно протянул Марк.

— Что будем делать? — Я тоже чувствовала себя подавленной. — Без Паттисона ничего не выйдет.

— Может, стоит поискать других бастардов? — Марк вздохнул. — Но это займет время.

— Наверное, нужно предупредить остальных, что у нас ничего не вышло, — сказала я. — Иди домой, а я отправлюсь к Филиппу или Розе...

— Одна? — Судя по нахмуренному лбу, ему эта идея пришла не по нраву. — Пойдем вместе.

— Одна я справлюсь быстрее, ты же сам понимаешь. — Я улыбнулась и, не дожидаясь, пока он ответит, вызвала сферум.

Через мгновение я уже стояла у храма. То, что мне не удалось оказаться внутри, в комнате Филиппа, говорило о том, что его не было на месте. Я уже усвоила: нельзя переместиться прямо в дом, если его дверь заперта или хозяин тебя не ждет. Я все же попыталась зайти в храм, но дверь оказалась закрытой. На мой стук выглянул молодой служка и сказал, что мастер Боэ уехал, возможно, на несколько дней. Неужели уже отправился в Голдвайн? Попробую еще заглянуть к Розе. Вдруг успею?

Дом Розы пустил мой сферум, и я оказалась прямо в ее маленькой прихожей.

— Лия? — Она неожиданно обрадовалась моему появлению. За ней следом из комнаты выбежал Рей. — Как хорошо, что ты пришла! Я ведь намеревалась сама к тебе обратиться. Вот-вот придет Филипп, и мы отправимся в Голдвайн. Я хотела попросить тебя присмотреть за Реем. Взять его с собой к императору я не могу, сама понимаешь. Мало ли... Будет лучше, если он останется в Талоссе. Ты же знаешь, он самостоятельный мальчуган, с ним хлопот не будет.

— Конечно, присмотрю, не волнуйтесь, Роза. Мне это будет совсем не в тягость, — заверила я. — Я заберу его к себе. Вернее, к лорду Реллингтону. Вы не против? Мне так будет спокойней. Рей, ты как? Пойдешь со мной?

Роза тоже вопросительно посмотрела на внука, и тот кивнул.

— Ну вот и договорились. — Я улыбнулась, но потом снова стала серьезной. — Роза, у меня не очень хорошие новости. Нам не удалось уговорить лорда Паттисона. Он отказался. Теперь ума не приложу, что делать.

— Что ж. — Роза тоже сникла. — Попытаемся что-нибудь придумать другое. Я передам Филиппу. Но пока куда важнее разговор с императором. Неизвестно, что он нам принесет. Возможно, нас даже слушать не захотят. Или... Нет, о худшем думать не будем.

— Кстати, об императоре, — вспомнила я. — Возможно, вам будет полезна информация: его сын, принц Кайл, тоже слег от этой неизвестной болезни.

— Спасибо, — Роза озадаченно кивнула. — А теперь идите. — Она крепко обняла внука, а потом подтолкнула его ко мне. — Берегите себя...

Спустя несколько минут мы с Реем уже входили в особняк Реллингтона. Марк появился на лестнице почти в ту же секунду.

— Вернулась?

— Не возражаешь, если Рей поживет здесь немного? — сразу перешла я к главному. — Роза с Филиппом уже направились в Голдвайн. Генриетта тоже, и Рей остался один.

— Пусть живет, — отозвался Марк. — Можешь отдать ему любую комнату. Я буду в библиотеке. — И он снова скрылся на втором этаже.

— Ну что? Пойдем смотреть комнаты? — улыбнулась я Рею и взяла его за руку.

Мы выбрали ему спальню недалеко от нашей с Марком, поболтали немного, а там незаметно наступило время ужина. За столом собрались все вместе, Рей был молчалив, но с аппетитом ел предложенные ему блюда, а кусок вишневого пирога, поданного на десерт, мгновенно умял и попросил даже добавки. Потом Марк разрешил ему выбрать несколько книг в библиотеке, чтобы почитать перед сном. Рей взял две с приключениями и, пожелав нам «темной ночи», довольный ушел в свою комнату.

— Наверное, мне теперь нужно отвыкать от прежних слов приветствий и прощаний, — заметил Марк, когда мы уединились в своей спальне.

— Тебя никто не торопит, — мягко ответила я. — Да и в Дарквайте принято говорить так, как ты привык. Не создавай себе проблем. И уж тем более не надо это делать ради меня. Я вообще здесь без году неделя, и мне до сих пор хочется обращаться ко всем так, как принято в моем мире.

— Что ты будешь делать, когда закончится твой контракт с Коуном? — внезапно спросил Марк. — Ты думала об этом? Захочешь вернуться в свой мир?

— Мне кажется, это сейчас не главное. — Я подошла к нему и обняла. — А там посмотрим...

С самого утра я находилась в тревожном ожидании: ни от Розы с Филиппом, ни от Генриетты пока не было никаких известий. Марк тоже был погружен в раздумья, и с самого пробуждения мы едва перебросились несколькими фразами. За завтраком нас неожиданно обслуживала Берта.

— Давид приболел, милорд, — пояснила она в ответ на недоуменный взгляд Марка. И добавила с обидой в голосе: — А мне все равно нечем заняться. Вы же меня отлучили от работы на верхних этажах. Хоть здесь пригожусь.

Вопрос относительно этой горничной мы с Марком уже давно решили: он клятвенно заверил, что у них с Бертой никогда не было любовной связи, все остальное — ее фантазия и тайные желания, но все же убрал ее подальше с глаз, отправив работать на кухню.

— Давид не Темный? — уточнила я у Марка.

— Нет, не беспокойся. Обычный человек без толики магии, — ответил он. — Думаю, ничего серьезного. Он часто болеет.

— Ваш кофе, миледи, — произнесла тем временем Берта с такой желчью, что сразу расхотелось пить этот кофе. Не удивлюсь, если она плюнула туда или чего похуже. Тем более кофе за столом пила я одна, Марк и Рей предпочли чай.

— Спасибо, Берта, можешь идти, — сказала я, но к напитку не притронулась.

Та медленно покинула столовую, после чего неожиданно подал голос Рей:

— Эта девушка плохо отзывалась о Лии. А еще она подслушивала под дверью вашей спальни. — Он немного покраснел под нашими внимательными взглядами, но все равно продолжил: — Вчера я долго читал перед сном и захотел молока. Я всегда его пью на ночь. А Лия разрешила мне ходить на кухню. Вот я и решил попросить кухарку дать мне стаканчик. Лию не хотел беспокоить, думал, вы уже спите. Вышел из спальни, а Берта стоит около вашей двери, прямо ухо приложила. Она даже не заметила, как я прошел мимо.

Мне тоже стало неловко, когда я представила, что именно Берта могла подслушать, а Марк уже недобро прищурился.

— Спасибо, Рей, — медленно проговорил он сквозь зубы. — Я приму к сведению. И позабочусь о том, чтобы к вашему возвращению ее уже не было в моем доме.

— Только не горячись слишком, — все же попросила я. — А то еще головные боли вернутся.

— Вы надолго в свою лавку? — ворчливо уточнил Марк.

— Не знаю. Посмотрю, как будет обстановка. Если по-прежнему тихо, то закрою в обед. Не скучай. — Я поднялась и чмокнула мужа в щеку, на более откровенный поцелуй при Рее не решилась.

Город по-прежнему утопал в тумане. Магазины и прочие заведения работали не все, но аромат булочек из пекарни Вальди поднял настроение: хоть что-то неизменно в этом мире. А потом еще и Паула прибежала.

— Еле нашла твои «Зелья», — смеясь, сказала она.

— Так что же тебе не сидится в своей мастерской? — Я тоже улыбнулась. — Такой-то погодой...

— Во-первых, по тебе соскучилась, а во-вторых, дай-ка мне энерготинчика, а то что-то работоспособность упала, заказов же еще сотня, работы на неделю...

— Заказы — это хорошо. — Я потянулась к верхней полке, где стояло нужное зелье. — А у меня совсем глухо...

— Милорд! — вдруг испуганно вскрикнула Паула.

Я резко обернулась, задев несколько пузырьков, и те со звоном попадали на пол. Но мне уже было не до разбитых зелий: около Паулы, припав на одно колено, стоял Паттисон. И выглядел он плохо, если не сказать ужасно: посеревшая кожа, ввалившиеся глаза с синяками под ними, сухие губы.

— Милорд... — Я тоже бросилась к нему.

Он поднял на меня взгляд и хрипло произнес:

— Что вы там говорили про ритуал? Я в деле...

ГЛАВА 39

Пока Паула причитала и крутилась вокруг Паттисона, я принесла ему стакан воды, а Рей — стул.

— Что случилось, милорд? — спросила я, когда Паттисон немного пришел в себя.

— Кажется, эта зараза зацепила и меня, — прохрипел он с вымученной усмешкой, тем самым подтвердив мои страшные догадки.

— Вы считаете, что подхватили болезнь от принца?

— Да какая уже разница? — Он дышал тяжело, шумно. — Но подышать не хочется.

— Лия, что происходит? — Голос Паулы дрожал от страха. — О чем вы с милордом говорите? Надо позвать доктора...

— Помолчи, Паула, — попросил ее Паттисон. — Не надо никакого доктора. Он не поможет.

— Какие у вас симптомы, милорд? — Я подлетела к стеллажу с лечебными снадобьями.

Может, я смогу подобрать ему что-то из своих зелий? Чтобы хоть немного облегчить состояние. Тот же энерготин... От лихорадки... Или желудочных спазмов...

— Болит все, все... Чтоб меня... И голова раскалывается...

— Выпейте отвар для общего тонуса. — Я протянула ему флакон с настойкой. — Он придаст вам сил.

— Вы уверены? — Паттисон криво улыбнулся, но зелье выпил. — Когда ритуал? Хоть бы дожить до него.

— Вас проводить до дома, милорд? — продолжала свое Паула.

— Да я только оттуда. — Он сглотнул. — И нельзя мне туда. Не хватало еще семью заразить. Вон бабка и без того слаба здоровьем.

— Мы сейчас перенесемся к Марку, — сказала я. — Вы можете использовать сферум, милорд? У вас есть на это силы?

— Не уверен.

— Ясно, тогда воспользуемся моим.

— А я? Я тоже пойду с вами. Лия, я помогу... — Подруга смотрела на меня умоляюще, похоже, она от волнения не понимала и половины из наших слов или же интерпретировала их по-своему.

— Паула, возьми успокоительных капель и иди пока домой, — попросила я ее. — К сожалению, ты нам ничем не сможешь помочь. Не обижайся, пожалуйста...

— Нет, я...

— Рей, — я бросила ключи притихшему мальчику, — будь добр, закрой лавку. И возвращайся к Марку. Милорд, — я наклонилась над Паттисоном, — давайте поднимемся, обнимите меня за шею...

— Думаете, сейчас время обниматься, миледи? — Он вымученно улыбнулся, но выполнил мою просьбу и встал на ноги. — Что скажет Реллингтон? К несчастью, я сейчас не в форме, чтобы вступать с ним в драку.

— Подеретесь потом, — пообещала я. — Держитесь за меня крепче.

— Что вы придумали, миле... — Но его слова оборвались с появлением моего сферума.

Уже исчезая, я услышала изумленный возглас Паулы:

— Лия, что это такое?

Переместиться пришлось только к воротам, и я сразу стала отчаянно звонить в колокольчик. Паттисон привалился всем телом к решетке и ошалело смотрел на меня.

— Тьма! Какого демона это было? Это же... Сферум... Светлый сферум...

— Молчите, милорд. Берегите силы, — осадил я его и еще раз дернула колокольчик. — Кто-нибудь! Скорее же! — Но, увидев выбежавшего Джо, испугалась: он же Темный, может заразиться. Поэтому замахала ему, прося не подходить. — Милорда позови!

Однако Реллингтон уже сам спешил к нам. Ему ничего не пришлось объяснять. Он лишь взглянул на Паттисона и сразу все понял. Забросил его руку себе на плечо и повел в дом.

— А ты не боишься заразиться? — Паттисон даже в таком состоянии продолжал язвить.

— Уймись уже, — беззлобно отозвался Марк. — Не боюсь я заразиться.

— Как тебя угораздило жениться на Светлой? — Паттисон упал на диван в гостиной. — Ты знал это?

— Обсудим это в другой раз, Люк.

— Ты говорил что-то о ритуале... — Он потер лоб и поморщился, словно от боли. — Если я сделаю, что вы от меня хотите, останусь жив? Выздоровею?

— Я не знаю, Люк, — ответил Марк честно. — Но попробовать стоит.

— Действительно... Я уже ничего не теряю. — Он снова скривился.

— Кажется, у него сильные головные боли, — тихо сказала я Марку.

— Принеси ему мое лекарство, — ответил он. — Вдруг поможет?

— А как же ты?

— Мне уже лучше. Я заметил, что в последнее время боли меня почти не беспокоят. Даже когда тебя нет. Так что неси.

Я не стала больше спорить, кивнула и поспешила в нашу спальню за лекарством. Когда возвращалась, застала в холле Рея.

— Лавку закрыл, — сообщил он и протянул мне ключи.

— Спасибо. — Я бросила их в карман юбки и поспешила в гостиную.

— Вы меня сейчас залечите, — вяло возмутился Паттисон, забирая пузырек с зельем.

— Тебе надо протянуть до ритуала, — отозвался Марк, расхаживая туда-сюда.

— Когда собираетесь проводить?

— Еще не все участники собрались.

Холл заполнил звон колокольчика, мы с Марком переглянулись. Но радостный возглас Рея заставил нас с облегчением выдохнуть: это была Роза. Вскоре она вошла в гостиную, но одна, без Филиппа.

— Он отправился в храм, — пояснила нам и бросила опасливый взгляд на Паттисона.

— Лорд все-таки согласился участвовать в ритуале, — сказала я, и Роза кивнула. — А какие новости у вас? Удалось встретиться с императором?

— Удалось, — ответила она и улыбнулась.

Сердце радостно подскочило: неужели у них с Филиппом все получилось?

— Присаживайтесь, — предложила я ей, — не стойте. Вы, наверное, устали...

— Устала я не сильно, но присяду, — усмехнулась Роза и опустилась в кресло.

— Рассказывайте. — Я замерла в ожидании.

Марк тоже остановился, устремив взгляд на Розу.

— В Голдвайне мы были уже вечером, — начала она. — Сразу направились во дворец. Нас долго не пускали, прогоняли, даже хотели взять под стражу. Тогда Филипп решил рискнуть и попросил передать императору, что, возможно, мы знаем, как спасти принца. К нам долго не возвращались, но хотя бы гнать перестали. Потом наконец спустился секретарь и пригласил к императору. Тот принял нас в кабинете. Выглядел император, конечно, неважно. Уставший, осунувшийся, с потухшим взглядом. — Роза вздохнула. — Кажется, он даже был нетрезв. Сразу спросил, как мы собираемся спасти его сына. Когда же узнал, кто мы, расшвырянул, хотел снова вызвать стражу. Тогда Филипп положил перед ним свитки Сарана. Потом долго объяснял, что к чему. Я в основном молчала, Филипп и без меня хорошо справлялся. Тогда император спросил, какие наши условия и что он должен сделать. Для начала мы предложили подписать пакт о перемирии и указ о равноправии Светлых и Темных, позволить Светлым выйти из тени, ну и, конечно, дать свободу тем, кто сейчас находится в заключении. Император ответил, что ему надо подумать до утра. Назавтра мы вернулись во дворец, и император сказал, что согласен пойти на перемирие и подписать прочие указы. Пакт мы заключили сразу и о равноправии указ составили, остальные, он сказал, подпишет, когда мы проведем ритуал.

— Вы уверены, что он не обманет? — спросила я.

— Филипп его предупредил, что если он решит слюкавить, то равновесие так и не установится, и все беды вернуться, в том числе и болезни Темных, — ответила Роза. — И жизнь принца все так же будет под угрозой. Отношения между Светом и Тьмой должны стать открытыми и прозрачными, как в давние времена. Каждый должен занять свою нишу в управлении Дарквайтом и действовать сообща.

— Хорошо, если так будет... — отозвалась я, но радоваться пока боялась: мало ли?..

— А что с принцем? — поинтересовался Паттисон. — Он еще жив?

— Да, когда мы покидали дворец, принц был еще жив.

— Хвала богам... — вздохнул он. — Значит, и у меня еще есть шанс протянуть.

— Какие наши дальнейшие действия? — спросил уже Марк.

— Возвращаемся в храм. — Роза поднялась. — Нужно дождаться Генриетты, что-то она задерживается.

И вдруг вновь ожил дверной колокольчик. Кто же на этот раз?

— Может, Генриетта? — воспрянула я духом.

Но оказалось, что это Паула. Она вбежала в гостиную, растрепанная и покрасневшая от бега, и сразу бросилась к Паттисону.

— Как вы, милорд?

А она все так же неисправима и отчаянна...

— Жив, пока жив. — Он похлопал ее по руке и выдал улыбку. Очередная неожиданность от этой парочки. Но нет, подумаю над этим позже... Сейчас на повестке вопросы куда поважнее.

— Как будем добираться до храма? — поинтересовалась я. — Лорд Паттисон обессилен, Марку тоже нельзя рисковать.

— Мы с Люком поедem на машине, — ответил Реллингтон.

— Ты не боишься за Джо? — с сомнением уточнила я.

— За руль сяду я. Попробуем добраться до храма как можно быстрее.

— Я не знаю, зачем вам в храм. Как и не знаю, что вообще происходит со всеми вами, но я тоже еду! — категорично заявила Паула.

— Хорошо, пусть едет с вами, Марк, — согласилась я. Что уже с ней поделаешь? Снова ведь пешком пойдет сквозь туман. — Ждем вас в храме.

Мы не стали больше тянуть время и вскоре с Розой и Реем уже открывали дверь в комнату Филиппа Боэ. И не успели поделиться с ним последними новостями о Паттисоне, как сюда же с шумом ввалились Бенджамин Коун и Генриетта. Вернее, первой появилась ведунья, грозно сверкая глазами, а за собой она уже втянула за рукав мастера. Вид у обоих был таким, будто они только с ринга.

— Еле притащила этого проходимца, — выравнивая дыхание, пояснила Генриетта. — Бежал от меня по всему Голдвайну, насилиу поймала.

— Да ты мне даже толком не объяснила, в чем дело! — Мастер возмущенно оправил пиджак. — Я думал, ты по другому вопросу!

— По какому такому вопросу? — Генриетта прищурилась с подозрением и стала на него наступать. — Ты не о ворованном рецептике одного зелья, случайно? Так я это уже давно обнаружила. И даже успела забыть об этом, да еще и простить. Добрая я, понимаешь? Слишком добрая. Но раз ты напомнил... Придется поквитаться. Но позже. Вначале ты отдашь свою кровушку во имя спасения этого дрянного мира. А я смотрю, тебе хорошо в столице-то жилось, щеки вон отъел какие. — Она ущипнула мастера за лицо. — Развлекался, пока тут Лия тебе деньги зарабатывала? Ох, а кожа какая гладенькая, прямо младенчик... И не стыдно тебе так молодиться, старый хрыч?

— Завидуешь? — Коун криво усмехнулся и попятился от нее.

— Да больно надо! — натужно рассмеялась Генриетта. — Мне на твой источник молодости начхать!

— Ну хватит уже, — спокойным голосом приструнила их Роза. — После обменяетесь любезностями. Бенджамин, ты как, готов?

— Да готов. — Он нервно пригладил волосы и наконец глянул на меня. — О, Лия...

— Здравствуйте, мастер, — улыбнулась я. — У меня все в порядке. Дом под присмотром. Лавка приносит доход. Правда, в последние дни из-за тумана продажи упали. Но тут уж, как говорится, почти форс-мажор.

— Хорошо, спасибо. — Он рассеянно кивнул. — А как решился вопрос с лордом Реллингтоном? Что с тем зельем?

— Вопрос решился положительно, — ответила я, пряча на этот раз улыбку. — А вот и сам лорд. — Я перевела взгляд на дверь, которая распахнулась, пропуская Марка и Паттисона. За ними маячила Паула. — Даже два лорда.

— Ну, раз мы все в сборе, — наконец подал голос Филипп, — полагаю, пора переходить к главному...

ГЛАВА 40

За окном уже темнело. Филипп медленно обходил главный зал храма, зажигая одну свечу за другой. Мы вчетвером ждали его у алтаря, те же, кто не участвовал в ритуале, стояли поодаль, стараясь не мешать. Только Паула нервно грызла ногти и не отрывала взгляда от слабеющего Паттисона, которого по-прежнему поддерживал Марк. Мастер Коун ходил кругами, я же смотрела на статуи пяти богов и мысленно просила их о милости и прощении. Филипп зажег последнюю свечу у жертвенной чаши и сделал шаг назад.

— Все готово. Лия, — обратился он ко мне, — займи место со стороны богини Вей. Лорд Паттисон, станьте рядом с богом Мором.

Марк помог Люку подойти к статуе Темного бога и выжидательно посмотрел на Филиппа.

— Ваше место, лорд Реллингтон, около Темной богини Тьярры, — сказал тот.

— Не Кона? — с сомнением уточнил Марк.

— Нет, милорд, вы рождены были Темным. А Бенджамин — Светлым, значит, рядом с Коном должен стоять он.

Сам Филипп остановился у статуи бога Равновесия, затем извлек из складок своей рясы кинжал с тонким лезвием и протянул его мне.

— Лия, ты первая...

Сердце, и без того трепещущее от волнения, забилося еще чаще. Первой быть всегда волнительно, а уж резать себя... Я прикусила губу и решительно полоснула кинжалом по ладони. Лезвие оказалось острым, и из возникшего пореза тотчас заструилась кровь. Стараясь не обращать внимания на острую боль, я вытянула руку и позволила крови пролиться в ритуальную чашу.

— Бенджамин... — тихо указал Филипп.

Не убирая руку от чаши, другой я передала кинжал мастеру. Тот несколько секунд колебался, затем медленно провел лезвием по ладони. Теперь его кровь смешивалась с моей, но пока внутри чаши было спокойно.

— Лорд Паттисон...

Паттисон порезал себя одним резким, торопливым движением. Уже над чашей сжал ладонь в кулак, будто желая выжать всю кровь. Та, соединившись с нашей, зашипела, как на сковородке. Филипп перевел взгляд на Марка.

— Милорд...

Тот кивнул, забирая кинжал у Паттисона. Сделал глубокий надрез, так что кровь хлынула ручьем, а я испугалась: не слишком ли он перестарался? А в чаше между тем уже все бурлило, и в носу защекотало от запаха железа. Но стоило Филиппу добавить свою кровь, как все внезапно прекратилось. Чаша на глазах начала пустеть, словно впитывая в себя нашу кровь. Когда же исчезла последняя капля, разом потух свет, и наступила крошечная тьма. Я слышала лишь дыхание мастера Коуна, который стоял ко мне ближе всех. Затем донесся недовольный голос Паттисона:

— Что опять? Мы сделали что-то не то?

У меня в голове вертелся тот же вопрос, а еще хотелось увидеть Марка: не ощущая его рядом, я чувствовала себя неуверенно. Внезапно сумрак прорезал свет, похожий на луч прожектора. В очерченном им кругу появились два черных кресла, на которых расположилась пара: не улыбка в серых одеждах и такая же мрачная темноволосая женщина в платье цвета индиго. Мужчина сидел не прямо, а подавшись корпусом вперед и опираясь на опаловую рукоятку блестящего меча. Женщина же с лентой крутила между пальцев песочные часы.

Но не успела я толком рассмотреть эту пару, как слева вспыхнул еще один «прожектор», высветив два других кресла, на этот раз белых, но пустых. Вокруг стало тоже чуточку светлее, и я наконец увидела Марка и остальных. Вот только чаша пропала, как и статуи за мной, а дальше, в нескольких метрах от нас продолжала висеть густая непроглядная темнота. Пола тоже не было видно, хотя твердь под ногами ощущалась.

Вскоре из тьмы выступили еще два силуэта. Сначала они были прозрачны и невесомы, точно привидения, но с каждой секундой обретали все большую плотность и четкость, пока перед нами не предстали девушка и молодой мужчина. Девушка расправила складки на бледно-розовой тунике и, встряхнув льняными кудрями, улыбнулась.

— Наконец-то мы вернулись, Кон.

Затем она обернулась к паре в черных креслах.

— Мор? Тьярра? Давно не виделись! Надеюсь, вы рады нашему возвращению?

— А ты так и не изменилась, Вея, — со смешком отозвалась Тьярра. — Хоть бы повзрослела немного...

— Я — вечно юная богиня, — повела та весело плечиками, и в этот миг она мне очень напомнила Паулу. — К чему взрослеть? К тому же мудрость, как и глупость, мало зависят от возраста.

— Девчонка, — снисходительно, но без злобы пророкотал Мор. — Не думай, что мы скучали без тебя. Могли бы с Коном и дальше прятаться.

— Но нас позвали, и мы не могли не вернуться... — Теперь Вея обратила взгляд на нас, безмолвно наблюдающих за препиранием богов и ожидающих, что будет дальше. — Так-так-так... И кто же наши герои?

Она первым делом подошла к Филиппу, и тот поклонился ей с достоинством.

— С возвращением, богиня...

— Статер... — улыбнулась Вея. — Куда же без участия Равновесия? С него все начинается, им же и заканчивается. А где же сам Саран? Что-то он задерживается... Темный? — Вея смерила быстрым взглядом Паттисона. — Борешься со своими демонами? Правильно, они не нужны даже Темным. Гордыня может сыграть злую шутку с любым, как Светлым, так и Темным. Верно, Мор? — Она глянула через плечо на бога Тьмы.

— Кому, как не тебе, это знать, Вея... — отозвался тот.

— Действительно... — Улыбка на ее лице на миг померкла, но после засияла с новой силой. — Истинная Светлая. — Теперь она стояла около меня, я же от волнения не могла даже шевельнуться. — Кон, твои посланники из «Параллели» хорошо поработали, надо бы их отблагодарить.

— Отблагодарим. — Бог Света наконец позволил услышать свой мягкий, обволакивающий голос.

— А как тебе мои яблочки? — заговорщицки спросила Вея уже меня. — Если вдруг еще раз увидишь Лотту, подкинь ей пару кристолей.

— Лотта — это та бабушка? — догадалась я.

— Моя близкая помощница. Только никому не говори, ладно? — Богиня приложила пальчик к губам. — И спасибо тебе. Ты отлично со всем справилась.

Вея сделала шаг к мастеру.

— Ну что, безответственный Хранитель из великого рода Коунов? — произнесла она со вздохом, но все же улыбнулась. — Возвращаемся к Свету? Или замолвить за тебя словечко перед Тьмой?

— Зачем спрашиваете, если все равно знаете ответ, богиня? — Сейчас Коун был серьезен

как никогда.

— Ну хоть прощение попроси за то, что поддался низменным порокам. — Вея снова вздохнула.

— Виновен, богиня. — Мастер опустился перед ней на колени. — Простите... И примите.

— Ладно, так уж и быть, принимаю. — Вея положила руку ему на голову, и мастера окутало светом. — Но в наказание забираю твою молодость. Точнее, возвращаю тебе облик твоего истинного возраста.

Когда свет погас, вместо молодежавого мужчины уже стоял тот самый старик, которого я встретила в день своего прибытия в Дарквайт. Мастер с сожалением потрогал свое морщинистое лицо и опустил глаза.

— А что же нам делать с тобой? — Вея приблизилась к Марку. — Темный, вынужденный стать Светлым... Мор, отчего ты захотел изгнать его? Почему отвернулся от него? Уж не потому ли, что он напомнил тебе себя же? Когда ты помог...

— Прекрати! — жестко оборвал ее бог Тьмы. — Пусть это останется в прошлом.

— Кого ты наказывал, Мор, его или себя? — Вея все же не унималась. — Почему вы, Темные, считаете сострадание слабостью? В ваших Темных правилах об этом нет ни слова.

Мор, стиснув зубы, промолчал, а Марк вдруг усмехнулся. Вея удивленно на него взглянула.

— Так постоянно говорит моя жена, — пояснил он, бросив взгляд на меня. — О сострадании.

— У тебя мудрая жена, — усмехнулась Вея. — Думаешь, тебе у нас будет лучше, Темный?

— Возможно...

— Это не ответ.

— Во мне есть Свет, я почти свыкся с ним.

— И это тоже не ответ. — Вея приложила ладонь к его груди, и по ее пальцам побежали вспыхивающие белым светом ручейки. Потом она убрала руку и показала сверкающий шарик. — Вот тот Свет, что был внутри тебя. Я могу вернуть его, если хочешь. Точно хочешь?

Марк посмотрел на меня, а я ободряюще улыбнулась.

— Это твой выбор, — продолжила она.

— Я готов принять тебя обратно, — произнес вдруг Мор дрогнувшим голосом.

— Мы готовы тебя принять, — поправила его Тьярра спокойно.

— Ну что, выбор теперь за тобой, — повторила Вея.

— Если я выберу Тьму, я смогу остаться со своей женой? — Мне было больно смотреть на него и его мучительные сомнения. Хотелось подойти и обнять, сказать, что мои чувства не изменятся и мне совсем не нужно, чтобы он становился Светлым, главное, чтобы остался самим собой. Но при богах не осмелилась этого сделать.

— Конечно, что за глупый вопрос? — засмеялась Вея. — Иначе мы не одобрили бы ваш союз. Правда, Мор?

— Правда, — отозвался тот, едва заметно усмехнувшись.

— Я тоже одобряю этот союз, — раздался раскатистый бас, и на свет вышел высокий плотный мужчина в плаще. Он сбросил с себя капюшон и улыбнулся. — Я, как бог Равновесия, даже настаиваю на нем. Не это ли идеальный образец того, что Свет и Тьма

могут быть едины? И чем больше будет таких союзов, тем крепче равновесие.

— Саран, наконец-то! — всплеснула руками Вея. — А мы тебя уже заждались!

— Приводил в равновесие этот мир. — Он снова улыбнулся. — Пора возвращать все на свои места. И вам пора всем за работу, нечего расхолаживаться. Давайте уже закругляйтесь, нужно еще провести Совет Пятерых, у нас много накопившихся вопросов.

— Ну так что? — Вея снова посмотрела на Марка. — Свет?

— Или все же Тьма? — поднялся со своего места Мор.

— Оставайся честен с самим собой, — добавил Саран.

Марк бросил взгляд на переливающийся шар в руках Вей и ответил уверенно:

— Я останусь тем, кем родился.

Вот и все. Он выбрал Тьму, а я не испытывала сожаления. Это было правильно, так подсказывало мне сердце с самой первой минуты, а если решение правильное, то о чем сожалеть?

— Ты сделал свой выбор, Темный. — Вея улыбнулась, и шар на ее ладони исчез. — А о Свете не жалею. Он теперь всегда рядом с тобой. — И она показала на меня. — Вот он, твой Свет...

— Хватит болтать, девчонка, — потеснил ее Мор. — Дай уже мне сделать свое дело.

Он подошел к Марку вплотную и пристально посмотрел ему в глаза.

— Теперь ты вновь под покровительством Тьмы. — На мгновение вокруг них пронесся черный вихрь и растворился в воздухе. — Только пользуйся своей силой разумно.

Мор развернулся и направился обратно к своему креслу.

— От имени Света благодарим всех вас за смелость и решимость, — сказала Вея и, взяв под руку Кона, пошла с ним к пустующим белым креслам.

— Равновесие тоже выказывает вам свою благодарность, — произнес Саран.

Новый луч выхватил из темноты пятое кресло, стоящее между парами других богов, и Саран опустился в него.

«Прожекторы» тут же погасли, и богов поглотила темнота.

Но в следующий миг вернулся свет, а мы сами вновь оказались у алтаря в храме. И к нам уже спешили взволнованные друзья.

— Куда вы пропали? — спросила Роза. — Вас не было всю ночь!

— Всю ночь? — Мы переглянулись между собой.

— Мне казалось, что едва ли прошел час, — сказала я.

— Время в божественном пространстве течет по-иному, — объяснил Филипп.

— Вы виделись с богами? — воскликнул Рей. — Расскажите!

— Потом, — Филипп потрепал его по макушке, — это очень долгий рассказ, а мы все очень устали. Нам сейчас нужно разойтись по домам и отдохнуть.

— Милорд, как вы? Как себя чувствуете? — Паула в это время уже как наседка кружила около Паттисона.

— Да в порядке я, в порядке. — Он посмотрел на свою ладонь, где порез уже успел затянуться.

Я тоже глянула на руку: вместо раны остался только розовый шрам.

— Тебе действительно лучше, Люк? — переспросил его Марк.

— Да, кажется, я здоров. — Тот даже улыбнулся.

— Эй, Коун! А с тобой что? — раздался изумленный возглас Генриетты.

— Не важно, как я выгляжу, Генри, я по-прежнему в строю. — Мастер игриво обнял ведунью. — Светлом строю, заметь... И даже готов пригласить тебя на свидание.

— Ты совсем сдурел, Бен? — хрипло засмеялась та. — Какое свидание?

— Такое, на которые мы с тобой ходили раньше. — Мастер подмигнул.

— Ну ты и проходимец, — фыркнула Генриетта, но руку Коуна все же не убрала с талии. — Ладно, так уж и быть. Разрешаю тебе проводить меня до дома. Заодно расскажешь, где ты оставил свою молодость.

— Совсем другое дело. — Мастер поправил усы и повел ее к выходу.

Остальные тоже потянулись к дверям храма, которые уже открывал нам Филипп.

— Туман... Его нет! — первой заметила Паула.

Воздух и вправду был снова прозрачен и наполнен ароматами ночных цветов. Чистое небо еще было на западе усыпано крупными звездами, а на востоке уже занималась заря.

— Смотрите! — воскликнул на этот раз Рей. — Это ведь дом мастера и Лии!

Теперь и мы увидели между домов взмывающий в небо белый столб Света.

— У нас снова есть Свет, — просияла Роза, обнимая внука. — Он вернулся...

— Идем, посмотрим поближе. — Генриетта уже сама увлекала за собой мастера. — Все равно нам по пути...

— Не желаете ли тоже прогуляться, милорд? — вдруг выпалила Паула, во все глаза глядя на Паттисона.

Тот сначала опешил, потом с напускным равнодушием пожал плечами и ответил:

— Давай прогуляемся... — И предложил взять себя под руку.

Паула, похоже, не ожидала такой быстрой победы. Тоже вначале растерялась, но быстро вспомнилась, вся заискрилась от счастья и цепко ухватила Паттисона под локоть.

— Увидимся, — бросил нам Люк и стал спускаться с крыльца, уводя с собой Паулу.

Уже внизу подруга обернулась и, ликуяще улыбаясь, подмигнула мне. Я улыбнулась в ответ и подняла большой палец вверх.

— И мы пойдем, — сказала Роза. — Нам нужно готовиться к новой поездке в Голдвайн. Император обещал подписать указ об освобождении Светлых. А среди них ведь и моя дочь.

— Удачи, — пожелала я. — Поскорее возвращайтесь всей семьей.

— Я к вам скоро присоединюсь, Роза, — пообещал Филипп. — Только дам распоряжение служителям храма, чтобы они начали приводить в порядок статуи Светлых богов и Сарана.

Вскоре на крыльце мы остались с Марком одни. Я повернулась к нему и заглянула в глаза.

— Ты как?

— А ты как? — спросил он встречно.

— Я прекрасно. — И широко улыбнулась в подтверждение. — Кажется, у нас все получилось. Еще и с богами повидались. Разве это не повод для радости?

— Ты не осуждаешь меня? — Марк все еще был серьезен.

— За что? За то, что ты решил остаться с Тьмой? Я же сто раз говорила тебе, что мне все равно и я буду тебя лю... — Уже по традиции договорить мне не дали. Поцеловали горячо и порывисто, а после прижали к себе.

— Для меня тоже ничего не изменится, — прошептал он мне куда-то в волосы. — И я не изменюсь, обещаю... И буду любить тебя... Так же...

— А я и не сомневаюсь в этом. — Я потерлась щекой о его плечо. — И вообще открою тебе секрет: Темным ты мне нравишься больше.

— Seriously? — Марк недоверчиво усмехнулся.

— Конечно. А ты разве не знал, что хорошие девочки, как правило, любят плохих мальчиков? — отозвалась я шутливо. — И я, кажется, не исключение.

— Тогда я постараюсь быть очень плохим мальчиком, — шепнул он мне на ухо.

— Ловлю тебя на слове, — хмыкнула я, отчего-то краснея.

— Прогуляемся тоже? — последовало приглашение.

— Прогуляемся! — охотно согласилась я.

— В какую сторону?

— Конечно же в сторону рассвета, — ответила я, глядя на розовеющее небо. — Пойдем навстречу новому дню. Он обещает быть солнечным.

ЭПИЛОГ

Середина ноября в Москве выдалась на удивление солнечной и сухой, и я с удовольствием влезла в любимые джинсы, а туфли сменила на удобные ботиночки без каблука. Как же я все-таки соскучилась по своей прежней одежде! Однако мой спутник не спешил разделять радость. Марк шел позади, что-то тихо ворча, при этом постоянно одергивал толстовку, купленную ему полчасом ранее в торговом центре, где мы сейчас прогуливались. Джинсы и кроссовки к ней тоже прилагались, как и куртка, но пока «не получили» свою порцию недовольства. Конечно, можно было бы приобрести ему костюм с рубашкой и галстуком, но тогда и мне пришлось бы вырядиться в платье, от чего я категорически устала в Дарквайте. А так мы вполне гармонировали друг с другом.

— Тебе очень идет, — заверила я его с усмешкой.

— Мне кажется, на меня все смотрят.

— Если кто и смотрит, то на твое недовольное лицо. — Я взяла его за руку. — Расслабься... Когда мы еще попадем в мой мир?

На последний вопрос я и сама не знала ответа. Ходить часто между мирами запрещалось, мол, это могло нарушить очередной баланс, на этот раз межмировой, но через мастера Коуна мне удалось добиться разрешения на этот внеплановый переход с обязательным возвращением через три дня. За это время я должна была успеть увидеться с родителями, объяснить им, что уезжаю жить далеко-далеко за границу, где и связь не всегда ловит, познакомиться с мужем, который неожиданно сам вызвался меня сопровождать, и перепоручить им присматривать за квартирой. Конечно, прощаться с родным миром меня никто не заставлял, раз в год я точно могла сюда заглядывать, тяжелее было со связью: приходилось писать бумажные письма и отправлять их через специальную межмировую службу. Но и на том спасибо...

И вот с сегодняшнего утра мы в Москве. До отправления поезда в сторону моих родителей было еще более семи часов, которые мы пока проводили в торговом центре.

— И почему в твоём мире нельзя пользоваться сферумом? — все сокрушался Марк. — Сколько бы проблем решилось...

— Потому что в моём мире нет магии, — терпеливо объясняла я. — До попадания в Дарквайт я тоже жила без сферума, и ничего, нормально жила... Пстой, мне надо купить кое-что Пауле, потом могу не успеть.

Я остановилась около стенда с глянцевыми журналами, взяла все варианты, которые только были представлены.

— Я чего-то не знаю? — Марк покосился на каталог со свадебными нарядами.

— Думаю, об этом пока никто не знает, кроме Паулы, даже сам Люк, — хмыкнула я. — Правда, с ее напором он и не успеет понять, как окажется у алтаря.

— Или тебе придется готовить новое любовное зелье.

— Э нет, я пас, — засмеялась я. — Пусть у мастера просит или Генриетты. Мне хватило одного неудачного раза.

О том, кому предназначалось то любовное зелье, я все же однажды проговорила Марку после нескольких бокалов мохито, который теперь он частенько просил меня приготовить по вечерам. Сама же я уже с неделю не притрагиваюсь ни к чему крепче кофе или чая, поскольку есть у меня кое-какие подозрения... Но я о них пока помолчу, чтобы не сглазить.

— Да и, думаю, Паула прекрасно справляется без любовного зелья, — добавила я. — Ты в курсе, что Паттисон уже пригласил ее на ужин в свой дом в следующий лунодень? Сразу после службы, на которую они тоже пойдут вместе.

— Мои родители, кстати, тоже ждут нас в Голдвайне, — напомнил мне Марк.

О, а вот это был мой страх... Ехать в Голдвайн к родителям Марка, которые внезапно воспылали желанием узнать меня поближе, было для меня еще ужаснее, чем знакомить его с моими родными. От своих я хоть знала, чего ожидать, а от тех... Впрочем, если подтвердятся мои подозрения, то, надеюсь, все пройдет лучше, чем кажется.

— Может, на зимних праздниках? — предложила я. — Как раз на балу у императора и увидимся. И Роза там вроде будет. Император ее лично пригласил.

— Как ее дочь и зять? — спросил Марк.

— Восстанавливаются потихоньку. — Я улыбнулась, подумав о семье Розы, которая наконец воссоединилась. — Настои мастера и Генриетты им хорошо помогают.

— Не хочешь тоже вернуться к приготовлению зелий? — Марк спросил это с подозрением. Знаю, ему не очень нравилось, что даже после расторжения контракта я продолжаю заниматься лавкой, только уже на правах партнера. Но что поделать? Не смогу я вот так просто сидеть в четырех стенах и скучать! Тем более Марк теперь тоже при деле: император после участия в ритуале назначил его мэром Талосса. Это было столь неожиданно, что даже по прошествии полутора месяцев он еще не до конца свыкся с новой должностью.

— Нет, в лабораторию возвращаться я не хочу, — все же ответила на его вопрос. — Мне нравится работать с людьми и изучать их предпочтения. Это называется маркетинг.

Для Марка это непривычное слово было почти ругательным, поэтому он недовольно выдохнул, но промолчал.

— Надо бы еще мастеру подарок присмотреть, — сменила я быстро тему. — У него скоро именины. Слышала, он собирается отпраздновать их с размахом. Мы тоже приглашены.

— Что-то Коун зачастил с праздниками. У него что ни повод — все праздник.

Я на это лишь усмехнулась и пошла к кассе оплачивать журналы.

На выходе из магазина я заметила вывеску «Аптека». Вот еще одно место, куда мне нужно зайти. Отдала журналы Марку и оставила его дожидаться меня на скамейке. Но когда вышла из аптеки, не застала мужа на месте. Я даже запаниковала: вот куда он мог исчезнуть? Метнулась туда, сюда и заметила знакомый силуэт у игровых автоматов. Марк стоял за спиной подростка, который самозабвенно резался в какую-то игру. На экране мелькали человечки, все взрывалось и полыхало.

— Что-то интересное? — выглянула я из-за его плеча.

— Да так, не очень. — Он явно покривил душой, потому что еще несколько раз с любопытством оглянулся на экран. — Что это за коробочки? На лекарство не похожи. Палочки какие-то...

— Это волшебные палочки, — отозвалась я с улыбкой. — Они помогут развеять сомнения по одному волнующему нас вопросу. Ты ведь понимаешь, о чем я?

Марк понимал, но все же скептически посмотрел на тесты у меня в руках.

— И вот это может сказать, будет ли у меня наследник? Не проще ли было обратиться к доктору Гальдеру?

— Доктор Гальдер сможет подтвердить это не раньше чем через месяц, а вот они, — я помахала тестами, которых на всякий случай взяла три, — через пять минут.

— Но в вашем мире нет магии...

— Нет, — согласилась я. — Но иногда встречается кое-что получше. Подожди меня эти пять минут и узнаешь.

Я сама горела от нетерпения, слишком долго пребывала в сомнениях, поэтому решила, что сделаю один тест сейчас, прямо в торговом центре. Забежала в туалет, выполнила все манипуляции и стала ждать. Самые долгие минуты в моей жизни кончились, а

вместе с ними появились такие желанные две полоски. Оказывается, в этот момент испытываешь очень противоречивые чувства: счастье и страх одновременно. На всякий случай я сделала еще один тест и наконец явилась на глаза мужу.

— Что сказали твои палочки? — напряженно спросил он.

— Они сказали, что да. — Я забрала у него журналы и пошла вперед.

— Что значит «да»? — догнал меня Марк. — У меня будет наследник?

— Или наследница. — Я улыбнулась.

— Они и это сказали? — Он выглядел забавным в своей растерянности и... Я увидела в глазах Марка счастье, которое он отчаянно прятал за внешней суровостью. Да, лорду Реллингтону с трудом удавалось выражать свои эмоции, и чем сложнее и сильнее они были, тем невозмутимей он напускал на себя вид. И только я считывала их безошибочно, понимая все с полувзгляда и полуслова, поэтому никогда не обижалась и не требовала объяснений.

— Нет, это будет для нас сюрпризом.

На пути, словно специально, попался магазин детской одежды, и я шмыгнула туда. Не удержалась и схватила два костюмчика на маленьких вешалочках. Повернулась к Марку, который стоял уже за мной, и весело поинтересовалась:

— Какой лучше? Розовый или голубой?

Но он нашел взглядом другую витрину и взял с нее какие-то плюшевые курточки: белую и серую.

— Светлый или Темный?

— Этот вопрос тоже открыт, — хмыкнула я. — Поэтому предлагаю взять все. Пригодится...

Из торгового центра мы выходили, нагруженные пакетами. В них были подарки и для моих родителей, и для друзей из Дарквайта, ну и несколько тех милых детских вещичек, от покупки которых я так и не смогла удержаться.

— Почем яблоки? — спросил кто-то рядом.

— Последние уже... Вместе с ведром отдам за полтинник, — ответил знакомый до боли голос.

Я обернулась, и сердце радостно подскочило в груди. Бабушка, та самая! Я подбежала к ней, протягивая монетку в пять кристолей:

— Кажется, я должна была вам. — И улыбнулась.

Она тоже улыбнулась понимающе, задорно. Взяла монетку и бросила ее в карман потрепанной курточки.

— Будь, счастлива, деточка.

— Уже, — ответила я. — Спасибо вам... Лотта...

Она снова усмехнулась.

— Может, яблочки возьмешь?

— Спасибо, у меня свои есть. — Я похлопала по сумке, в которой действительно лежало несколько яблок с яблони мастера для моих родителей. Лишняя капелька Света им точно не помешает. — До свидания.

Лотта кивнула... И рассыпалась стайкой бабочек. Для прохожих это осталось незамеченным, а вот Марк не смог не прокомментировать:

— Значит, сферум все-таки можно использовать.

— Возможно, у Лотты, как помощницы Вей, есть привилегии, — предположила я.

— Мне кажется, у нас с некоторыми пор тоже есть привилегии.

— Предлагаешь нарушить правила?

— Я и так их постоянно нарушаю.

— Ладно, давай, — легко согласилась я. — Родители будут только рады, если мы явимся пораньше.

— То есть ты со мной? — уточнил Марк с хулиганской усмешкой.

— Куда же я без тебя? — И взяла его за руку.

— Мама, смотри, бабочки! — успел еще долететь до меня детский голос.

— Какие бабочки, милая? Тебе показалось...

А я, растворяясь в воздухе, улыбнулась. Нет, не показалось, милая. Однажды и тебя Лотта угостит своим яблоком, и ты придешь в Дарквэйт, чтобы тоже встретить там свою судьбу. Как я. Но это будет уже совсем другая история. Твоя история.